

[Э Р Л Е Н Д] ЛУ

ВО ВЛАСТИ ЖЕНЩИНЫ
НАИВНО. СУПЕР
ЛУЧШАЯ СТРАНА В МИРЕ
романы

Annotation

Эрленд Лу (р. 1969) – популярный норвежский писатель, сценарист, режиссер театра и кино, лауреат ряда премий. Бестселлер «Наивно. Супер» (1996), переведенный на дюжину языков, сочетает черты мемуарного жанра, комедии, философской притчи, романа воспитания. Молодой рассказчик, сомневающийся в себе и в окружающем мире, переживает драму духовной жизни. Роман захватывает остроумностью, иронической сдержанностью повествовательной манеры.

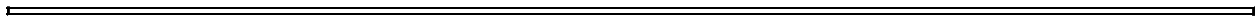
- [Эрленд Лу](#)
  - [СТЕНА](#)
  - [МЯЧ](#)
  - [ДЕРЕВО](#)
  - [ВРЕМЯ](#)
  - [ВЕЛОСИПЕД](#)
  - [НАСТАВНИК](#)
  - [ЖИЗНЬ](#)
  - [ЛЕС](#)
  - [ЖИВОТНЫЕ](#)
  - [ЧЕТВЕРКА](#)
  - [ДОСКА](#)
  - [ВАКУУМ](#)
  - [ПТИЦА](#)
  - [ДЕВУШКА](#)
  - [КОСМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО](#)
  - [CRAZY LOVE\[5\]](#)
  - [ВОЗЛЮБЛЕННЫЕ](#)
  - [ПАПА РИМСКИЙ](#)
  - [ЛИФТ](#)
  - [ПОЛЬ](#)
  - [ДОЖДИК](#)
  - [ПОЦЕЛУЙ](#)
  - [ТРЕВОГА](#)
  - [ПЕРСПЕКТИВЫ](#)
  - [РУКА](#)
  - [ФОРМА](#)

- [РЕНТГЕН](#)
- [СМЫСЛ](#)
- [МАНИФЕСТ](#)
- [N](#)
- [ГОРОД](#)
- [СОБАКА](#)
- [ХОПИ](#)
- [1-800-PARKS](#)
- [БИБЛИОТЕКА](#)
- [ПАРК](#)
- [ГЛУПЕЕ ГЛУПОГО](#)
- [БЛИЗОСТЬ](#)
- [КИСКА](#)
- [ШЛЕМ](#)
- [ЗАПИСКА](#)
- [МНОГО](#)
- [ЗДАНИЕ](#)
- [ДЕРЕВЬЯ](#)
- [В ПОЛЕТЕ](#)
- [ОТВЕТ](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)

- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)

Эрленд Лу

НАИВНО. СУПЕР

*Anybody who rides a bike
is a friend of mine.
Gary Fisher*

*Всякий, кто ездит на
велосипеде, мой друг.
Гэри Фишер*

СТЕНА

У меня есть два друга. Хороший и плохой. А еще у меня есть брат. Мой брат, может быть, не такой симпатичный, как я, но, в общем, нормальный.

Сейчас, пока он в отъезде, я занимаю его квартиру. Квартира отличная. Мой брат – денежный человек. Бог его знает, чем он там занимается. Я как-то не очень этим интересовался. Не то покупает что-то, не то продает. А сейчас уехал по своим делам. Он говорил мне, куда едет. И я даже записал. Кажется, это в Африке.

Он оставил мне номер факса и велел, чтобы я пересылал ему по факсу почту и сообщения. Такая вот у меня работенка. Простая и непыльная.

За это он позволил мне здесь пожить.

Я очень ценю такую возможность.

Именно это мне сейчас и нужно. Немного покоя, чтобы прийти в себя и опомниться.

В последнее время в моей жизни произошла странная вещь. Я вдруг дошел до точки, все потеряло для меня интерес.

Мне стукнуло двадцать пять. Это случилось пару недель тому назад.

Мы с братом обедали у родителей. Было много всего вкусного. После обеда – пирожные. Разговаривали о том о сем. И вдруг я поймал себя на том, что упрекаю родителей, почему они не заставили меня всерьез заниматься спортом. Непонятно, что на меня нашло.

Я молол какую-то чепуху, что был бы сейчас профессиональным спортсменом. Имел бы высокий рейтинг и был бы при деньгах. Я бы все время путешествовал. Договорился даже до того, что это по их вине я ничего не достиг и веду скучную и бесцельную жизнь.

Потом я перед ними извинился.

Однако на этом дело не кончилось.

Вечером мы с братом стали играть в крокет. Это бывает нечасто. Принадлежности для крокета, брошенные под сараем, совсем сгнили. Мы объездили несколько заправок в поисках нового комплекта. Брат расплатился по одной из своих кредитных карточек. Потом мы шагами отмерили в родительском саду расстояния, вбили в землю воротца и

колышки. Я выбрал красный цвет, мой брат – желтый. Не помню, те же цвета мы выбирали в детстве или нет. Забыл.

Мы начали играть, и некоторое время все шло прекрасно. Я быстро прошел первые и вторые воротца. Заработал дополнительный ход и продолжил игру. Я брал верх. Из нас двоих я первый начал разбойничать. Я отвел свой красный шар за дерево и стал поджидать, когда брат окажется рядом. Я все время шутил и смеялся. А потом зарвался.

К тому времени, когда брат начал примериваться, поглядывая на кусты, веселое настроение уже несколько минут как прошло.

Я видел, что он задумывает.

– Вот это уж лишнее, – сказал я.

Но я уже понимал, что он не собирается меня жалеть. Прижав правой ступней собственный шар, он долго примеривался, прежде чем ударить, чтобы посильнее мне навредить. Он нацелился в дальний угол сада. В самый конец сада. Туда, где трава уже не просто трава, а болотная зелень. Он сделал несколько легких пробных замахов, убедился, что может вложить в решающий удар всю силу и не попасть при этом молотком по собственной ноге, совершив самый унижительный из всех возможных промахов, и наконец запулил мой шар в самую гущу разросшегося куста. Мой шар так и влетел в кусты, в самую серединку.

Туда, куда никогда не проникает солнечный свет.

Удар получился на редкость удачным. Я не собираюсь его за это упрекать. Я бы и сам на его месте сделал точно так же.

Но вот то, как я на это прореагировал! Я даже сам удивился, потому что не ожидал.

Мой замысел был очень простым и в общем-то трусоватым. Я собирался подстеречь брата, затаившись неподалеку от кона, а потом неожиданно отбить его шар далеко в сторону. Если бы я промахнулся, это мне ничем не грозило, потому что он еще не прошел до конца весь круг. Зато если бы я отбил его шар, то ему ни за что было бы не наверстать потерянного времени, а в довершение всего, когда он предложит сыграть еще разок, я ответил бы «нет».

Теперь все эти надежды растаяли.

Я не рассчитал и допустил решающий промах. Пришел черед брата разбойничать на площадке, и вот уже мой красный шар закатился в гущу разросшегося куста.

Но я не сдавался. Я решил, что еще возьму свое и загоню его шар под машину. Только одна мысль и помогала мне держаться: вот сейчас я задам ему жару! Лишь бы его шар застрял под машиной! А я полюбуюсь на то, как он будет ползать на карачках или на брюхе, весь измажется и начнет ругаться.

Но сперва надо было самому как-то выбить свой шар из-под куста. Я приподнял ветки и раздвинул листву. Потом стал водить туда – сюда зажженным фонариком. В самой середине я увидел свой шар. Под кустом не разглядеть было цвета, но шар, несомненно, мой, красный. А братец, конечно, стоит себе и смеется.

Я зажал фонарик в зубах и полез под куст. Там было сыро, и температура, похоже, близка к точке замерзания. Я всю жизнь, сколько себя помню, всегда ненавидел этот куст. Ничего, сейчас мой черед бить. Я прицелился. Вот так должно получиться! Я был совершенно уверен, что скоро опять вырвусь вперед, что это вопрос нескольких секунд.

Уж я покажу братику, сейчас он у меня попляшет, черт его дерит!

Но мне потребовалось три хода, чтобы выбраться из куста. И в то время как я, все еще держа фонарик в зубах, отряхивался от листьев и от земли, брат снова забил мой шар в тот же куст.

Вот этот случай и заставляет меня в глубине души подозревать, что брат, вероятно, менее симпатичная личность, чем я. Я бы не стал два раза подряд забивать его шар в кусты. Один раз, наверное, да. Но дважды вряд ли.

Я снова зажег фонарик и во второй раз выбил шар из куста. Брат приготовился проделать со мной тот же фокус в третий раз, но промазал, и уж тут я принялся за его шар. Я совсем было нацелился послать его под машину, но стукнул неточно, и шар полетел не туда. Наверное, я слишком разгорячился.

После этого он в два счета расправился со мной. Один точный удар, и игра кончилась.

Сначала я стал спорить. Я придрался и стал говорить, что он сжульничал, мы перечитали правила и снова заспорили. При этом я договаривался до совершенно диких вещей.

Кончилось тем, что брат стал спрашивать, в чем дело.

– Что это на тебя нашло? – спросил он меня.

Я уже собирался ответить, что ничего особенного, как вдруг что-то во

мне перевернулось, и тут на меня нахлынуло все сразу. Это было мерзко и непреодолимо. Я никогда ничего подобного не испытывал и сейчас не мог выговорить ни слова. Я только сел на траву и потряс головой. Брат подошел ко мне и опустился рядом. Он положил руку мне на плечо. Раньше мы так никогда не сидели. Я расплакался. Прошло, наверное, несколько лет с тех пор, как я в последний раз плакал. Брат растерялся от неожиданности. Он принялся просить прощения за то, что вел себя так грубо во время игры.

Для меня все вдруг утратило смысл. Как-то внезапно.

Моя жизнь, жизнь других людей, жизнь животных и растений – все, что ни есть в мире. Все распалось на бессвязные кусочки.

Я поведал об этом брату. Но ему не дано было меня понять. Он встал и сказал: «Ладно, пошли! Shit happens!^[1] Все будет хорошо!» Он стал меня подымать, ткнул по-братски несколько раз кулаком в живот. Брат у меня играл раньше в хоккей с мячом, так что привык работать кулаками у бортика. Я сказал, чтобы он выслушал меня спокойно. Сказал, что дело тут серьезное. Брат снова сел и стал терпеливо слушать.

Мы долго проговорили. Я плел что-то несуразное. Мы оба не очень-то много поняли из того, что я наговорил. Но брат отнесся к этому серьезно. Надо отдать ему должное. Я заметил, что он встревожен. Он еще никогда не видел меня таким.

Он сказал, что каждый день тысячи людей, наверное, сталкиваются с тем, когда перед ними словно бы выросла стена. Многим, наверное, бывает от этого тяжело, но потом это проходит. Брат у меня оптимист. Он хотел мне помочь.

А я подумал, что провалился на самое дно. Мне стало страшно, что вот я уже пресытился днями и ничто больше не вызовет у меня воодушевления.

Тут брат и сказал, что он уезжает. Отъезд был назначен на ближайшие дни, и он вернется только через два месяца. Он предложил мне пожить это время в его квартире. Я сказал: «Спасибо!» – и потом мы помолчали, пока брат не взглянул на часы и не обнаружил, что уже начались новости спорта. Он спросил, как я посмотрю на то, чтобы вернуться в дом. Тогда был мой день рождения, и на столе опять стоял торт.

Проснувшись утром, я понял, что дальше так не может продолжаться. Я остался в постели и стал думать.

Дело было не в крокете. Это я знал точно.

Крокет – это пустяки, а тут было что-то важное.

Меня почти сразу осенило, что оно имеет непосредственное отношение к тому, что мне исполнилось уже двадцать пять лет. Именно это меня и мучило.

Мысль о взрослении почему-то всегда вызывала у меня тревожное чувство.

Пространство меня, в общем-то, мало волнует, но вот со временем у меня проблемы.

Пока я одевался, мне стало ясно, что я не могу потратить этот день на то, на что обычно тратил другие дни.

Дни надо проводить иначе.

А также и ночи.

Я постоял у окна, глядя на улицу.

И вот принял решение.

Я сел на велосипед, отправился в университет и сообщил, что по некоторым обстоятельствам не могу сейчас сдать специальность. Секретарша кафедры поинтересовалась, не случилось ли чего-то непредвиденного, и спросила, не может ли она чем-то помочь. Я отметил про себя, что она проявила трогательное участие, но мне не хотелось ни с кем разговаривать. Я коротко поблагодарил ее за внимание и сказал «да» на первый вопрос, а на второй – «нет».

После этого я снова сел на велосипед, вернулся в город и свернул все дела, связанные с моим прежним существованием. Я побывал в газете, куда от случая к случаю сдавал свои материалы, и сказал, что на время бросаю писать, а может быть, и вообще навсегда. Я отказался также от комнаты, которую снимал, от телефона, рассчитался за телевизор и отменил газетную подписку.

Все остальное, что у меня было, поместилось в рюкзаке и двух картонных коробках. Коробки я поставил к родителям на чердак, а рюкзак закинул за спину, взял велосипед и поехал на квартиру своего брата.

Приехал весь в поту, сел и сижу. Вот я и совершил наконец настоящий поступок.

Это вам не шуточки!

Не какое-нибудь там ТВ-2.

МЯЧ

Прошло недели две.

Я так и сижу в квартире брата.

Раз в день выхожу купить какой-нибудь еды. Если приходит почта, вскрываю конверты и пересылаю письма брату по факсу. Номер факса какой-то необыкновенно длинный. Я почти уверен, что брат находится в Африке. Я пытался искать записку с его адресом, но так и не нашел.

Кроме этого, я почти ничего не делаю.

Иногда листаю газету или полеживаю на диване, глядя в пустоту.

У меня никаких планов.

Ощущение бессмысленности всего сущего продолжается.

Это не очень-то воодушевляющее состояние.

Я сбавил темп до предела. До нуля.

Мне кажется, что надо начать все сначала. Интересно, как это сделать?

Вчера я составил список того, что у меня есть и чего нету.

Вот что у меня есть:

- хороший велосипед,
- хороший друг,
- плохой друг,
- брат (в Африке?),
- родители,
- дедушка с бабушкой,
- крупный кредит на учебу,
- степень бакалавра,
- фотоаппарат,
- немного взятых взаймы денег,
- пара почти что совсем новых кроссовок.

А вот то, чего у меня нет:

- планов,
- воодушевления,
- девушки,
- чувства, что все как-то связано и должно хорошо кончиться,
- обаяния,
- часов.

Просматривая сегодня списки, я обратил внимание на то, что список имеющихся у меня вещей длиннее, чем список того, чего у меня нет. У меня есть одиннадцать вещей. Нету шести. Это должно бы настраивать на оптимистический лад.

Но при внимательном изучении списков я обнаружил их неравноценность. Такое уравнение не решается.

В списке имеющихся вещей были такие, без которых я мог бы обойтись, а несколько вещей из списка отсутствующих представляются мне совершенно необходимыми для того, чтобы жить так, как мне бы хотелось.

Так, например, я бы с удовольствием согласился отдать моего плохого друга, чтобы взамен обрести немного воодушевления. Или девушку.

Это пожалуйста, хоть сейчас!

К сожалению, всем известно, что так не бывает.

Для развлечения я сложил количество пунктов в обоих списках: $11 + 6$.

Получилось 17. Довольно-таки большая цифра, когда речь идет о существенных, жизненно важных вещах. На несколько секунд я даже преисполнился гордости. Но нет, смысла в этом ни на грош. Что за глупость складывать то, что имеешь, и то, чего у тебя нет. К тому же некоторые из этих вещей не имеют большого значения. Например, часы. Мне бы хотелось иметь часы, но не могу утверждать, что они имеют существенное значение. Конечно, я бы не прочь обзавестись часами. Тогда я всегда мог бы узнать, сколько прошло времени. Как я уже говорил, со временем у меня проблемы, и, как мне кажется, лучше смотреть своим проблемам в лицо, чем притворяться, будто ты их не замечаешь. И все-таки разве часы – это существенно? Вряд ли.

То же самое можно сказать и про кроссовки. Кроссовки тоже несущественная вещь, но они у меня есть. Наверное, можно сказать, что часы и кроссовки дают при сложении ноль. Остается $10 + 5$. Это будет 15. В данном аспекте – тоже немалая величина. Но тем не менее она ничего не дает и так же бессмысленна, как число 17.

Надо постараться думать о чем-то другом.

Я лежал на диване и задремал и вдруг услышал, что поступает факс. Я стал ждать, когда он пройдет целиком и машина отрежет бумагу. Это заняло примерно минуту. Вот листок упал на пол, и я встал, чтобы его поднять.

Факс оказался от Кима.

Ким – мой хороший друг. Мы знакомы с ним уже несколько лет. Он отличный парень и готовится стать метеорологом. Сейчас у него, кажется,

практика, которую он проходит на острове, где-то на Севере. Как я понял, он живет там один. Он снимает показания каких-то счетчиков и что-то там вычисляет. Потом два или три раза в сутки звонит в метеорологический институт на Блиндерне.

Похоже, что он соскучился в одиночестве.

– Он то и дело присылает мне факсы. Я не поспеваю за его скоростью. Я сказал ему, что не могу отвечать факсом на каждый его факс. Он сказал «о'кей», но я понял, что он немного обиделся. В конце концов мы по умолчанию пришли к обоюдному соглашению: он посылает мне столько факсов, сколько ему захочется, я же отвечаю на них тогда, когда чувствую себя в состоянии.

Такой порядок меня более или менее устраивает.

Из факса Кима я делаю вывод, что он только что смотрел шведский канал ZTV. Он цитирует по-шведски:

1. Увольняйся с работы.
2. Съезди куда-нибудь.
3. Заведи новых друзей.

Я рассказал Киму о своих переживаниях. Он пытается мне помочь. Симпатичный поступок.

Под письменным столом моего брата у меня стоит коробка, на которой написано «Ким». Туда я складываю все его факсы. Коробка наполнилась уже почти до краев. С тех пор как Ким проведал о том, что я живу в квартире с факсом, его факсы идут один за другим.

Я снова ложусь на диван. Пора что-то делать. Не обязательно что-нибудь особенное, а просто хоть что-то.

И я решил пойти и купить себе что-нибудь такое, что наведет меня на приятные мысли, а лучше всего – заставит улыбнуться.

Я обошел несколько магазинов, но не увидел там ничего, что мне захотелось бы купить.

Тогда я решил уточнить, каким критериям должно отвечать то, что я пытаюсь найти.

Почему-то я увлекся составлением списков. Списки – хорошая штука. В ближайшее время мне предстоит составить еще не один список. Вот и теперь я записываю такой перечень:

– что-то не слишком большое, чтобы можно было носить с собой,

- чтобы стоило не больше ста крон,
- чтобы могло использоваться многократно,
- чтобы годилось для дома и для улицы,
- чтобы им можно было заниматься в одиночку и в компании,
- чтобы поднимало активность,
- чтобы оно помогало забывать о времени.

Сев на скамейку, я внимательно изучаю перечень. Читаю долго.

Перечень составлен честно. Я доволен тем, что написал. Может быть, такой объект найдется, может быть – нет. Это не самое важное. Важен перечень. Такое я делаю открытие. Ценное для меня.

И вот я сижу и думаю, какие же объекты удовлетворяют моим пожеланиям.

Мне представляется несколько возможностей. Но вещь нужна всего одна.

И вдруг я четко понял, что, оказывается, мне нужен мячик.

Просто-напросто мячик! Я почувствовал легкий всплеск возбуждения.

Давно уже я не вспоминал о мячах. Я рад, что вспомнил про них. Это как раз то, о чем мне нужно сейчас думать. Я на верном пути. Осталось только найти мячик. Как люди выбирают мяч?

В мире полно мячей. Все ими то и дело пользуются. Для игры и для спорта, и, наверное, не только для этого. Теперь осталось только выбрать то, что нужно.

Я отправляюсь в спортивный магазин.

Там такой огромный выбор мячей, что глаза разбегаются. Отличные, дорогие мячи. Есть кожаные, есть из других прочных материалов. Я пробую разные и понимаю, что они требуют к себе слишком серьезного отношения. Если я куплю такой мяч, то не посмею к нему притронуться из-за чувства собственной неполноценности. Нет, о качественном спортивном мяче думать еще рано! В настоящее время мне нужно по возможности приглушить в своей жизни элемент соревновательности. Мой девиз – восстановительный отдых. Мне нужен самый простой мячик. Хорошо бы из пластика.

Я отправляюсь в игрушечный магазин. Здесь нет такого огромного выбора, и глаза так не разбегаются. К счастью, мячики представлены здесь всего несколькими типами. С ограниченным числом цветов и размеров. Попробовав несколько штук на вес и испытав, как они отскакивают от пола, я выбираю в качестве самого простого решения красный мячик

среднего размера. Он стоит сорок с небольшим крон.

Мячик укладывают в мешок, и я отправляюсь с ним на велосипеде домой.

Отправляю факс Киму: «Настроение улучшилось впервые за долгое время. Купил красный мячик».

Я ложусь на диван и кладу мячик себе на грудь.

Я дожидаясь вечера.

Когда стемнеет, я выйду во двор и буду кидать мячик об стенку. Я жду этого с удовольствием.

ДЕРЕВО

Вот уже несколько вечеров подряд я играю на дворе в мяч.

Как правило, я отправляюсь туда с наступлением сумерек и устраиваюсь в дальнем углу, где нет ничьих окон. В этот закоулок, освещенный единственной лампочкой, редко кто-нибудь заходит.

Кидать об стенку мяч почему-то ужасно приятно. Сам не знаю, в чем тут дело. Надо бы, чтобы люди занимались этим почаще. Хорошо бы, если бы все этим занимались. Так было бы гораздо лучше. Тогда и жилось бы веселее.

Я кидаю мяч в стенку и ловлю после того, как он отскакивает от земли. Это хороший мячик. Он каждый раз ко мне возвращается. И хорошо помещается на ладони. Я уже и забыл это ощущение мяча на ладони. Как его держишь. Он такой круглый. С ним я забываю о времени.

Я снова бросаю мяч.

Красный пластиковый мячик тихонько звенит, стукнувшись о стену. Затем отскакивает от земли, издавая при этом немного другой звук. Тут я его ловлю, на мгновение удерживаю в руке и снова кидаю. Я проделываю это автоматически. Не думая о своих движениях. В это время можно думать о другом.

Сегодня я думаю о дедушке с материнской стороны. Несколько недель тому назад он рассказал мне одну историю. Эта история повествует о добром мире.

Дедушка с бабушкой живут в желтом деревянном доме, который они построили очень давно. У них есть большой сад, на который они всегда тратили много времени. Цветы, деревья и кусты значат для них очень много. Они знают все названия и когда что надо сажать, когда поливать и когда что сорвать. Они часто говорят о растениях и дарят цветы друзьям и родственникам. Так было всегда, сколько я помню.

Когда дом только еще строился, дедушка посадил яблоню. В самом дальнем конце сада. Я эту яблоню не застал.

Когда я родился, ее уже не было. Но я про нее слышал.

Сначала прошло довольно много лет, прежде чем на этой яблоне стали появляться яблоки. Много яблок. Бабушка готовила из яблок сок и варила компоты.

Хорошая была яблоня.
Но потом произошел этот случай.
В тот год выдалось урожайное лето, на яблоне созрели крупные и красивые яблоки.

Еще немного, и пора будет снимать.
Но однажды утром дерево оказалось погубленным. Несколько толстых ветвей валялось на земле. Бабушка вспоминала, что это было ужасное зрелище. С тех пор яблоня больше не плодоносила. И дерево умерло.

Дедушка пришел из сада и рассказал о случившемся бабушке.
Потом он переоделся из рабочей одежды в выходной костюм и отправился мимо церкви туда, где находилось ремесленное училище.

Там он поговорил с заведующим.
В училище разобрались со случившимся, и спустя некоторое время к дедушке явились три паренька.

Эти ребята лазили в сад воровать яблоки и ломали ветки.
Ребятам было очень стыдно.
Ну пошалили мальчишки! Казалось бы, ничего особенно страшного они не натворили, однако это был все же серьезный проступок.

Поэтому дедушка и заведующий училищем решили, что ребята должны ответить за свою проделку и понести наказание.

Новая яблоня стоила в те времена сто пятьдесят крон. Сошлись на том, что ребята выплатят дедушке стоимость яблони.

Каждому предстояло внести по пятьдесят крон.
Бабушка говорит, что по тем временам это были большие деньги.

Ребята должны были отдавать деньги по частям каждую неделю, на выплату долга должна была уйти вся осень и зима и половина весны – столько времени нужно было для того, чтобы целиком рассчитаться.

Дедушка уже побывал у них в училище, так что он знал, что у мальчишек с деньгами дело обстоит туго. Они были не из местных, жили в интернате, кто-то из них приехал издалека, и их родители уже сильно потратились, чтобы только послать сыновей учиться. Поэтому мальчишки теперь должны были расплачиваться сами из своих карманных денег. Это, очевидно, означало, что мальчикам придется сильно сократить свои траты на всякие платные удовольствия и развлечения. У них почти совсем не оставалось денег на какие-либо покупки, на кино, они не могли никуда пригласить девушку – о одним словом, ничего не могли себе позволить.

Каждую субботу ребята с пришибленным видом являлись к моему дедушке отдавать деньги. Они почти ничего не говорили. Только протягивали руку с деньгами и высыпали монеты на широкую дедушкину ладонь. Он строго кивал в подтверждение, что все делается по правилам. Так продолжалось долго. Прошла зима и настала весна.

В мае все в саду зацвело, а у ремесленников вот-вот должны были начаться каникулы, когда все разъедутся на лето по домам. В последний раз они пришли к дедушке с бабушкой нарядные, в выходных костюмах. Для них это был торжественный день. Они позвонили, бабушка отворила дверь и пригласила их зайти. К приходу ребят она приготовила кофе и испекла вафли.

Мальчиков усадили за стол угощаться, а они выплатили остаток долга и пожали руку дедушке.

У мальчиков камень свалился с души. Они улыбались и впервые разговорились. Они рассказывали о школе, о том, что будут делать летом. Рассказали, как живут родители. Лица у них были счастливые. Долг был возвращен. Они очистились от вины и наконец-то могли ходить с поднятой головой.

Потом мальчики собрались уходить. Они попрощались и направились к выходу.

Тут дедушка встал и сказал:

– Погодите-ка, ребята! Есть еще одно дело.

Мальчики остановились. А дедушка вышел из-за стола, направился к вместительному кухонному буфету и открыл дверцу. Порывшись в самой глубине шкафа, он вынул оттуда три конверта. Держа их в руке, он подошел к мальчикам и вручил каждому по конверту.

Мальчики сначала не поняли. Они переглянулись. Потом открыли конверты и по щекам у них заструились слезы.

Дедушка возвратил им все деньги.

Я все кидал и кидал мячик. Я как-то вошел в ритм. И хотя игра мне удастся, я не вижу причины перестать. В этой игре удача не кончается. Сколько бы ты ни играл, в ней никогда не потерпишь неудачу.

Дедушка сказал мне, что он с самого начала задумал вернуть мальчикам деньги. «Тут дело было не в деньгах», – сказал мой дедушка.

Я думаю об этих мальчиках. Сейчас они взрослые. Им, должно быть, уже за пятьдесят.

Наверное, они почувствовали тогда, что мир – добр. Что все в нем связано. Что все имеет смысл.

Интересно, что же они теперь делают. Наверное, у них тоже есть семьи и сады с яблонями.

Мой дедушка – по-настоящему цельный человек.

Интересно, цельный ли я.

Интересно, есть ли вообще в моем поколении цельные люди.

ВРЕМЯ

Сегодня утром на полке у брата мне попалась одна книга. Она написана по-английски, и в ней идет речь о времени, о Вселенной и всяких таких вещах.

Я заглянул в нее, но скоро опять отложил. Над такой книгой надо попотеть, мне это не по зубам.

Есть предел тому, за что я сейчас могу взяться. Я заходил взад-вперед по комнате, меня одолевало беспокойство.

Чтобы как-то отвлечься и занять свои мысли другими вещами, я начал листать старый фотоальбом, который попался мне под руку среди вещей моего брата. Там есть и мои снимки. На них я маленький. На многих я снят в странных нарядах. В бархатных костюмчиках. И тут и там – весь в бархате.

Наверное, в детстве я был очень самоуверенным.

На одном снимке я стою со своим велосипедом. Велосипед зеленый. И на руле у него пять красных божьих коровок. Я одет в желто-коричневый комбинезон. Я собираюсь покататься на велосипеде. Тогда это было единственное, о чем я мог думать.

Проснувшись утром, я думал: «велосипед». Единственная мысль.

Сегодня я просыпаюсь со множеством мыслей. Никак не меньше, чем с пятью зараз. Полная неразбериха.

Я не знаю, что к чему по большому счету. А действительно: в чем главный смысл? По большому счету, я понятия не имею, зачем все существует.

Я отправил Киму факс и спросил его, во что его одевали родители, когда он был маленьким, ходил ли он тогда тоже в бархате. Еще я спросил его, понимает ли он, в чем, по большому счету, главный смысл того, что есть.

Он ответил мне факсом «да» по поводу бархата и «нет» насчет остального.

Ким всегда тотчас же откликается на мои факсы. Можно подумать, что он только и ждет, когда я пришлю факс.

Эта мысль меня немного расстроила.

Посиживая на диване и разглядывая полученный от Кима листок с ответами «да» и «нет», я снова ощутил беспокойство. Я обнаружил, что уже не сижу на прежнем месте, а переместился поближе к книжной полке и что я вообще все больше времени стал проводить возле книг. Та книга стояла на своем месте, а я немного в стороне от нее. Косясь на нее одним глазом, я постепенно придвигался все ближе и ближе.

В конце концов я очутился на диване с этой книгой на коленях, решив, что не все ли равно, когда начинать – сейчас или потом, раз уж я хочу докопаться до самой сути моей проблемы. Хотя я не совсем уверен, но думаю, что это было сделано по зрелом размышлении.

Книгу написал профессор, которого зовут Поль.

Думаю, что человек с таким симпатичным именем вряд ли ставит себе целью нагнать на меня страху.

Несколько часов я провел за чтением и обнаружил, что оно повлияло на мое общее состояние.

Хотя там и сказано, что Поль славится своим умением рассказывать о сложных вещах простым языком, книга показалась мне трудной.

Поль занимается трудными вещами.

А я ниже среднего подготовлен для их восприятия.

В гимназии, выбирая после первого класса предметы, которые я собирался изучать, я отказался от математики и физики. В то время мне казалось, что я уже знаю, какие вещи больше всего могут пригодиться мне в будущем. Сегодня я в этом уже не так уверен. Может быть, я тогда ошибся.

Итак, я не все понимаю. Возможно, я понимаю даже меньше, чем думаю, но то, что до меня доходит, кажется мне увлекательным и пугающим.

Я и не знал, что мой брат читает такие книги. Похоже, что я еще многого не знал о своем брате.

Еще больше я не знал о времени.

В Бонне в одной лаборатории установлен трехметровый металлический цилиндр.

Поль пишет, что он имеет форму подводной лодки и заключен в стальной корпус, опутанный проводами и окруженный приборами. Это – атомные часы, и в настоящее время это самые точные часы на свете.

По ним время измеряется точнее, чем по вращению Земли.

Такая точность изумляет меня. Судя по всему, к земле она имеет очень

мало отношения. Это просто чье-то постановление. Мне это понравилось. Как ни странно, я вдруг почувствовал, что время стало для меня более наглядным и осязаемым.

Кажется, мне хотелось бы иметь атомные часы.

Для того, чтобы компенсировать неравномерность земного вращения, время от времени принято добавлять лишнюю секунду. В последний раз одну секунду добавили в июне 1994 года. А нам-то об этом ничего и не сказали.

Благодаря атомным часам секунда получила новое определение. Раньше под секундой понимали $1/86\,400$ суток, теперь же секунда – это 9 192 631 770 колебаний атома цезия.

Мне кажется, это много.

Эти новые сведения выбили меня из колеи. Мне стало не по себе, и я схватился за мячик. Покидав его немного о дверцу холодильника, я несколько успокоился и возобновил чтение.

Помню, как мы пили молоко в начальной школе.

У многих из нас уже были электронные часы. С секундомером. Мы могли измерять время до сотых долей секунды. Что только мы не измеряли при помощи секундомера! Это было наше любимое увлечение в то время.

Одно время мы старались как можно быстрее выпивать молоко. У меня на это уходило не меньше пяти секунд, но вот Эспен, эта орысина, проглатывал весь пакетик меньше чем за секунду. В свете только что прочитанного мне это представляется впечатляющим достижением. Сам я мало что успеваю сделать менее чем за одну секунду.

Я могу барабанить пальцами по столу со скоростью пятнадцати ударов в секунду. Я вполне доволен таким результатом. А иногда я фотографирую с выдержкой в одну тысячную секунды.

Но все это – ничтожные скорости по сравнению с той, которую развивают атомные часы. Могу ли я с уверенностью сказать, что это действительно так? Более девяти миллиардов колебаний в секунду? Я не в состоянии себе это представить. Это чересчур много. Моя способность представить себе, сколько элементов составляет то или иное множество, имеет свои границы. Я легко могу определить на глазок, четыре или девять коров пасется на лугу, но если их будет больше пятнадцати, то мне уже надо считать их по одной. А все, что больше тысячи, становится для меня неразличимым.

Я не могу проконтролировать атомы цезия. Я вынужден полагаться на то, что Поль знает, что говорит.

Я вынужден верить ему на слово.

Я почитал еще немного.

Дело становилось чем дальше, тем хуже. Поль говорит, что сила тяготения влияет на время.

То, что позволяет себе этот человек, переходит все границы!

Без всякого предупреждения взять и заявить, что на время влияет сила тяготения и движение!

Я взглянул на обложку. Книга выпущена серьезным издательством. Очевидно, он говорит правду.

Я начинаю раздражаться.

Почему мне никто этого не рассказывал?

Неужели учителя физики сами не понимают, что такие сведения меняют общую картину? Или они дураки?

В свое время я отказался от физики по той причине, что на уроках мы рисовали протоны и электроны, не понимая, что все это значит. Я от этого скучал. Мне было гораздо интереснее, обернувшись к девчонкам, сделать колечко большим и указательным пальцем левой руки и потыкать в это колечко указательным пальцем правой.

О времени никто даже не упоминал.

Ни один из моих учителей ни единым словом ни разу не заикнулся о времени. Надо бы поинтересоваться, что они вообще знают!

Может быть, они-то знали. В таком случае нужно им отомстить. Надо как следует ткнуть их в спину в самый неожиданный момент.

Я чувствую себя обманутым.

Я чувствую, что у меня уже ни в чем нет уверенности.

На Солнце время движется на две миллиардных доли медленнее, чем у нас. Это связано с тяготением. Поль пишет, что там оно сильнее.

Я-то думал, что время – это время, а тяготение – это тяготение. Очевидно, на самом деле все не так.

При помощи пары приличных атомных часов это можно доказать на здании «Эмпайр Стейт Билдинг».

Я не выдумываю!

Если поместить одни атомные часы у подножия «Эмпайр Стейт Билдинг», а вторые на вершине, каждый сможет сам убедиться, что верхние идут быстрее.

Оставаясь внизу, можно за одну человеческую жизнь сэкономить несколько тысячных долей секунды.

Тот, кто сидит наверху, будет немного старше, чем мы.

Тут я откладываю книгу.

Я чувствую себя измочаленным и взволнованным.

Наверное, я как-нибудь в другой раз продолжу чтение.

Это потрясает какие-то основы.

Оказывается, время не существует.

Тут трудно сделать какой-то другой вывод.

Во всяком случае, не существует единого времени.

Есть мое время. Твое время. Время Поля. Солнечное время.

Много всяких времен.

Много разных времен – это то же самое, что никакого времени.

Если так, мне надо бы радоваться.

Отчего же я не рад?

Я ощущаю стресс.

Может быть, радость придет потом.

ВЕЛОСИПЕД

Я все еще не испытываю радости.

Безумие было читать эту книгу! Слишком самонадеянно!

Я уже не очень уверен, что Поль такой уж симпатяга.

Время, может быть, и не существует, но тем не менее все как-то движется. Жизнь идет своим чередом. Мы рождаемся и умираем. Я становлюсь старше. Так какая мне разница от того, что на солнце время идет иначе?

Надо, чтобы кто-то пришел и заставил меня что-нибудь делать. Пусть бы кто-нибудь попросил меня что-то построить. Только чтобы это было по-настоящему тяжело!

Взять пескоструйную машину и отчистить что-нибудь этакое огромное.

Давненько я не трудился по-настоящему, до пота.

Я составил новый список. В нем перечислено то, что вызывало у меня душевный подъем, когда я был маленьким.

- Вода,
- машины,
- мячи,
- телефоны,
- животные, которые были больше меня,
- рыбы,
- зеркала,
- простыня с острым краем,
- резать ножиком,
- врать, скрестив пальцы,
- кататься на лифте,
- грузовики,
- палочки,
- животные, которые были меньше меня,
- громкие звуки,
- трактора,
- поезда,
- полицейские,

- пожары и пожарные,
- фокусы,
- космос,
- муравьи,
- лебеди,
- искусственные челюсти,
- работа маляра,
- скрепкосшиватели,
- все, что можно кидать,
- вещи,
- пластырь,
- молоко,
- водоросли,
- горки,
- синий черничный сок,
- «Лего»,
- все, что двигалось особенно быстро,
- снег,
- деревья,
- узлы,
- рассуждения о хоккее,
- кубик Рубика,
- газонокосилки,
- фотоаппараты,
- какашки и письки,
- шишки,
- мыльные пузыри,
- Африка,
- вещи, в которых встречается желтый или серебряный цвет,
- сильный ветер,
- шипучка,
- все, что делал папа.

Моя жизнь была переполнена всеми этими вещами. Это было так просто и здорово. Когда я не спал, то носился и был в полном восторге. Я не ходил просто шагом. Я бегал вприпрыжку.

Рассмотрев список, я отправляю его по факсу Киму. Я чувствую, что задолжал ему ответный факс.

Я подумываю, что надо бы составить список вещей, которые сейчас вызывают у меня восторг. Я беру перо и бумагу, но ловлю себя на том, что робею.

Я испугался, что список окажется слишком коротким.
Напрасно я отучился бегать.

Я пошел в магазин и купил литр обезжиренного молока. Когда я вернулся, весь двор кишел детьми. На дворе гулял детский сад. Я и не знал, что во дворе находится детский сад.

Ко мне подъезжает маленький мальчик на крошечном велосипеде с опорными колесиками по бокам. Мальчуган одет в комбинезончик, на голове у него шапочка с козырьком. Поверх шапочки нахлобучен велосипедный шлем. Мальчик глядит на меня и на молоко, которое я купил. Он спрашивает, мой ли вон тот шикарный красный велосипед. Я киваю в сторону прислоненного к деревянному забору велосипеда и спрашиваю: «Ты про этот?» Да, про этот.

– Это мой, – отвечаю я мальчику.

Мальчик полон восхищения. Он говорит, что тоже хочет себе такой велосипед.

Мы идем к моему велосипеду и рассматриваем его. Велосипед большой и красный. Мальчик дотрагивается до рамы.

Интересно, как он узнал, что это мой велосипед?

Он говорит, что видел, как я ставил на него замок. И сообщает, что живет в соседнем доме. На самом последнем этаже.

– Тебе совсем близко ходить в детский сад, – говорю я. Он кивает.

– А еще я видел, как ты играешь в мяч, – говорит мальчик.

– Неужели ты так поздно еще не спишь? – спрашиваю я.

– Иногда бывает, – отвечает мальчик. Я спрашиваю, как его зовут, он отвечает, что Бёрре.

– У тебя тоже шикарный велосипед, – говорю я ему.

Он отвечает, что это детсадовский велосипед.

Бёрре немного помолчал. Потом он спросил меня, надеваю ли я шлем, когда езжу.

Я уже готов был соврать и сказать «да», но вовремя спохватился. Ложь сразу обнаружится. Я признался, что не надеваю шлема.

– Нет, – говорю я.

– Не ездь без шлема, – говорит Бёрре. Он хочет, чтобы я поскорее купил себе шлем, лучше всего прямо сегодня.

Он рассказывает мне, как папа одного мальчика из детского сада ехал на велосипеде и столкнулся с автомобилем. Дяденька был без шлема и пролежал в больнице почти неделю.

Я не могу не признать, что это очень убедительный довод.

– Ты прав, Бёрре, – говорю я мальчику. – Я непременно куплю себе шлем.

Бёрре спрашивает меня, поеду ли я сейчас на велосипеде. Я не собираюсь никуда ехать. Я шел домой и собирался пить молоко. Он спрашивает, не выйду ли я потом покататься. Я не знаю.

– Может быть, вечером, – говорю я ему.

Бёрре хочет посмотреть, как я буду кататься, но вечером его уже заберут из детского сада.

– Может быть, ты увидишь меня из окна, – говорю я.

– Может быть, – отвечает Бёрре.

Я поворачиваюсь и иду к подъезду, он смотрит мне вслед. Когда я обернулся, он мне помахал.

Спустя некоторое время меня осенило, что надо было посадить Бёрре на мой велосипед и прокатить его по двору.

Ему бы понравилось.

НАСТАВНИК

Однажды я так заигрался, что упал в обморок.

Мне только что подарили горные лыжи, и я настолько ими увлекся, что забыл про еду. Я прокатался целый день натошак.

Кончилось тем, что от голода я потерял сознание и налетел на фонарный столб. У меня было сотрясение мозга, и папа отвез меня в больницу.

Доктор сказал, что это здорово так долго играть, но все-таки надо иногда делать перерыв, чтобы поесть.

Я упал в обморок, поскольку был слишком увлечен своим занятием, чтобы сделать перерыв на еду, мне было некогда отдыхать.

В этом есть что-то замечательное.

Такая увлеченность!

Теперь только и можно сказать – была да сплыла.

В последние дни у меня было переменчивое настроение.

Я стараюсь понять свое состояние, но отдельные кусочки никак не хотят складываться в целостную картину. Я не совсем понимаю, что со мной происходит.

За последние недели многое изменилось.

День проходит иначе. Иными стали и ночи.

Но что-то по-прежнему не так, чего-то мне еще не хватает. Совершенно очевидно, что не хватает чего-то важного.

Где его искать, я не знаю.

Зато у меня есть мяч.

Он меня очень выручает.

И каждый вечер я подолгу занимаюсь тем, что кидаю его об стенку.

Через месяц должен вернуться мой брат. При нем я не смогу уже здесь оставаться.

В запасе у меня остается один месяц.

Я не скрываю от себя, что нервничаю, когда думаю о том, чем это может кончиться. Я не притворяюсь перед собой.

Я мог бы, к примеру, сделать вид, что ничего особенного не происходит, и положиться на авось. Закурить сигаретку и притвориться, что

все в порядке. Других это, может быть, и обманет. Например, девушек, Кима... Может быть, мне и удалось бы обмануть Кима. Но рано или поздно все бы повторилось. И я снова очутился бы, как тогда, сидящим на траве, и кто-нибудь – брат или кто-то другой – обнимал бы меня за плечи, а я бы обливался слезами.

Что-то все-таки со мной не в порядке. Что-то явно не так.

Больше всего мне не хватает сейчас старшего друга. Учителя. Человека, который объяснил бы мне, что к чему.

Хорошо, если бы он давал мне задание, на мой взгляд бессмысленное, я злился бы и возмущался, но выполнял бы заданный урок. И затем, понемногу, после многих месяцев тяжелого труда, я бы начал понимать, что во всем есть скрытый смысл и наставник действовал по заранее продуманному, точному плану. И мне вдруг открылась бы причинная связь вещей. Я понял бы суть вещей и явлений. Увидел бы логику мировых событий и человеческого поведения. Я научился бы также управлять собою и вызывать в людях проявления самого лучшего, что есть в каждом человеке, ну и так далее. И наставник сказал бы, что ему больше нечему меня учить. И на прощание он подарил мне что-то. Наверное, что-то большое. Может быть, автомобиль. И тогда я мог бы сказать ему, что это слишком, что такого подарка я не могу принять, но он бы настоял на своем, и мы расстались бы с ним, и прощание было бы грустным, но значительным. И тогда я окунулся бы в жизнь и, может быть, повстречал бы кого-то, желательно девушку и создал бы семью, и, пожалуй, основал бы фирму, которая производила бы полезные товары и услуги.

Вот как все должно было быть. Да, черт возьми! Это же ясно как день. Именно так, и никак иначе!

Однако такого наставника днем с огнем не сыщешь.

Мне он так и не встретился.

И все указывает на то, что придется мне обходиться собственными силами.

Я стал вспоминать людей, на которых я смотрю с восхищением.

Их мало.

Вот люди, которыми я восхищаюсь:

- Лори Андерсон,
- Ганди,
- Армия спасения,
- Карл Баркс,

- Астрид Линдгрен,
- Орсон Уэллс,
- Олаф Х.Хауге,
- Ларс Лилло Стенберг.

Я убежден, что дело в увлеченности. У меня пропала увлеченность.

Ее нужно найти и вернуть.

Где-то там она есть.

Вероятно трепаться об этом тщеславно.

В этом есть что-то от дзен-буддизма.

Если я буду напрягаться, у меня ничего не получится.

Получится, когда перестану напрягаться.

Проклятые буддисты! Воображают о себе, что уж они-то все понимают.

ЖИЗНЬ

В человеке, весящем 70 килограммов, содержится, между прочим:

- 45 литров воды,
- достаточно извести, чтобы побелить курятник,
- фосфора, которого хватит на 2200 спичек,
- жиру примерно на 70 кусков мыла,
- железа на двухдюймовый гвоздь,
- углерода на 2000 карандашей,
- одна ложка магния.

Я вешу более семидесяти килограммов.

А еще я помню телевизионный сериал под названием «Космос». Карл Саган расхаживал среди декораций, как бы изображавших Вселенную, и беззастенчиво сыпал гигантскими числами.

В одной из серий он сидел над резервуаром, где находились все вещества, из которых состоит человек. Он размешивал их палочкой, чтобы посмотреть, получится ли у него создать из этой смеси жизнь.

Ничего у него не получилось.

ЛЕС

На улице весна.

Внезапно стало тепло.

Сегодня я отыскал у брата в шкафу велосипедные шорты. И футболку.

Я приготовил себе в дорогу бутерброды и налил воды в старую бутылку из-под «Фаррис». Еще я взял с собой мяч.

Собравшись, я сел на велосипед и поехал в лес. Сейчас я в лесу.

Тут тихо-тихо. Сегодня рабочий день, так что, кроме меня, никто не выехал за город погулять. Все на работе. Сидят в университете.

Ну и пускай их сидят!

У меня, как я уже говорил, довольно приличный велосипед. С несколькими скоростями. И покрышки с толстым рифлением. Там, где я люблю кататься, все это необходимо. Что касается велосипеда, тут я фанат.

Перед тем как купить велосипед, я перечитал уйму брошюр и каталогов ведущих производителей велосипедов. Я люблю разглядывать велосипеды на картинках, воображая себе, как я буду на них выглядеть. Среди прочих мне попалась брошюра некоего Гэри Фишера. Он живет в Калифорнии. Гэри Фишер хвастается, что будто бы это он изобрел горный велосипед. Возможно, так оно и есть. Он составил толстый и дорогой каталог с картинками, на которых можно видеть множество отличных велосипедов; там приводятся также все технические данные, а вдобавок цитируются его высказывания.

В одном месте есть такое: «Anybody who rides a bike is a friend of mine»^[2].

Мне это понравилось.

Я чувствую, что все, кто ездит на велосипеде, мои друзья. Большая, дружная семья.

Встречаясь с другим велосипедистом, я иногда говорю «привет!»

Но сегодня я в лесу один.

Это тоже здорово.

Когда я выезжал со двора, ко мне подбежал Бёрре. Он спросил, купил ли я шлем.

Я сказал, что куплю, как только будут деньги.

Он еще раз напомнил мне, что случилось с папой одного мальчика из

детского сада. Я кивнул и сказал, что буду ездить осторожно.

Но я не особенно осторожничаю.

Приятно ездить по лесным тропинкам.

Временами меня подкидывает, когда под колеса попадает камень или корень.

Когда я сказал Бёрре, что отправляюсь в лес, он рассказал, что его папа однажды встретил лося. Бёрре сказал это с гордостью. Я тоже встречал лосей, но сейчас у меня не повернулся язык это сказать.

Мы с Бёрре условились, что я потом расскажу ему, каких я встречаю зверей.

Пока что я встретил только одну лошадь и одну белку.

Вспотев от езды, я остановился у лесного озерца и искупался.

Искупался, несмотря на то что сейчас еще только апрель и вода холодная.

Жарясь на солнце и дожидаясь, когда обсохну, я подкидываю мячик. Лежу на спине и подбрасываю его вверх. По большей части я его удачно ловлю, но иногда он отлетает в сторону, и тогда мне приходится вставать и подбирать мячик.

Наконец у меня кончилось терпение.

Надоело мне за ним бегать.

Пускай лежит там, куда укатился, пока я не обсохну.

Я стал думать, с чего начались мои неприятности.

Судя по всему, причина лежит где-то глубоко.

Мои родители сделали свое дело неплохо. Я на них не в претензии. В школе тоже у меня все было в порядке. Никто меня не обижал. Во всяком случае, долго и настойчиво.

Бывало, конечно, что кто-нибудь скажет гадость, но я в ответ пинал его в голень или давал кулаком в живот. Так что ничего особенно страшного не было.

Выходит, дело в чем-то другом.

Мне почему-то кажется так, что я, наверное, слишком много знаю о таких вещах, много знать о которых – глупо.

Я знаю страшно много всякой всячины.

Вот список вещей, о которых я что-то знаю:

– кино,

– литература,

- средства массовой информации,
- политика,
- конфеты,
- искусство,
- реклама,
- аэродинамика,
- общество эпохи информационных технологий,
- Ролан Барт,
- компьютеры,
- история,
- языки,
- музыка,
- топ-модели,
- пустыня Сахара.

Много – это действительно значит много.

Я знаю имена, даты. Сотни имен и дат.

Я знаю, кто первым поднялся на Эверест.

Я знаю фамилии режиссеров самых идиотских американских сериалов.

Я знаю про исследовательскую работу, в которой доказано, что в 1957 году, после того как Брижит Бардо сыграла главную роль в фильме «И Бог создал женщину», сорок семь процентов всех разговоров, которые вели французы, были посвящены Брижит Бардо.

Я знаю, что в воздушном потоке над верхней частью крыла самолета возникает зона пониженного давления и благодаря этому самолет может летать.

Я знаю суждения Аристотеля.

Я знаю суждения других философов об Аристотеле.

Я знаю, сколько денег зарабатывает Клаудиа Фишер.

Я знаю, что на Солнце время течет чуть медленнее, чем на Земле.

Я знаю, как долго Христо и Жанне Клод пришлось добиваться, чтобы им позволили упаковать здание берлинского рейхстага.

Я знаю надпись на бутылке кока-колы.

Я страшно много всего знаю.

Не я один знаю все это.

Многие знают больше, чем я. К счастью, это меня не волнует.

Меня волнует другое: зачем мне эти знания?

Что мне с ними делать?

Конечно, я мог бы принять участие в телевикторине и выиграть путевку в Грецию. На двоих.

Но у меня нет девушки. Мне пришлось бы ехать одному.

Да и на что мне сдалась Греция?

Нет никаких оснований предполагать, что там я буду чувствовать себя лучше.

Я не так уж глуп, чтобы не понимать, какая польза может быть от тех или иных знаний.:

Но я не могу с уверенностью сказать, какие из них важны, а какие нет.

У меня отсутствуют критерии. Нет общего взгляда.

Откуда взять общий взгляд?

Может быть, это приходит с годами. А может, и нет.

Что же мне делать: ходить дурак-дураком и ждать, когда оно свалится?

Зря я учился читать.

Одна приятельница моих родителей рассказывала, что в детстве она ходила в такую группу или там клуб, где дети играли, пели песни и всякое такое.

Она считала, что этот клуб называется «Дум-дель-тей», она гордилась, что ходит туда. И ей нравилось это веселое название.

Научившись читать, она поняла, что ошибалась и на самом деле он назывался «Дом детей».

Ей было очень обидно.

То же самое происходит и со мной.

Кажется, все началось еще тогда, когда я разглядывал «Игротеку».

Где есть про то, какое сегодня число, про маленькую стрелочку – если она подошла к пяти, то, значит, скоро пять часов.

Медвежью услугу оказала мне Вибекке Сэтер.

Теперь я знаю числа и буквы. И читаю вон как быстро.

Но вот хотел бы я знать, что мне с этим делать!

Сейчас поздно спрашивать. А может быть, даже глупо. Дело сделано.

Я не могу вести себя так, как будто ничего этого не знаю.

Паршивое дело! Честное слово!

Мне бы лучше мячик.

Мне бы велосипед.

Вот вещи, с которыми я могу как-то сладить.

По дороге домой я снова вижу лошадь.

Гнедую лошадку.

ЖИВОТНЫЕ

Я запираю замок на велосипеде, и тут опять ко мне подходит Бёрре.

Детский сад сегодня закрыт. Бёрре играет во дворе один. Он строит в песочнице домики и хочет, чтобы я ему помогал.

Я отвечаю, что сначала мне надо подняться в квартиру, чтобы переменить одежду и поесть, а потом я к нему спущусь.

Факс от Кима.

Довольно долго он не подавал о себе вестей. Ким пишет, что было много работы. Наверное, там на Севере что-то творилось с погодой. Но сейчас все успокоилось. Погода устойчивая, ветер северо-западный, слабый, переменная облачность.

У Кима выдался часок свободного времени.

Мой список вещей, которые в детстве приводили меня в восторг, вдохновил его на создание собственного списка.

Вот список Кима:

- играть в детектива,
- Тарзан,
- девочка в детском саду, которую звали Яннике. С длинными ресницами.
- еще одна девочка в детском саду, которую звали Вибекке. Тоже с длинными ресницами,
- шпионить,
- воровать яблоки,
- «Лего»,
- космос,
- супермен,
- радиопьесы,
- мой день рождения,
- подарки,
- театр,
- рождественские календари,
- синий детский автомобиль,
- лазить летом на деревья,
- строить домики,
- поджигать автомобильчики из спичечного коробка,

– еще одна девочка, которую тоже звали Вибекке; она жила через дом от нас, была старше меня и учила меня ездить на велосипеде,
– ездить на велосипеде.

Список Кима, по-моему, очень хорош.

Несколько пунктов оттуда надо бы вписать и в мой, но у меня такое чувство, что уже нельзя ничего менять. Это значило бы слизать у Кима. Как-то нехорошо. Но езда на велосипеде и игра в детективов непременно должны были попасть и в мой список. Я сам не понимаю, как я мог это забыть.

А вот то, что насчет девчонок, не имеет ко мне никакого отношения. Я очень долго был к ним равнодушен. Я дружил с некоторыми девочками, но не задумывался о том, что они – девчонки, а какие там у них ресницы – длинные или короткие, – этого я и подавно не замечал.

Мне кажется, я впервые стал обращать на это внимание, когда в автобусе какой-то дядька спросил меня, девочка я или мальчик.

Идиот!

«Лего» и космос есть в обоих списках. Еще бы их не было!

Что-то не верится, чтобы Кима не интересовали писк и какашки.

Уверен, что он просто забыл.

Он писал второпях.

Я спустился на двор. Бёрре по-прежнему сидит в песочнице. Он мурлычет какую-то песенку, но, что это, я не разобрал. На голове у него велосипедный шлем. Может быть, у него строгие родители. Бёрре понастроил множество цилиндрических домиков. Наверное, он наполнял песком свое ведерко и, хорошенько утрамбовав песок, переворачивал ведерко вверх дном.

Так и делают домики.

Он предлагает мне, если я захочу, провести дороги и построить мосты.

Конечно хочу!

Некоторое время мы с ним сидим в песочнице, строим и переговариваемся. Это даже здорово. Снимает напряжение.

Бёрре говорит, что у меня хорошо получается.

Я говорю, что у него тоже получается хорошо.

Мы с ним оба молодцы.

Затем он спрашивает у меня, каких зверей я видел в лесу.

Я отвечаю, что видел лошадь и белочку.

Только двух зверей? – удивляется Бёрре.

Ему кажется, что это мало. В лесу ведь столько зверей.

Наша беседа все больше сосредоточивается на животных.

В нее включается элемент соревновательности: кто видел больше животных?

Я говорю, что я, вероятно, видел их больше, чем Бёрре, но это и неудивительно – ведь я на двадцать лет старше.

Я говорю ему, что еще раньше, чем он родился, я уже успел повидать уйму зверей. Он спрашивает, видел ли я бобров.

– Да, видел.

– А северных оленей?

– Да.

– А глухаря?

– Да.

– Медведей?

– Нет.

А вот Бёрре видел медведей. В зоопарке.

– В зоопарке – да, – говорю я. – Я тоже видел медведей в зоопарке. Но я думал, что в зоопарке не считается.

Бёрре удивлен:

– Почему не считается?

– Но тогда можно считать и тех зверей, которых мы видели по телевизору, – предлагаю я.

– А у тебя есть кабельное телевидение?

Порассуждав и поспорив со мной, Бёрре согласился, что зоопарк не считается. Мы решили, что будем считать только тех зверей, которых видели в природных условиях.

Сначала я предложил ему считать только тех зверей, которых мы видели в действительности, но Бёрре сразу поймал меня на ошибке, указав, что зоопарк тоже действительность.

С этим не поспоришь.

А чтобы компенсировать разницу в возрасте, Бёрре будет считать и тех зверей, которых видел его папа. Я решил, что так будет правильно. Это было мое предложение. Несмотря на такую уступку, я был уверен, что все равно выиграю.

На мой вопрос, знает ли он, каких зверей видел его папа, Бёрре спокойно кивнул. Он не допускает такой возможности, чтобы папа не

рассказывал ему про всех зверей, которых видел.

Мы договариваемся, что будет учитываться только один представитель каждого вида, независимо от пола и возраста. Так что не записываем по отдельности «жеребец», «кобыла» и «жеребенок», а только лошадь.

На мой взгляд, лучше было бы отбросить таких зверей, которых все видели. Чтобы не мучиться, вспоминая обыкновенных, скучных животных. Таких как, например, кошки и собаки. Или коровы.

Но Бёрре не соглашается проводить такое различие.

– Все равно это звери, – говорит Бёрре. – Собака же не виновата, что она обыкновенная.

– Конечно нет, – соглашаюсь я с ним.

Вот каких зверей видел папа Бёрре:

- лошадь,
- змею,
- курицу,
- кита.

Я перебиваю его вопросом:

- Кто видел кита – ты или папа?
- Папа.
- Ты точно уверен? Бёрре кивает и продолжает:
- поросенка,
- козу,
- лебедя,
- лося,
- северных оленей,
- косулю,
- лань,
- треску.

– Постой-ка, – говорю я на это. – Треска не зверь. Треска – рыба.

– Ну и что? – говорит Бёрре. Я громко вздыхаю и говорю, что тогда нам придется перечислять всех рыб.

– Конечно! – подтверждает Бёрре. – А ты как думал?

- Пикша,
- сайда,
- лосось,

– акула.

– Перестань, – говорю я. – Не надо выдумывать. Пускай твой папа видел кита, я согласен. Но акулу... Акулу редко кто видел – да почти никто!

Но папа моего приятеля Бёрре, конечно же, видел и акулу.

– Где же он ее видел?

– Где-то там, в Австралии наверное.

Мне только осталось развести руками. Что тут еще скажешь!

– И кенгуру он тоже видел? – задаю я саркастический вопрос.

– Да, – говорит Бёрре.

– Кенгуру,

– орла,

– черепаху,

– дикобраза,

– кабаргу,

– краба,

– овцу,

– белку,

– выдру,

– хомяка,

– дятла,

– кошку,

– сову,

– лягушку,

– лисицу,

– зайца,

– глухаря,

– оленя,

– барсука,

– певчих птиц.

Напрасно я в это ввязался! К счастью, теперь уже дело пошло помедленнее. Я благодарю судьбу, что Бёрре не знает названий всех птиц.

– Корову,

– белую куропатку,

– горностая,

– собаку.

Бёрре умолкает. Надолго.

Бёрре думает.

Я вижу на его лице некоторую неуверенность.

Наконец он произносит еще одно название:

– Тигра.

– Тигра? – переспрашиваю я. Бёрре кивает.

– Что-то не верится, – говорю я.

– Нет, правда же! – говорит Бёрре. Я спрашиваю, где он видел тигра.

– В Африке, – говорит Бёрре.

Тут-то он и попался! Всем известно, что в Африке не водятся тигры!

Всем, кроме Бёрре.

Я предлагаю ему сбегать наверх и спросить у папы, видал ли он тигра.

Уж если играть, так по честному!

Бёрре направляется к подъезду. Вид у него смущенный. Он явно не уверен в своей правоте.

Через несколько минут он выскакивает из дома. Вид у него веселый. Оказывается, его папа не ездил в Индию, и он не видел тигра, зато он видел белого медведя. На Свальбарде^[3]. Бёрре показывает мне снимок с медведем, которого сфотографировал его папа. Отчаянный папа!

С таким папой трудно тягаться.

Я вычеркиваю из списка тигра.

– Почему ты назвал тигра? – спрашиваю я.

– Я знал, что кого-то не назвал, только забыл кого, – отвечает Бёрре.

Мне понравился этот ответ. Бёрре пошел на риск.

Все было честно и благородно.

И вот я вношу в список последнего зверя:

– Белый медведь.

Наконец-то все!

Теперь надо написать, каких зверей видел я.

Я просматриваю список Бёрре и его папы. Я видел всех зверей, которых видели они, кроме белого медведя, кенгуру и выдры. Ну почему я никогда не видел выдру?

Зато я видел бобра, а кроме того, разных рыб и птиц, хотя если заняться подробностями, то скорее всего окажется, что отец Бёрре тоже их видел. Я не хочу этим заниматься, поэтому решил придержать язык.

Выиграли Бёрре и его папа.
Бёрре в знак победы поднимает руки над головой.
Из чистого любопытства я спрашиваю, кого из этих зверей видел Бёрре.

Выясняется, что совсем немногих.
Он видел лошадь, курицу, кошку и собаку, корову, лисицу, треску и пикшу.
И еще несколько птиц, но он не знает, как их зовут.
Восемь зверей и несколько птиц.

Бёрре счастлив, что я видел меньше зверей, чем они с папой.
Бёрре зовет меня к себе в гости поиграть в машинки.
Предложение заманчивое, но я уже выдохся.
И кроме того, меня что-то не тянет встречаться с таким бывалым путешественником, как его папа.
Я отвечаю, что подумаю о его предложении.
Может быть, поиграем как-нибудь в другой раз.
Бёрре согласен встретиться когда угодно.

ЧЕТВЕРКА

Сидя перед телевизором моего брата, я смотрю музыкальный клип.

Я почти никогда не смотрю телевизор, а вот сейчас смотрю музыкальный клип.

Клип отличный.

Певица – какая-то Аланис.

Она ведет машину и поет. Действие происходит в Америке. В машине с ней три подруги. Они отправились прокатиться.

На Аланис коричневая куртка и темно-красная кепка, ее соседка на переднем сиденье одета в темно-красный свитер, а девушки на заднем сиденье одеты одна в зеленый, а другая в желтый свитер.

Песня отличная. Похоже, в ней поется о том, что от нас, в общем-то, очень мало зависит, что с нами будет.

Весь куплет поется тихо, а припев громко и с хрипотцой. Я покачиваюсь взад-вперед на стуле в такт музыке. Вот опять звучит припев.

И вдруг я замечаю, что вся четверка – это одна и та же девушка. Все четыре – одна и та же Аланис. В кадре все время появляется только одна. Она только меняет свитера, а на самом деле одна и та же. Она отправилась в путешествие сама с собой. И когда смотрит во время пения в зеркало заднего вида, то сама с собой встречается взглядом. Это очень захватывает.

Судя по всему, она чувствует себя прекрасно.

Самая очаровательная та Аланис, которая сидит на переднем пассажирском сиденье.

Я бы хотел найти такую девушку.

Она так беззаботна. Ей просто весело. И принимает все как есть.

Я гляжу на нее, и мне приходит в голову несколько мыслей.

Первая – это что хорошо бы мне съездить в Америку и покататься на машине. Со стороны это так здорово: просто ехать.

Вторая – это что я мечтаю встретить такую вот девушку, как Аланис, и жить с ней в одном доме. Быть вдвоем – я и она. Гулять вместе по пляжу во время отлива, переворачивать камни, а потом, когда придет время, рожать детей.

Третья – о том, что я бакалавр и сам не знаю, что из меня получится.

Это для меня целая проблема.

Больше всего мне хочется стать таким человеком, который сумел бы

сделать мир немного лучше. Это было бы самое лучшее. Но я не знаю, можно ли этого добиться. Я не знаю, что нужно делать, чтобы улучшить мир. Я не уверен, что для этого достаточно просто улыбаться каждому встречному.

На втором месте для меня стоит такое будущее, при котором я бы ничего не изменил и мир из-за меня, не стал бы ни хуже, ни лучше. Может быть, это не даст полного удовлетворения, но мне кажется, что к этой категории принадлежат очень многие. А я не хочу оставаться в одиночестве.

Самая скверная альтернатива – это сделаться таким человеком, из-за которого мир станет хуже, чем есть. Этого я постараюсь избежать. И заплатить готов почти что любую цену. Но боюсь, что это не так-то просто. Может статься, что я угожу в общество дрянных и бессовестных людей.

Со всяким это может случиться. И мне будет оттуда не выкарабкаться. И мир станет немного хуже, чем был, и я начну отводить взгляд от встречных прохожих. Такое может легко случиться.

Четвертая мысль о том, что у Аланис наверняка есть возлюбленный и скорее всего это парень что надо.

ДОСКА

Я вспомнил Фердинанда Финне. Он – художник. И непозволительно хорошо выглядит, хотя уже довольно-таки стар. Глядя на него, можно подумать, что он все время счастлив, рисуя свои картины с морскими видами, цветами и прочими вещами, которые он пишет.

Кто-то рассказывал, что видел по телевизору его интервью. Это было несколько лет тому назад. Его спросили, как бы он сам описал свою жизнь. Что, оглядываясь на прошлое, кажется ему сейчас самым главным? Финне задумался и, подумав, ответил, что, как он недавно заметил, жизнь в некотором смысле похожа на путешествие.

Надеюсь, что все так. Что мне правильно пересказали его слова. Что Фердинанд Финне именно так видит жизнь.

Это необыкновенно здорово.

Я полагаю, что Финне умеет читать. Что он кое-что знает о мире. И если дело обстоит так, а не иначе, то, значит, все не так уж запутанно, как мне казалось.

Надеюсь, что я тоже смогу ответить, как он, когда меня через шестьдесят лет попросят подвести итог прожитой жизни. Что, подумав немного, я отвечу, что жизнь, как мне кажется, можно сравнить с путешествием. И что я буду думать, что мне первому пришла в голову эта мысль. Как будто я сам до нее додумался и верю в нее.

Сейчас я еще совершенно не способен сказать что-то подобное. Слишком многое меня смущает. Вещи, которые я знаю. Вещи, которые думаю. Ирония. Вещи, которые мне, наверное, следовало бы сделать, места, в которых я должен бы побывать. Места все время меняются. Порой я даже завидую золотым рыбкам.

Их памяти, вероятно, хватает лишь на несколько секунд. И она не удерживает последовательность из нескольких мыслей. Все, что случается, для них происходит как бы впервые. Каждый раз заново. Если только они не признают этого недостатка, то жизнь должна представляться им в сплошном солнечном свете. Нескончаемым праздником. Все для них увлекательно с утра до вечера. И ночью тоже.

Вот что бы я рисовал будь я художником:

- велосипеды,
- пустыни,

- мячи,
- девушек,
- часы,
- людей, опоздавших на автобус.

Тут зазвонил телефон.

Я снимаю трубку.

Это Кент – мой нехороший друг. Я давно знал, что он обязательно отыщет меня, что это только вопрос времени, и немного нервничал в ожидании его звонка. Он связался с моими родителями, и они, очевидно, сообщили ему номер брата.

Что мне остается делать? В трубке звучит его голос. Он спрашивает меня, почему я пропал из виду и так долго не давал о себе знать.

На самом деле это он всегда звонит мне первым. Порой мне кажется, что он сам этого не замечает. Возможно, ему кажется, что мы перезваниваемся по очереди.

Кент служит в Центральном статистическом бюро. Ему известно, сколько литров молока в год выпивают норвежцы и как часто люди занимаются сексом. Естественно, в среднем. И он состоит в клубе «Менса», в который принимают представителей тех двух (или около того) процентов норвежского населения, которые обладают коэффициентом интеллекта свыше 140 с чем-то.

Он обожает решать задачки, по которым определяется коэффициент интеллекта. Такие, где нужно выбрать рисунки, обладающие чем-то общим. Ассоциативные тесты. Сколько литров воды протекает сквозь такие-то цилиндры или когда встретятся поезда, если поезд, следующий из Бодэ в южном направлении, идет со скоростью 80 километров в час, а поезд, отправившийся на север из Лиллехаммера, идет со скоростью 84 километра в час, но делает двадцатисемиминутную остановку в Трондхейме.

Иногда он приносит такие тесты на вечеринки.

Он все время уговаривает меня пройти вступительный тест в «Менсу». Он говорит, что считает меня не глупее себя и уверен, что я справлюсь блестяще, но я вижу, что он с надеждой ждет моего провала.

Я не собираюсь даже пытаться. С Кентом действительно очень неприятно дружить.

Как друг он никуда не годится. Я уже несколько раз намекал, что не верю в его выдающиеся способности. Он, кажется, не принимает этого всерьез.

Я знаком с ним с начальной школы, и когда-то давно мы весело проводили время. Избавиться от него не так-то легко. Кроме того, я его немного жалею.

Мир Кента наполнен всем, чего я не хотел бы видеть в своей жизни. Стоит ему открыть рот, как непременно ляпнет какую-нибудь глупость или что-то неприятное. Этот человек находится в разладе со всем, что только есть на свете. Чаще всего он говорит о девушках и о том, что бы он хотел с ними сделать. В сексе он приверженец самых странных вывертов, и, похоже, для него не существует разницы между тем, что хорошо и что плохо. Кенту нравится то, что мне кажется унижительным и вульгарным. К счастью, я вижусь с ним очень редко, но самое грустное состоит в том, что у него нет контакта не только со мной, но и с самим собой.

Для меня в Кенте воплощается все, от чего я хочу держаться подальше. Темная сторона человеческой личности.

Если бы Кенту досталась роль в боевике, он погиб бы под колесами автомобиля или в обрушившемся лифте прежде, чем закончатся вводные титры.

Вдобавок он слишком громко говорит.

И вот он позвонил мне и ждет, что я ему отвечу. Провести вечер с Кентом – это для меня сейчас самое неподходящее, что только можно себе представить.

– Выпьем пива, – предлагаю я ему. – Давай выпьем пива!

Пока я завязываю башмаки, приходит факс от Кима. Я рад ему, потому что это помогает мне отвлечься на минутку от Кента.

Ким тоже видел разных зверей. Немногих. Но все-таки кое-каких видел:

- собак,
- кошек,
- поросят,
- голубей,
- чаек,
- ворон,
- воробьев,
- гаичек,
- синиц,
- петухов,
- кур,

- рыб,
- крабов,
- ракушки (над этим словом Ким провел черту),
- лошадей,
- коров,
- осла,
- дромадера.

Довольно убогий список. Как видно, Ким мало бывал на природе. Я как-нибудь возьму его с собой в такие места, где можно встретить лосей. Одно такое место я знаю.

Придя в кафе, я застаю там Кента. Оказывается, он не один, с ним еще двое, которых я не знаю. Кент сообщает, что один из них заканчивает докторскую по физике, а другой только что закончил медицинский факультет и в дальнейшем собирается специализироваться в области психиатрии. Здравуюсь.

Кент спрашивает меня, чем я сейчас занимаюсь, и я говорю, что бросил университет и занялся киданием об стенку мяча, потому что все потеряло вдруг смысл.

Очевидно, что эта новость не доходит до сознания Кента. Ничего не сказав по этому поводу, он спрашивает, встречался ли я в последнее время с какими-нибудь девушками. Я ответил, что не встречался ни с одной.

Кент умолкает.

Я немного потрепался с двумя его приятелями.

Психиатр спрашивает, воспринимаю ли я свои решения как бьющиеся о берег волны.

Я спрашиваю его, имеет ли он в виду сомнения, то есть что, оказавшись перед выбором, я испытываю сомнения.

Он говорит, что имеет в виду то, что сказал. Воспринимаю ли я свои решения как бьющиеся о берег волны?

В известном смысле это похоже. И я отвечаю «да».

Психиатр кивает и говорит, что это хорошо. В противном случае он констатировал бы у меня психоз.

Мы чокаемся бокалами с пивом в честь того, что у меня нет психоза.

Я рассказываю физику, что недавно начал читать книгу, в которой написано о времени.

Называю ключевые слова: Эйнштейн, теория относительности, сила

тяготения и время, которого нет.

– В каком-то смысле есть, – говорит физик.

Я прошу, чтобы он не шутил. Для меня это действительно важно.

Физик говорит, что теорией относительности досконально не занимался. Не более того, что входило в обязательный курс, а это было года три назад. Он говорит, что в теории относительности мало кто разбирается. Но он слышал, что некоторые отзываются о ней как о красивой и изящной теории.

Я спрашиваю его, понимает ли он, как это получается, что время на верхушке здания «Эмпайр Стейт Билдинг» движется быстрее, чем у его подножия.

Физик мотает головой: дескать, не понимаю. Однако он не сомневается, что так оно и есть на самом деле, и привык принимать это как должное. Он как-то приспособился жить с этим представлением. В общем и целом, его интересуют совсем другие вещи и мне он советует тоже поменьше об этом думать.

Хотя никто не просит, Кент начинает рассказывать о девице, с которой у него были контакты. История сальная. Я выслушиваю ее до конца без комментариев. Затем спрашиваю Кента про его успехи в Центральном статистическом бюро. С успехами все прекрасно, и я его поздравляю.

Затем я говорю, что мне пора домой спать.

– Позванивай мне, – говорит Кент.

– Обязательно позвоню, – говорю я в ответ.

На другое утро я просыпаюсь на рассвете и чувствую, что мне надо купить что-то, что вознаградит меня за ущерб, причиненный общением с Кентом. Я чувствую, что эта встреча отбросила меня на пару шагов назад.

Я прождал под дверью игрушечного магазина минут сорок, прежде чем он открылся. К этому времени у меня был готов список. Мне нужно что-то такое, что:

- поможет мне выплеснуть ненужную агрессию,
- будет яркого цвета,
- может многократно использоваться,
- издает звуки,
- заставит меня забыть про Кента и время.

Большие требования, если речь идет о предмете из игрушечной лавки! Да и в любой лавке, наверное, нелегко найти предмет, отвечающий таким

требованиям.

Но как знать! Может быть, мне повезет.

Я не спешу. В магазине, кроме меня, нет других покупателей.

Персонал с интересом следит за мной глазами, пока я неторопливо обхожу полки. Я сразу заявил, что мне не требуется помощь. Я хочу сам справиться с этой задачей.

Перед полкой с игрушками «Брио» меня осенило: вот оно! На полке стоит игрушка, которую я помню еще с детства. Ее потенциальные возможности отвечают всем требованиям списка.

Это доска-колотушка.

На полке стоит нарядная коробка, на которой нарисована доска и мальчик, который стучит по ней молотком. Доска – желтая, и на ней красными буквами написано: «Брио». Колышки для заколачивания – желтые, а ножки у доски синие. Молоток выкрашен в красный и зеленый цвет.

Приятное чувство разливается у меня по всему телу.

Я помню, сколько удовольствия приносит доска-колотушка.

Когда забьешь все колышки вровень с доской, у тебя возникает ощущение осмысленной связи вещей. Ощущение, что разные вещи соответствуют друг другу. Одно с другим связано. Потом ты переворачиваешь доску, и, пожалуйста, стучи себе снова. Это машина вечности, дающая своему пользователю ощущение осмысленной связи.

Большого невозможно требовать. Как от людей, так и от объектов.

Хорошенько постучав по этой доске, я со временем, возможно, обрету ощущение осмысленности как в плане глобального, так и личного существования.

Кроме того, мне нечего терять.

И вот я покупаю доску, сажусь на велосипед и еду домой.

Сегодняшний день станет днем, когда я впервые постучу.

Итак, я начинаю.

ВАКУУМ

В последние дни я почти ничего другого не делал, а только стучал и стучал.

Я стучал с утра до вечера.

Это изумительно монотонное занятие наполняет меня радостью. Мысли замерли. Я полон благодарности к фирме «Брио».

Наконец-то я сдвинулся с мертвой точки. У меня прибавилось сил и даже появился некоторый избыток. Я так осмелел, что не боюсь снова взяться за чтение книги, которая толкует о времени.

Теперь я уже читаю о свете. У света большая скорость.

Почти равная 300 000 километрам в час. В условиях вакуума.

В атмосфере она немного замедляется.

Здесь дается определение метра как расстояния, которое свет преодолевает за $1/299\,792\,458$ долю секунды. В условиях вакуума.

Я отправляю факс Киму, чтобы спросить у него про этот самый вакуум. Разбирается ли он в этом предмете и не может ли объяснить мне, что это такое.

Он присылает ответный факс, в котором написано, что вакуум – это ничто. Безвоздушная пустота. Пустота, где нет ничего. Это и есть вакуум.

Я-то надеялся, что вакуум – это нечто большее. Но в общем и целом, это не так уж плохо. Если главное в нем – ничто, зачем тогда надо выражать это более сложным образом!

Но есть и светлое пятно. Оказывается, Ким знает, как сделать вакуум. Ким пишет, что не раз этим занимался, когда выдавались дождливые дни.

Достаточно взять стеклянную банку, наполовину наполнить ее водой и поставить незакрученной в микроволновую печь моего брата. Держать ее там, пока вода не закипит, затем закрутить.

В банке при этом что-то такое происходит с давлением, и я могу подержать в руках вакуум.

Вот и вся премудрость.

Я лезу в холодильник и достаю из него банку с черничным вареньем, срок которого истекает уже через месяц. Я выливаю варенье в унитаз и

отмываю банку теплой водой с мылом. Затем до половины наливаю в нее воды и ставлю в микроволновку. Установив переключатель на «максимум», принимаюсь ждать.

И вот вода закипела.

Я вынимаю банку, выжидаю несколько секунд, чтобы пар немного улегся, и завинчиваю крышку.

Я создал вакуум.

Впечатление несколько расхолаживающее. Смотреть словно бы не на что. Но ведь я знаю, что в банке, там где нет воды, находится вакуум. Как ни странно, эта мысль дает какое-то удовлетворение.

Я прикидываю, для чего бы можно использовать вакуум.

Сквозь банку все время проходит свет.

Я прочел, что свет – это частицы. Фотоны. И вот они теперь проходят сквозь банку. С более высокой скоростью, чем снаружи. Чтобы усилить эффект, я беру банку, несу ее в ванную и выключаю свет. Затем я включаю велосипедный фонарь и подношу его к банке.

Вокруг все тихо.

Никаких признаков того, что в ванной комнате у брата что-то движется со скоростью 300000 километров в секунду. Ситуация совершенно лишена каких-либо признаков драматизма, но тем не менее я вдруг остро ощущаю торжественность момента.

Длина ванной комнаты моего брата не достигает 300000 километров. Она гораздо меньше. Мне не удастся выяснить, что же такое происходит с фотонами. Я не знаю, тормозят ли они у стены или отскакивают от нее. Единственное, что можно сказать с уверенностью, – это то, что они не исчезают. Поль пишет, что ничто не исчезает.

Мы провели в ванной довольно много времени.

Вакуум, фотоны и я.

Это были захватывающие минуты.

Потом я выключил велосипедный фонарь и вышел из ванной. Банку с вакуумом я поставил на подоконник. Пускай она там стоит к нечаянной радости удачливых фотонов, которым посчастливится в нее залететь.

У меня приятное ощущение. Похожее на то, что бывает, когда ты покормишь птичку или дашь денег кому-то, у кого их меньше, чем у тебя.

Затем я усаживаюсь на подоконник и в ожидании программы новостей принимаюсь стучать по доске.

ПТИЦА

Вот еще одна история.

Тоже о добром мире.

Она случилась до моего рождения.

Родители поехали с моим братом на каникулы в Данию. Там они сняли домик на берегу моря.

Не знаю, сколько лет было в тот год брату, но думаю, что он был тогда еще совсем маленьким. Наверное, ему было лет семь.

Он бегал по пляжу, купался и кидал в воду палочки или что попадется.

Наверное, ему было там очень хорошо.

Однажды он нашел на берегу птицу со сломанным крылом. Это была молодая чайка. Она лежала на песке и не могла летать.

Брат еще ни разу не сталкивался с болезнью и смертью. Ему стало жалко птичку. Ему стало грустно, что она лежит больная и всеми заброшенная.

Он хотел ее вылечить, чтобы она улетела к своим родственникам и весело играла с ними в чайчьи игры.

Мой брат поднял птенца, бережно отнес его домой и уложил в коробку с ватой. Он давал чайке воду, кормил ее и разговаривал с ней.

Утром, едва проснувшись, мой брат сразу вспоминал о чайке и засыпал вечером с мыслью о ней.

Утром он тотчас же бежал ее проведать, а вечером обязательно говорил ей «спокойной ночи» и осторожно гладил ее крылышки.

Мой брат полюбил птицу.

Для него было очень важно, чтобы она выздоровела.

Мои родители тоже надеялись, что чайка поправится. Они видели, сколько чувства вкладывает мой брат в уход за птицей. Они боялись, что мальчик расстроится, если птица умрет.

Моему брату казалось, что здоровье птицы поправляется с каждым днем. Ему казалось, что оно улучшается на глазах. Он все время верил, что чайка скоро поправится и улетит на волю.

Но дело обернулось иначе.

Однажды утром, пока мой брат еще спал, папа нашел чайку мертвой.

Он похоронил ее неподалеку от дома.

Когда мой брат проснулся, папа сказал ему, что птица поправилась и улетела. Он сказал, что мой брат очень хорошо за ней ухаживал и благодаря его заботе птица выздоровела.

Ни мама, ни папа не решились сказать мальчику, что птица умерла.

Наверное, они подумали, что тяжелые переживания все равно никуда не уйдут от мальчика и нечего торопить события. И они решили, пока возможно, оградить ребенка от печального опыта.

Мой брат сделал все возможное, для того чтобы спасти птицу.

И теперь ему сказали, что она улетела.

Он обрадовался. Ему приятно было думать, что где-то там в небе летает его птица. Что она здорова. И что он ей помог.

Единственное, что его немного огорчало, – это зачем она не сообразила попрощаться перед разлукой.

Очевидно, у моего брата осталось такое чувство, что он живет в добром мире. Что от человека что-то зависит и что иногда все кончается хорошо, даже если сначала было плохо.

Мой брат по-прежнему верит, что та молодая чайка поправилась.

Никто так и не рассказал ему, что случилось на самом деле.

ДЕВУШКА

Раннее утро. Звонок.

Я откладываю в сторону доску-колотушку и иду открывать.

В дверях стоят Бёрре и незнакомый мужчина – как я догадываюсь, это его папа. Я приглашаю нежданных гостей войти. Папа представился, и мы здороваемся за руку.

Я вижу, что у Бёрре заплаканное лицо. Папа неприятно удивлен. Он спрашивает меня, не занят ли я ремонтом квартиры.

Я говорю «нет» и спрашиваю, почему он так решил.

Он говорит, что слышал стук молотка.

Я правдиво отвечаю, что в свободное время люблю постучать.

Просто так, для собственного удовольствия. Ничего серьезного. И показываю ему доску.

Папа мальчика кивает. Он не знает, как отнестись к услышанному.

Дело в том, что они всей семьей собирались в Хамар навестить больную бабушку, но Бёрре не желает ехать. Он боится и плачет. Они с матерью не знали, что делать. И тут папа вспомнил про меня. Бёрре много обо мне рассказывал.

Обо мне и моем велосипеде.

Папа сказал, что понимает, какое он причиняет мне неудобство, но все-таки пришел спросить, не найдется ли у меня время. Это бы его очень выручило. А так у них безвыходная ситуация. Бабушка очень расстроится, если они не приедут.

Я обращаюсь к Бёрре и спрашиваю, хочет ли он побыть пока со мной. Он кивает и облегченно вздыхает.

Я говорю его папе, чтобы он не беспокоился. У меня ровно ничего на сегодня не запланировано.

Папа страшно благодарен.

Они уедут с ночевкой, но завтра уже вернутся.

Мне дают ключи от квартиры и наставления: когда нужно кормить Бёрре и во сколько укладывать спать.

Папа снова повторяет, как он мне благодарен.

Я говорю, что это пустяки, не стоит благодарности, и, пользуясь случаем, спрашиваю у него о встрече с белым медведем.

Папа говорит, что это было потрясающе. Большущий был медведь.

Здоровенная зверюга.

Затем папа, мама и младшая сестренка отправляются в Хамар. Мы с Бёрре провожаем их во двор и машем вслед.

И вот мы с Бёрре остались одни. Надо придумать, чем нам заняться. Чем-нибудь интересным.

Пока я завтракаю, Бёрре рисует. Он устроился за письменным столом моего брата и рисует гоночный автомобиль.

Я предложил ему поиграть с доской, но он решил порисовать. Сначала он долго рисовал гоночную машину, потом раскрасил ее.

Когда Бёрре кончил рисовать, поступил факс от моего брата. Бёрре был в восторге от такого чуда. Он смотрел на это как на волшебство. Ему не верится, что такое возможно. Прямо в комнату откуда ни возьмись пришла бумага – лист с напечатанным текстом. Бёрре спрашивает, откуда это. Я говорю, что, кажется, из Африки.

Бёрре просит, чтобы я дал ему поддержать лист.

– Вот только прочитаю и дам, – говорю я ему.

Я читаю пришедший от брата факс.

И тут выясняется одно недоразумение.

Оказывается, мой брат не в Африке, а в Америке.

Я как-то нечаянно перепутал, на каком он континенте.

Оба ведь начинаются и кончаются на «а».

И оба далеко отсюда.

Я как-то даже разочарован.

В Африке гораздо больше экзотического по сравнению с Америкой. Интереснее думать, что твой брат живет в Африке. Это как деньги в банке: неизвестно, сколько окажется на счету, когда придешь их снимать.

Брат в Америке – это гораздо обыденнее. У каждого когда-нибудь кто-то из родственников побывал в Америке.

Итак, мой брат что-то там выгодно продал, получил хорошие деньги и просит меня об одной услуге. В факсе упоминалось насчет курса доллара по отношению к норвежской кроне: в настоящий момент сложилось чрезвычайно благоприятное соотношение. И мой брат просит меня купить для него автомобиль.

Когда он вернется, ему сразу будет нужен автомобиль. Поэтому ему бы хотелось, чтобы к его возвращению все формальности, связанные с

покупкой и регистрацией, были улажены.

Он просит меня купить автомобиль.

Я должен немедленно сообщить ему факсом номер своего счета, и тогда он переведет на него столько денег, сколько требуется для покупки автомобиля.

Я записываю номер счета на оборотной стороне рисунка, изображающего гоночный автомобиль. Добавляю от себя несколько вопросов касательно автомобиля. Какой автомобиль он хочет купить? Какого цвета? С воздушными подушками или без?

Затем отправляю факс в Америку.

Через несколько минут факс возвращает нам рисунок гоночного автомобиля в черно-белом исполнении. Бёрре в телячьем восторге. Он держит в руках два рисунка гоночного автомобиля – оригинал и его копию, сделанную факсом.

Над рисунком мой брат написал: «Что это такое? А где номер счета?»

Я переворачиваю лист с рисунком и снова отправляю факс с номером счета и моими вопросами.

Мой брат отвечает, что относительно марки машины полагается на мой выбор. Но автомобиль должен быть шикарный. Символ высокого статуса. Чтобы выражал энергичность и спортивный напор. Цвет, скажем, красный или зеленый, может быть оливкового оттенка. Воздушные подушки надо.

Бёрре радуется, что я пойду покупать машину. Он за то, чтобы выбрать гоночную.

Брат дал мне ответственное поручение. Я польщен. Мне никогда еще не приходилось покупать машину.

Бёрре хочет, чтобы я отправил по факсу рисунок гоночного автомобиля его бабушке. Я объясняю, что у бабушек обычно не бывает факсов, но мы можем отправить его по почте, если Бёрре знает адрес.

Бёрре согласен: раз уж нельзя послать по факсу, то можно и по почте.

Мы отправляемся смотреть автомобили. Вдвоем с Бёрре.

Сначала мы разглядываем машины на улице. Мы заглядываем через стекло в машины и выясняем по спидометру, какая у них скорость. Всем

остальным Бёрре не интересуется. Он обнаружил, что у «BMW» скорость по спидометру доходит до 280. Он за то, чтобы купить «BMW».

Мы зашли в магазин фирмы «Вольво» и попробовали, как сидится в этих машинах. Продавец думает, что Бёрре мой сын. Он ведет себя со мной как с потенциальным покупателем, показывает нам машины и объясняет технические нововведения. Он говорит, что фирма «Вольво» придает большое значение безопасности.

Бёрре проверяет показания спидометра. У «вольво» шкала скоростей заканчивается цифрой 200 с небольшим. Бёрре отрицательно мотает головой.

– Бёрре! – говорю я ему. – Двести километров в час – это совсем не так мало, как тебе кажется.

И вот мы делаем пробную поездку на «вольво» по дороге E 18. Бёрре хлопает в ладошки.

Он сидит на детском сиденье, которое нам одолжил продавец.

– А с какой скоростью мы сейчас едем? Двести километров? – спрашивает Бёрре.

– Почти что, – отвечаю я.

Отличная машина. И цвет зеленый.

Вернувшись домой, я сообщу брату по факсу, что у этой машины хорошее сцепление с дорогой, хотя и не знаю, что это значит.

Свернув с шоссе, я возвращаюсь в город по проселочной дороге. Нас приятно покачивает.

По пути мы делаем остановку и покупаем в лавке мороженое.

Пока мы не спеша лакомимся, я читаю листочки, которыми увешана входная дверь. Объявления лотереи бинго и курсов верховой езды. И вдруг среди них попадаетея одно особенное.

Отличное объявление. Как нарочно для Бёрре.

Я прочитываю ему вслух то, что в нем написано.

«Привет!

Меня зовут Джессика. Может быть, кому-нибудь захочется купить что-то из этих вещей, которые лежат у меня без дела. Вот эти вещи:

Шампунь с хной, флакон высотой 10 см, цена 10 крон.

Дезодорант „Дыня“, 8 см, цена 5 крон.

Тролли-близняшки с длинными белыми волосами и с кольцом для ключей; у одного из них на животе звездочка: 5 крон за пару.

Печати с пакетом и цветами, 10 крон за все вместе.
Белые сережки под жемчуг, неношенные, 10 крон.
Брошка, неношенная, 5 крон.
Коробка картинок с пауэр-рейнджерами, длина 10 см, полная коробка, 20 крон.
Копилка с утенком Сэмом, 5 крон.
Фигурки из киндерсюрприза: 3 льва (2 одинаковых), лягушка, черепаха, все вместе – 10 крон.
Разноцветные спиральные пружинки „Радуга“. Растягиваются и гнутся. Могут спускаться по ступенькам, 10 крон.
Фарфоровый слоник для зубочисток, 10 крон.
Если тебя что-то заинтересовало, позвони и спроси Джессику. Телефон: 22474564».

Бёрре заинтересован.
Конечно, не девчоночьими вещицами, но вот пауэр-рейнджеры – это да! Ну, может быть, еще что-то из мелочей. Он еще не решил. Надо сперва посмотреть.
Мы идем в телефонную будку и набираем номер. Трубку держит Бёрре. Я слышу, как он спрашивает, дома ли Джессика. На другом конце, кажется, заинтересовались, кто ее спрашивает. Бёрре отвечает:
– Это я – Бёрре!
Потом он довольно долго беседует с Джессикой. Бёрре повторяет «да», «да» и несколько раз упоминает про пауэр-рейнджеров. Ему называют адрес, и он вешает трубку.
Жемчужные сережки и брошка уже проданы, а остальное еще нет.
Бёрре весь дрожит от нетерпения.

Джессика встретила нас на лестнице. Ей лет двенадцать, у нее длинная коса. Дома родители и старшая сестра, немного похожая на девушку, которая пела за рулем машины и которую я видел в клипе по телевизору в квартире моего брата. На вид ей примерно столько же лет, сколько мне.
Мы все здороваемся за руку.
Отец Джессики с увлечением разглядывает наш «вольво». Он сразу увидел, что это новейшая модель.
Бёрре и Джессика уходят в ее комнату.
Меня приглашают за стол и предлагают кофе с печеньем.

Родители смущены тем, что Джессика повесила в лавке объявление.

Они опасаются, что люди подумают, будто у них туго с деньгами и Джессика не получает карманных денег.

Они говорят мне, что живут не хуже людей.

Когда мать Джессики собирается налить мне кофе, я вынужден сказать, что кофе не пью.

Она спрашивает у меня, что можно предложить мне взамен, и я отвечаю, что можно просто воды или шипучки. Можно соку. Она исчезает на кухне.

Отец Джессики говорит, что редко кто не пьет кофе.

Он, конечно, прав.

Эти замечания мне приходится выслушивать каждый раз, когда кто-нибудь узнает, что я не пью кофе.

Я говорю, что, возможно, когда-нибудь тоже буду пить кофе, но пока что вкус кофе оставляет меня равнодушным. Вообще-то, я никогда его не пил.

Мне доводилось пригубить кофе, но я никогда его не проглатывал.

Наконец входит мать Джессики со стаканом апельсинового сока.

Отец Джессики начинает говорить о машинах. Он говорит, что у него тоже «вольво». «Вольво» – особенная машина: если вы однажды начали на ней ездить, то уже никогда не променяете на другую.

Однажды он чуть было не купил японскую машину, но вовремя отказался. Совершенно не то!

Но вот зато «вольво»...

Вот это машина так машина! «Вольво» – сама надежность. Это как хороший друг. Никогда не подведет.

С этими словами он оставляет от себя чашку и делает рукой жест, который, по-видимому, означает: жми на педаль – и вперед! И никаких сомнений!

Под его разговоры я все посматриваю на старшую сестру Джессики.

Она смотрит на отца с ласковой снисходительностью. Приятная девушка.

Я говорю, что согласен с его мнением. «Вольво» – хорошая машина.

Затем спрашиваю Лизу, чем она занимается.

Она отвечает, что хочет стать фотографом. Сейчас она работает по заказу для дамских журналов. Но мечтает о самостоятельной работе, чтобы снимать по собственному выбору.

Я говорю, что тоже время от времени занимаюсь фотографией.

- У меня есть фотоаппарат, – говорю я. – «Никон».
- «Никон» – лучшая марка, – говорит отец.
- «Никон» – хороший фотоаппарат, – говорит Лиза.

Возвращается Бёрре и Джессика.

Бёрре несет коробку с картинками пауер-рейнджеров, бутылку шампуня с хной и утку – копилку.

На лице у него улыбка до ушей, и он спрашивает меня, есть ли у меня тридцать пять крон.

Когда мы собрались уезжать, мать Джессики предложила, чтобы мы остались пообедать.

Обед совсем скоро.

Я решил, что это уже слишком; кроме того, мне пора возвращать автомобиль. Я вежливо отказываюсь, ссылаясь на то, что у нас назначена деловая встреча.

Поблагодарив хозяев за гостеприимство и за покупку, мы садимся в машину, а Джессика и ее родственники провожают нас до калитки и машут вслед.

Включая вторую скорость, я еще разок взглянул на Лизу.

На ее отражение в зеркале заднего вида.

Давно мне уже не случалось видеть девушку, о которой думаешь, что хорошо бы встречаться с нею почаще. Может быть, даже каждый день.

А сейчас я это подумал. Хорошо бы, чтобы она сидела сейчас рядом со мной в красном свитере. И мы бы с ней куда-нибудь ехали. Вместе. У меня такое чувство, что все стало бы куда лучше, если бы у меня была девушка.

Какое ребячество так думать!

И все-таки я склонен полагать, что это правильная мысль.

Во всяком случае, я не хочу исключать такую возможность.

Бёрре доволен тем, как он провел этот день.

Я дал ему денежку, чтобы было что бросить в его новую копилку.

На мой вопрос, зачем ему шампунь с хной, он ответил: «Чтобы подарить маме».

И я вижу, как он доволен этим приобретением.

КОСМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Сейчас Бёрре спит.

Он совсем устал. Мы заигрались с ним в машинки, и он лег гораздо позднее положенного часа.

Я дал ему выиграть.

А потом мы еще играли в слова. Нужно было сказать первое слово, какое придет тебе в голову. Очень быстро.

Я-то думал, что, если я сказал «солнце», Бёрре скажет «лето», но тут что-то не заладилось. Бёрре все время говорил «какашки». Что бы я ни говорил, он на все отзывался: «Какашки». И ужасно хохотал, так что не мог остановиться.

Но сейчас он наконец-то заснул.

Я сходил наверх в квартиру моего брата и отправил в Америку факс.

Я написал ему: «Вольво. Жми на педаль – и полный вперед! Никаких сомнений! И пусть всегда светит солнце!»

Потом я достал себе свитер.

Сейчас я сижу на балконе в квартире у Бёрре и попиваю джин с тоником. У его родителей целый шкаф, набитый разными бутылками.

Когда я выпью достаточно, чтобы набраться храбрости, то продолжу чтение этой темной книги, в которой говорится о времени.

И вот я уже читаю.

Поля пишет об Эйнштейне.

Я понял, что Эйнштейн мой друг.

По словам Поля, из его теории каким-то образом следует, что прошлое, настоящее и будущее существуют одновременно. Это одно из следствий теории относительности. Я, конечно, не представляю себе, как это должно получаться в действительности, но это и не важно. Чихал я на то, как это получается! Главное, что, прочитав это, я почувствовал некоторое облегчение.

Я подливаю себе джинку с тоником и читаю дальше.

Я добрался до места, где сказано, что специалисты (бог весть, кто они такие) до сих пор не пришли к единому мнению о том, что представляет собой время. Это подогрело мой интерес. Одни хотят раз и навсегда ввести

единое определение своего рода универсального времени, которое служило бы для измерения происходящих изменений, другие же требуют объявить саму концепцию времени утратившей силу и отменить время, признав несуществующим. Мы можем по-прежнему пользоваться часами. Мы можем продолжать мерить изменения в секундах, часах и годах, но сама идея времени как явления, которое существует в природе, неприемлема. Все мои симпатии на стороне последних. И я по мере сил и возможностей готов лоббировать их требования, чтобы эта точка зрения одержала верх.

Все это увлекает меня больше и больше.

Сложности моего собственного существования как бы отодвигаются.

Я вижу их в перспективе.

Надо бы сделать перспективу доступным лекарством, которое можно купить за деньги и вводить внутривенно.

Поль не робеет перед великими вопросами.

Вот он уже пишет о вечности.

Главное, что нужно знать о вечности, пишет Поль, – это то, что она не сводится к большим числам.

Вечность – это не просто что-то гигантское и непостижимо огромное. Если космос располагает безграничными запасами времени, это не просто означает что может произойти все, что угодно. Это означает, что когда-нибудь действительно произойдет. Независимо от того, насколько мала вероятность и сколько на это потребуется времени, рано или поздно это все равно станет реальностью.

Значит, если я буду жить вечно, то я совершу все что задумаю, увижу все что должно случиться.

Но это было бы интересно только при условии, что мой мозг способен вместить бесконечное множество мыслей.

В чем я, честно сказать, сомневаюсь.

Я откладываю книгу в сторону, и начинаю соображать, могу ли я что-то придумать.

Что-нибудь новенькое. Безразлично что.

Я закрываю глаза и делаю несколько глотков из бокала.

Сначала мне ни о чем определенном не думается, потом я начинаю думать о Лизе.

Пожалуй, в каком-то смысле это новая мысль.

Она держится прочно.

Потом прибавляются новые картинки. Комбайна и морского берега. Затем какая-то рыба. Не знаю, можно ли это назвать мыслями, но это во всяком случае что-то новенькое.

Я начинаю сомневаться, что у меня хватило бы фантазии для вечной жизни.

Теперь Поль приступает к самому главному.

По его словам, все указывает на то, что у Вселенной была начальная точка и что, следовательно, когда-нибудь наступит конец.

Все, что мы знаем, говорит Поль, когда-нибудь исчезнет.

Вот что у него сказано. Вследствие Большого Взрыва Вселенная расширяется во всех направлениях. Центробежная сила, которая вызывает ее расширение, обладает огромной мощностью, однако некоторые признаки указывают на то, что в один прекрасный день сила тяготения перевесит ее действие.

Тогда центробежное движение остановится, и тогда звезды и галактики и все, что там еще есть, начнут снова сближаться. Начнется движение вспять, и все кончится полным коллапсом.

Поль называет это the Big Crunch^[4].

И после этого уже не будет происходить ни черта. Точно так же как было до Большого Взрыва (the Big Bang), когда тоже ничего не происходило по той причине, что до него не было никакого прошлого, в котором что-нибудь могло бы происходить.

Возможно, Вселенная начнет сужаться уже через сто миллиардов лет, однако может просуществовать и миллиард миллиардов лет.

А когда это начнется, у нас будет впереди еще столько же лет, чтобы собрать вещички и приготовиться к исходу.

Эти числа просто прелесть!

Что до чисел, тут Полю и черт не брат.

В этой книге он называет, например, такое число, которое представляет собой единицу с несколькими миллионами нулей. Это там, где речь идет о расстоянии, выраженном в световых годах, до какого-то небесного тела или не помню какой там системы, которая находится совсем не там, где расположена наша Солнечная система.

Он упоминает также о расчетах, согласно которым общее число галактик во Вселенной, очевидно, приближается к десяти миллиардам и в каждой из них имеется примерно сто миллиардов звезд, сходных по величине с нашим Солнцем.

Эти числа настолько невероятны, что у меня заметно улучшается настроение.

Уж больно круто все выходит!

Мне кажется, Поль тоже это чувствует.

Ведь как я ни старайся, я тут ничего не могу ни прибавить, ни убавить. От меня так мало зависит.

И это вызывает чувство освобождения.

Сфера моей личной ответственности заметно уменьшилась. Это я почувствовал именно сейчас. Чувство ответственности ослабевает. В ускоренном темпе.

Я – почти ничто.

Строго говоря, такая мысль должна была бы показаться мне очень пугающей, однако я не испытываю такого ощущения. Возможно, тут виноват алкоголь.

Разумеется, знание того, что Вселенной когда-то настанет конец, неизбежно должно вгонять в тоску.

Мысли о вечной жизни подкатывают комком к горлу.

Но похоже, что это меня не терзает. По крайней мере сейчас.

Скорее даже, напротив. Я давно не ощущал такого прилива жизненной энергии.

Оказывается, это даже здорово – знать, что тебе отведен определенный срок, с которым надо соразмеряться.

Вообще-то мне всегда хорошо работалось авралом.

Если нам дано просуществовать тут на Земле еще несколько тысяч или несколько миллионов лет, я буду доволен.

Потом пускай себе оно на здоровье взрывается или сужается.

Волнует только одно – мысль о том, что я не просил, чтобы меня сюда пустили. Я просто тут есть. Как и все остальные. Так уж вышло, что все мы тут.

Но мы не просили об этом.

И это не наша вина.

Я сижу, уставясь перед собой в ночную тьму, и предаюсь лирическому настроению, как вдруг слышу, что ко мне пробирается Бёрре.

Он проснулся, потому что ему приснился гадкий и страшный сон.

Он забирается ко мне на колени, и я укутываю его в свитер. Я поглаживаю его и уговариваю, чтобы он не боялся. Это был только сон! А потом будет утро и новый день. Бёрре трет спящие глаза и спрашивает,

не могу ли я что-нибудь спеть.

Конечно же могу! И я пою ему про старенькую лошадку. Я не знаю ничего более успокоительного, чем эта песенка.

Когда мальчик с улыбкой приходит в конюшню и рассказывает пегой лошадке, что папа обещал отправить ее на покой, то все становится осмысленным и восстанавливается связь вещей.

«Пусть тебе приснится тихое житье. Ешь да спи да не тужи. Мальчугана покатай да и снова отдыхай».

Я отнес Бёрре в постель и полежал с ним рядом, пока он не заснул. Затем снова сел на балконе со стаканом воды.

Я набираю в рот воды и глотаю понемногу. Хорошая вещь – вода!

Если бы мне пришлось выбирать из разных вещей одну, я бы наверняка выбрал воду.

Я чувствую себя гораздо лучше, чем было все последнее время.

Сначала мяч, потом доска – колотилка и вот теперь это – большие числа. Приятно чувствовать, что на тебе нет ответственности.

Может быть, я уже начинаю выкарабкиваться.

Может быть, я и выберусь из ямы.

И вот я сижу на балконе, наблюдая рассвет, и думаю, что я неплохой парень и ну ее, Вселенную, и время и все такое прочее!

CRAZY LOVE^[5]

Сижу у телевизора и переживаю похмелье, чтобы снова постучать по доске. Я попробовал было обмотать молоток тряпкой, но стук все равно получился громкий. Фирме «Брио» следовало бы заменить пластиковые колышки на деревянные.

Сейчас мне было бы очень кстати постучать по колышкам. Так между делом я смог бы со всей осторожностью разобраться в мыслях, которые пришли мне в голову сегодня ночью. Однако с этим пока придется подождать.

Сейчас у меня голова гудит. От мыслей о Вселенной. Поначалу мне показалось, что все это мне безразлично. Но сейчас похоже, что я ошибался.

Гордыня заела.

Родители Бёрре без конца благодарили меня. Они хотели мне заплатить, но я сказал, что об этом не может быть речи, а кроме того, я воспользовался их спиртными запасами.

Бёрре не хотел меня отпускать.

Бёрре – добрый мальчик.

Хорошая штука телевизор.

Надо будет почаще смотреть. Благодаря ему я отвлекся на что-то приятное и теперь сам не разберусь, где мои собственные мысли, а где то, что навеяно телевизором.

Лучше всего – передачи о животных.

Тут тебе и Дэвид Аттенборо, объясняющий, как сложно все переплетается в природе, где все взаимосвязано. Как осы ориентируются в полете по солнцу. Вот осы – те нашли свой ориентир в отличие от меня!

Началась реклама. Мне нравится реклама автомобилей. Почти всегда действие происходит в какой-нибудь пустыне. Автомобиль мчится через пустыню. Одинокий автомобиль под палящим солнцем. Это впечатляет. Главное – скорость. У водителя одна задача – развезать по пустыне. Он просто едет.

Пожалуй, я куплю «вольво». Зеленый «ВОЛЬВО».

Брату понравится.

Еще одна вещь, которая мне понравилась, – это рисованные кадры,

демонстрирующие принцип действия шампуня и зубной пасты. Такой чарующе педагогический подход! Мне наглядно показывают, как активные вещества проникают в волосы или зубы, очищая и оздоравливая организм. И после этого состояние улучшается по сравнению с тем, что было. В этом-то вся соль! Дело идет к лучшему – вот что самое главное!

Но мультфильмы, где оживают разные вещи и продукты питания, меня раздражают. Крекеры, которые выскакивают из пачки и пляшут на кухонном столе, вызывая из холодильника сыр с пряностями, и, когда он выходит, сами прыгают в коробочку с сыром и сами себя намазывают.

Смотреть на это неприятно.

Авторы рекламных роликов вовсе пользуются мультипликацией и оживляют все, что угодно. Надо бы им за это дать по мозгам. Должен быть все-таки какой-то предел глупости.

Вот вещи, которые, по-моему, нельзя представлять в виде рекламных мультяшек:

- печенье и хлебные изделия,
- молочные продукты,
- шоколад,
- мясные изделия,
- рыбные изделия,
- моющие средства (и резиновые перчатки),
- яйца,
- фрукты и овощи,
- часы.

Решил посмотреть шведские новости. Они там вскрыли дело о мошенничестве, речь идет о работниках коммунальной службы, присвоивших коммунальные деньги. Довольно противная история, но у меня повышается настроение. Совсем люди очумели.

В данном случае группа коммунальных работников поехала для обмена опытом в Брюссель. Под конец у них появилось свободное время, и это их подвело: в результате они попались на том, что расплачивались за развлечения в секс-клубе по коммунальным банковским карточкам. Речь шла о тридцати тысячах крон. За одну ночь.

Я увидел выписку из расчетного счета. В нем такие записи: «Краски. Торговая фирма Даля», затем несколько раз «Тексако» и в конце целая колонка из шести строк, где шесть раз повторяется название «Crazy love».

Совершенно поразительно, чем оправдываются виновные. Один якобы

ничего не помнит, что было той ночью. Другой – не понял, что попал в секс-клуб. Слушать тошно.

- Краски. Торговая фирма Даля.
- Тексако.
- Тексако.
- Crazy love.
- Crazy love.
- Crazy love.
- Crazy love.
- Crazy love.
- Crazy love.

Сейчас я смотрю сериал о работе полиции. Американской полиции. В этой серии рассказывается история о том, как несколько лет назад двое полицейских из Лос-Анджелеса совершили доброе дело. Неожиданно я замечаю, что у меня на глазах навернулись слезы.

Меня взволновал рассказ о добром деле. Сначала показывают полицейских в участке. Они рассказывают, как это было, и события тут же воспроизводятся в игровом фильме. Продюсеры выбрали похожих актеров. Создается полная иллюзия реальности происходящего.

Вот здесь это случилось.

В канун сочельника в одном из бедных кварталов Лос-Анджелеса сидит перед своим домом чернокожая женщина и плачет. Мимо проезжают на машине двое полицейских. Они останавливаются и спрашивают ее, что случилось. Женщина рассказывает, что она навещала в больнице больную раком сестру, а пока она отсутствовала, в ее дом забрались грабители и вынесли все, что там было. Вынесли мебель, еду из холодильника и даже приготовленные для детей рождественские подарки. Трое детей сидят в комнате грустные. У них не будет Рождества.

Полицейские говорят, что вряд ли тут можно чем-то помочь. Такие дела, как правило, остаются нераскрытыми. Но на всякий случай они все же записывают, какие игрушки мать купила к празднику в подарок детям.

Вернувшись в машину, полицейские возмущаются: что же это делается и куда, мол, идет наше общество и т.д. в этом духе. Тогда они решили из своих денег купить подарки для детей этой женщины: завтра ведь Рождество, у нас, мол, есть все необходимое, а у этой женщины и у ее бедных детей ничего нет.

Они останавливаются перед игрушечным магазином и покупают подарки по списку. В списке было много вещей. Покупок набралось на

несколько сот долларов.

Разговорившись с хозяином магазина, они рассказывают ему о том, что случилось и что они задумали. Хозяин магазина, тронутый их добротой, говорит, что половину оплатит он. Рождество – особенный праздник. Когда полицейские сели в машину, чтобы ехать к пострадавшей женщине, раздается звонок из участка. Их срочно вызывают туда.

В участке начальник спрашивает у полицейских, что у них происходит. Оказывается, хозяин игрушечного магазина позвонил в телевизионную компанию и эта телевизионная компания желает взять у полицейских интервью. Ведь им нечасто приходится слышать такие добрые новости, а в Рождество людям нужно услышать что-то хорошее, что объединило бы нацию в одну семью.

И покатился снежный ком.

Несколько телевизионных компаний подхватило эту новость. Примчалась CNN. Вскоре об этом знала уже вся Америка. Двум полицейским со всех концов сыплются поздравления, а президент Рейган говорит по телефону, что он ими гордится.

Люди шлют деньги и подарки, а один человек вызвался предоставить женщине новый дом в более приличном квартале.

Вдруг кто-то вспомнил, что женщина ничего об этом не знает. У нее нет ни телевизора, ни радио. Она сидит с детьми в пустом доме, всеми заброшенная. Они думают, что у них не будет Рождества.

Полицейские решили подождать до утра, когда наступит Рождество.

Наутро чернокожая женщина встает и, разбудив детей, говорит, что сейчас они вместе пойдут в больницу поздравлять с Рождеством больную раком сестру.

Дети расстроены, потому что остались без подарков, но женщина говорит им, чтобы они не грустили: «Хорошо, что мы вместе и любим друг друга». Тут они слышат завывание сирен. Женщина вздыхает: «Подумать только, что даже в святой праздник люди не хотят пожалеть друг друга». Но вот один из сыновей выглянул к окну. На улице толпится народ. Стоят полицейские и пожарные машины, работают телекамеры, на роду видимо-невидимо. А на лужайке перед домом стоят двое вчерашних полицейских с полными охапками подарков. Какие-то люди вносят в дом мебель. Женщина ничего не понимает, но потом она узнает полицейских. Они обнимают ее и передают чек на восемнадцать тысяч долларов.

Женщина плачет.

И я тоже пролил слезу.

Голова наконец прошла. Я принимаюсь стучать.

Опять этот космос. Все, что я передумал за ночь, не дало мне чувства бессмертия. От конечности Вселенной недалеко до мыслей о бессмысленности человеческого существования. Так какой мне прок строить планы и что-то делать?

Но с другой стороны, та же причина подталкивает к тому, чтобы, несмотря ни на что, постараться как можно лучше использовать свою жизнь. Раз уж я здесь, то... Но моего воображения не хватает, чтобы представить себе, где бы я мог оказаться еще кроме этого мира.

Я думаю об этом, и такие мысли меня не пугают. Наверное, и раньше стоило задумываться об этом почаще. Я не знаю, в каком возрасте человеку свойственно задумываться об этом впервые. Некоторые, наверное, начинают лет в пятнадцать. Со мной этого не было. Но вот теперь я об этом думаю. Для того я и поселился в этой квартире, чтобы подумать о таких вещах.

Надеюсь, когда я додумаю эти мысли, все у меня как-то утрясется. Вообще-то на свете есть довольно много вещей, которые я ценю. Вот что я ценю:

- стучать,
- кидать мяч,
- сидеть в уборной,
- солнце,
- еду,
- деревья,
- дружбу,
- морской берег,
- девушек,
- лебедей,
- спать и видеть сны, просыпаться,
- когда меня кто-нибудь гладит по спине (бывает редко),
- музыку («All you need is love»),
- детей (Бёрре),
- воду,
- ездить на машине,
- кататься на велосипеде.

Мне бы еще только чувство, что все в мире как-то связано и что все кончится хорошо. Как это было бы здорово!

Может быть, я слишком много бываю один. Надо бы почаще выходить на улицу. Может быть, с кем-нибудь разговаривать. С кем мне говорить?

Ким так далеко, а Кент – нехороший друг.

С родителями я мог бы поговорить в любое время, но мне не хочется огорчать их своими проблемами. Я предпочитаю, когда они думают, что у меня все идет хорошо и с каждым днем делается все лучше и лучше.

Когда я был маленький, мы с папой часто ходили вокруг нашего дома. Он брал меня за руку, и мы шли вокруг нашего дома. Почему-то это хождение запомнилось мне как что-то очень хорошее и значительное.

В этом доме мы жили. Там мы ели и спали. И вот мы ходим вокруг дома.

Я на время прервал забивание колышков, сел на велосипед, поехал к родителям и сказал папе, что хочу походить с ним вдвоем вокруг дома. Он только что встал после дневного сна и немного удивился моей просьбе. Я попросил его не задавать вопросов. Мне нужно понять, что я чувствовал, когда ходил с ним вокруг дома. «Это часть задачи, над которой я сейчас работаю», – говорю я ему.

Папа надевает резиновые сапоги и куртку, и мы отправляемся вокруг дома. Мы с папой. Мы обошли дом по кругу.

Оказалось не совсем так, как тогда, но все-таки хорошо.

Я и не думал, что если обойду с папой вокруг дома, то все разрешится. У меня были скромные ожидания.

Папа сказал, что потом мы можем это повторить, если будет надо.

Я сказал, что очень может быть.

Папа сказал еще, что, на его взгляд, мне надо почаще выходить из дома. Встречаться с людьми. Может быть, с девушкой.

ВОЗЛЮБЛЕННЫЕ

Почему у меня нет возлюбленной?

Я не могу назвать никакой причины.

Даже у тех, кто выглядит менее привлекательно, чем я, бывают возлюбленные.

У дураков и то бывают возлюбленные.

Судя по всему, у меня тоже давно должна бы появиться возлюбленная.

В мире многое устроено несправедливо и по-дурацки.

Должно быть, это одна из причин, почему у меня проблемы.

Неужели идиотская музыка, кретинские книги, газеты, фильмы, рекламные мультипликации, где оживают продукты питания, объясняются тем, что за всем этим стоят дураки?

Неужели все действительно так просто?

Порой мне кажется, что это так.

Очень естественно предположить такую модель.

Поверить в это соблазнительно.

Или дело обстоит иначе и все эти люди вообще-то не дураки, но с наилучшими намерениями снова и снова ошибаются?

Тоже вполне возможно.

Большая разница – быть дураком или неудачником.

Однако все они наверняка имеют возлюбленных.

Все до единого.

А у меня ее нет.

ПАПА РИМСКИЙ

Я отпираю квартиру моего брата, захожу и обнаруживаю, что от Кима пришел длиннющий факс. Не меньше чем тридцати метров длиной.

В нем много раз повторяется одно и то же:

«Be not afraid»^[6].

Ким отправил мне бесконечный факс.

Он как-то рассказывал мне, как это делается.

И давно уже мечтал попробовать.

Дело это, наверное, нехитрое.

Вставляешь лист как обычно, набираешь номер адресата, а когда лист прошел, склеиваешь оба конца. Тогда машина будет непрерывно передавать одно и то же сообщение, пока ты ее не выключишь или пока у получателя не кончится бумага.

У меня закончился весь рулон.

Целый рулон дорогой термической бумаги.

Размотанный лист лежит на полу. Зрелище плачевное.

Ким пишет, что нашел эту фразу у Папы Римского на задней обложке книги, изданной несколько лет тому назад. Книгу, наверное, оставил на метеорологической станции его предшественник. Тот метеоролог был католиком.

«Be not afraid».

Хорошие слова. Молодец Папа!

Но только не сто раз подряд.

Я вставляю конец факса в машину моего брата и отправляю его Киму.

Пускай сам проглотит эту пиллюлю.

На пересылку ушло больше часа.

Пока факс работает, я читаю дальше книгу Поля.

Он как раз упоминает Папу.

Поль пишет, что Папа пришел в восторг от теории Большого Взрыва. Папа считает, что в этом виден Божий перст. Большой Взрыв вызван Богом. Гениально! Должно быть, Папа очень обрадовался, когда к нему пришла эта мысль.

Хотел бы я послушать, как он заговорит, когда все начнет опять сужаться. Наверное, он тогда примолкнет.

Я отрываю клочок от факса и вешаю у себя над кроватью.

Пожалуй, будет приятно увидеть это перед глазами, когда просыпаешься.

И неважно, католик ты или нет.

Завтра пойду покупать «вольво».

ЛИФТ

Я отправился покупать «вольво». Но по дороге заехал в большой многоэтажный отель.

Я еду в лифте.

Я катаюсь вверх и вниз. Я провел в нем уже сорок минут. Спустившись на первый этаж, я нажимаю верхнюю кнопку, а поднявшись наверх, жму нижнюю.

Люди то и дело входят и выходят из лифта, но никто не высказывается насчет того, что я тут делаю.

Когда я был еще мальчишкой, мы после школы иногда отправлялись на велосипеде в спальный район. Там стояли дома, которые мы называли высотками. Все хулиганистые ребята жили там. У них были старшие братья, которые по пятницам ездили в Швецию покупать китайскую порнографию, нюхательный табак и пиво. Все обитатели высоток еще с дошкольного возраста были знакомы с порнофильмами. Ходили жуткие слухи о том, что некоторые из старших братьев крутят порнофильмы прямо на стене около почтовых ящиков. Такие фильмы, где показано, как две тетеньки обливают шампанским мужчину, чтобы заставить его раздеться догола.

Так это или не так, не знаю.

Но вот лифты в этих домах были замечательные.

Мы ездили туда, чтобы покататься в лифте.

Это было очень рискованное предприятие. Не знаю уж по какой причине, но почему-то нам не разрешалось ездить в лифте. Как ни странно, это было запрещено.

По-моему, нельзя запрещать детям ездить в лифте.

Но все старушки поднимали крик, начинали звонить в полицию, приходил сторож и прогонял нас оттуда.

Это было волнующее приключение.

Лифт – замечательная штука.

Покатаюсь еще немножко.

Особенно хорошо, что взрослому можно сколько угодно ездить в лифте и никому не придет в голову задаваться вопросом, по какому праву ты здесь находишься. Никто не заподозрил меня в том, что я просто

катаюсь в лифте. С виду я такой же, как все.

Тут в лифт входит молодая женщина. Ей нужно спуститься вниз.

Я смотрю на нее.

Спрашиваю, есть ли у нее возлюбленный.

Она отвечает мне по-английски, что не понимает.

Я спрашиваю по-английски.

– Do you have a boyfriend?

– Yes, – отвечает она^[7].

Я спрашиваю, симпатичный ли он человек, который делает все как надо, или несимпатичный, делающий одни глупости.

Женщина отвечает, что в жизни все сложнее, чем я думаю, но если по-честному, то надо признаться, что у нее были другие возлюбленные, более симпатичные и делавшие меньше глупостей, чем нынешний.

Она спрашивает, есть ли у меня возлюбленная.

Я отвечаю:

– No, I don't^[8].

Она понимающе кивает головой. Похоже, что она жалеет меня.

Лифт спустился и остановился в вестибюле. Я выхожу и сажусь на велосипед.

Я отъезжаю от отеля.

ПОЛЬ

По пути в магазин, где продается «вольво», я оказываюсь рядом с университетом.

Присаживаюсь на скамейку и смотрю, как мимо снуют студенты.

Распорядок моего дня действительно-таки изменился.

Но вызвать в себе чувство превосходства я не смог.

Когда-нибудь, когда для меня настанут лучшие времена, я зайду в администрацию и внесу предложение, чтобы всем поступающим в аспирантуру вместе с программой выдавали доску-колотилку. Договор между фирмой «Брио» и университетом принесет выгоду обеим участвующим сторонам. «Брио» получит хорошую рекламу, а университет приобретет поколение студентов с надежными тылами, способных видеть вещи в перспективе. В долгосрочном плане от этого выиграет нация в целом.

Я вхожу в здание и попадаю в студенческий компьютерный зал.

Мой пароль («вода») оказывается действительным, и я оказываюсь в Интернете.

Мне кажется, что значение Интернета сильно преувеличивают.

По большому счету он состоит из ненужной информации, без которой мне было бы легче жить.

И мне кажется, что многие ощущают примерно то же, что я: что они ужасно много знают, но непонятно, зачем им эти знания. И не очень ясно различают, что хорошо и что плохо.

Я сталкивался в Интернете с ужасающим количеством ненужной информации. Наверное, мне было спокойнее на душе, пока я не узнал, в каких организациях участвует Норвегия. Ненамного спокойнее, но все-таки лучше, чем сейчас. Разница вполне ощутимая.

Проверьте сами!

Норвегия участвует в следующих организациях: AfDB, AsDB, Australia GROUP, BIS, CBSS, CCC, CE, CERN, COCOM, CSCE, EBRD, ECE, EFTA, ESA, FAO, GATT, IADB, IAEA, IBRD, ICAO, ICC, ICFTU, IDA IEA, IFAD, IFC, ILO, IMF, IMO, INMARSAT, IN-TELSAT, INTERPROL, IOC, IOM, ISO, ITU, LORCS, MTCR, NACC, NAM (с правом совещательного голоса), NATO, NC, NEA, NIB, NSG, OECD, PCA, UN (OOH), UNAVEM II, UNCTAD, UNESCO, UNHCR, UNIDO, UNIFIL, UNIKOM, UNMOGIP,

UNOSOM, UNPROFOR, UNTSO, UPU, WHO, WIPO, WMO, ZC.

И впрямь ведь утомительно! Никто не убедит меня в том, будто бы полезно все это знать. Разве что на случай специальной рождественской викторины для служащих Министерства иностранных дел. Но больше ни для кого.

В каком-то смысле знание того, что Норвегия является членом «Australia Group», обкрадывает меня, вытесняя из головы мысли. У меня без того слишком много хлопот с необходимой информацией, чтобы забивать себе голову ненужными сведениями.

Но похоже, что многие из нас зачарованы тем, что где-то там, независимо от нас, существует эта информация. Там, где нас нет; она есть повсюду и в то же время не здесь, а где-то еще, где никто из нас не может очутиться физически.

Думать об этом, конечно, интересно. С этим я согласен. Но я не вижу в этом ничего такого уж завораживающего. И я буду рад, когда люди перестанут так считать.

Эта сеть имеет два положительных момента.

Первый положительный момент – это то, что в ней можно делать неожиданные находки, точно так же как это бывает с газетными статьями или с товарами в магазине, это меняет твой настрой, и день становится радостным.

Так, например, я обрадовался при встрече с одним студентом – психологом, который задавал следующие вопросы:

From a lego modelling perspective what is happiness? How would you describe the feelings that you experience through your involvement in lego modelling? In your opinion, is there a difference between these «happiness» feelings and pleasure? Does your involvement in lego modelling help you to attain long term happiness as well as short term happiness?^[9]

Второй положительный момент – это возможность легко устанавливать контакты с людьми в любой точке мира.

За этим я сегодня и пришел сюда.

Я попробую связаться с Полем.

Я хочу кое-что у него спросить.

В наше время с любым профессором можно связаться по электронной почте. Я уверен, что где-то там можно найти Поля.

Я набираю его фамилию, и на моем экране появляется его адрес для электронной почты. На это потребовалось всего несколько секунд.

Я его нашел.
Вот что я ему написал:

Prof. Paul Davies!

I am a young man and I don't feel so good. I have a good friend and a bad friend, and I have a brother who is less sympathetic than me. I don't have a girl-friend.

I used to be a student, but I quit. Most days I just sit in my brother's apartment and think and in the evenings I throw a ball against a wall and catch it when it comes back. And I have a toy that is a hammer and some plastic pegs that goes through a wooden plank, and I knock the pegs down and turn the plank around and knock them down again.

Sometimes I read in a book that you have written. It is the one about time. I don't think about the time that passes, and you seem to say that time doesn't exist and that makes me glad, but I do not feel certain that I understand you perfectly well.

You also say that the universe will collapse one day.

You say so many frightening things.

I would love to have the feeling that everything has a meaning and that it will be o. k. in the end.

Right now I haven't this feeling at all.

I would like to ask you twelve questions, and I will be immensely grateful if you answer.

Here are the questions:

1. Does time exist?
2. Does the size of the universe scare you?
3. Do you sometimes feel that everything you do is futile because the sun will be burnt out in five billion years?
4. Do you like to throw a ball against a wall and catch it again?
Do you do it often?
Would you do it more often if you had the time?
5. If Einstein was alive today, do you think he would be your friend?
6. How is it possible that the past, the present and the future all exist at the same time?
7. Do you sometimes wish you didn't know all the things you know, and were free to run on a beach, careless and ignorant of everything?

8. Do you think that the Big Bang was a coincidence?
9. I did not ask to be born. Neither did anyone else. The size and complexity of the universe makes me feel so small and free of responsibility. It makes me feel, that the only meaningful thing to do is to try and have a good time. Do you understand that feeling? Do you have it yourself?
10. Do you think that the human brain is capable of thinking an infinite number of thoughts?
11. Do you disapprove of television commercials that features animated food, for instance biscuits that dance and jump into the cheese?
12. Do you sometimes start to laugh because the numbers you are dealing with are so huge?

Thank you very much.[\[10\]](#)

Закончив писать, я нажимаю кнопку «отправить», и компьютер пересылает мое письмо прямым ходом в Австралию.

Будь я профессором, который столько знает о времени и о Вселенной, я бы на его месте подробно отвечал на все вопросы. Так и следует поступать профессору.

Надеюсь, что Поль похож на меня.

Надеюсь, что он ответит.

Мне очень нужно получить ответы.

Прежде чем садиться на велосипед и ехать дальше, я сделал ужасно нахальную вещь.

Я зашел в метеорологический институт и заявил секретарше, что пришел по поручению Кима за рулоном бумаги для факса. Секретарша хорошо знала, кто такой Ким, и не стала задавать мне неудобных вопросов. Она только спросила, как дела у Кима. Я сказал, что дела у него идут отлично.

Она дала мне рулон бумаги.

Так просто!

ДОЖДИК

И вот я наконец в магазине фирмы «Вольво».

Я уже сходил в банк, и в кармане у меня лежит почти что двести тысяч крон. Столько денег у меня никогда не бывало в руках.

Продавец узнал меня.

Я говорю ему, что, кажется, окончательно решил купить тот зеленый «вольво», но хотел бы сделать еще одну пробную поездку.

Продавец ответил, что ничего не имеет против, я могу делать столько пробных поездок, сколько мне угодно.

Но я сказал это с задней мыслью.

Я отправляюсь на «вольво» в тот самый магазинчик, где мы с Бёрре ели мороженое.

Записка, которую повесила Джессика, оказалась на месте, и я переписал себе номер телефона.

Затем я возвращаюсь в магазин фирмы «Вольво» и говорю, что машина отвечает всем моим требованиям, так что я ее покупаю.

Продавец вынимает кучу бумаг и, роясь в формулярах, спрашивает, как я намерен произвести оплату. Он просит показать гарантийное письмо от моего банка и т. п.

Я отвечаю, что хотел бы расплатиться наличными, и начинаю выгребать из кармана тысячные купюры.

Продавец даже бровью не повел, как будто в этом нет ничего особенного. Он приглашает меня пройти из салона в кабинет, и мы заполняем какие-то другие формуляры. Я спрашиваю, как насчет регистрации: мой брат хочет, чтобы все формальности были улажены к его приезду. Продавец созванивается с приятелем из автоинспекции. Они немного поболтали и договорились о том, что с регистрацией все будет улажено прямо сегодня.

По знакомству.

Я высказываюсь по поводу довольного выражения у продавца и спрашиваю, не потому ли он обрадовался, что я расплатился наличными. Он отвечает «да». Он вообще считает, что о настоящей покупке можно говорить только тогда, когда покупатель платит наличными. Он считает, что всякие там кредитные карточки и системы рассрочки с выплатой по частям

привели к отчуждению истинного события покупки товара. Настоящая покупка – это когда деньги переходят из рук в руки. Я не разделяю его мнения, но мне приятно видеть его радость.

Продавец говорит, что я могу с тем же испытательным номером ехать в автоинспекцию. Там меня встретит его приятель и уладит все, что требуется.

Перед тем как уехать, я спрашиваю продавца, не знает ли он, в какой пустыне снималась реклама «Вольво».

Нет, он не знает.

Наверное, в Сахаре.

И вот новый «вольво» припаркован на улице перед домом, в котором находится квартира моего брата.

Я переслал брату по факсу брошюру о его машине, а также квитанции.

Теперь мой брат – владелец автомобиля.

А я сижу и смотрю на телефон Джессики.

22 47 45 64.

По этому же телефону можно позвонить Лизе.

Я хочу позвонить Лизе и предложить ей встретиться.

Я даже вспотел.

Но чувствую, что надо позвонить. Пора мне что-то предпринять. Пришло время, когда я должен предпринять какое-то действие.

Сколько можно сидеть взаперти и стучать по доске! Всему есть какой-то предел!

Удивительно обстоит дело с девушками.

Без них невозможно.

Они такие тонкие.

Они повсюду, куда ни посмотришь.

И всегда у них такой вид, словно их ничего не касается.

Мне нравятся их голоса. И нравится, как они улыбаются и смеются.

И их походка.

Иной раз мне кажется, как будто они знают что-то такое, чего не знаю я.

Но они такие тонкие.

И к ним трудно найти подход.

Я не перестаю поражаться, отчего самых милых девушек привлекают самые неприятные ребята.

Единственный шанс для меня – это вести себя как ни в чем не бывало.

Когда я был моложе, во всех молодежных программах на радио и телевидении только и твердили о том, как важно быть самим собой. В некоторых, правда, говорилось о том, что нужно найти свое место. Но все остальные учили, как надо быть самим собой.

Только теперь я начинаю понимать, что это значит.

Не знаю, поняла ли это Лиза.

Однако в данном случае попытка стоит того, чтобы ее предпринять.

Вероятнее всего, конечно, у Лизы уже есть возлюбленный. Спрашивается, почему бы ему не быть у Лизы?

Она и хорошенькая, и симпатичная, и уже начинающий фотограф. Наверняка у нее есть возлюбленный. И тут я все-таки ей звоню.

Трубку взял отец. Я представился и, как полагается, благодарю за предыдущую встречу. Он спрашивает, как обстоят дела насчет «вольво».

Я прошу, если можно, позвать Лизу.

Он говорит мне, что Лиза тут не живет. В тот раз, когда мы с Бёрре к ним приезжали, она случайно их навестила. Лиза живет в центре. У нее есть свой телефон.

Я записываю номер.

22 60 57... и ее отец повторяет последние две цифры: 31.

Я начинаю расхаживать по комнате. Стараюсь глубоко дышать.

Какое адское мучение!

Сначала надо немного постучать по доске. Постучав, набираю номер.

Несколько гудков, затем она берет трубку.

И вот я разговариваю с Лизой.

Окончив разговор, лежу на диване и улыбаюсь.

У меня точно такое чувство, как будто кончился дождь. Как будто дождь лил и лил и вот вдруг кончился. И все так пахнет, а деревья так и играют всеми оттенками зелени.

Удивительное это дело с девушками!

Сначала их нет, и все вокруг тоскливо. И вдруг, откуда ни возьмись, они тут как тут, и все сразу веселеет. Причем с невероятной быстротой. Прошло всего-навсего несколько секунд, и вот уже все повеселело.

Через час я встречаюсь с Лизой.

Я очень нервничаю.

Пойду-ка приму душ.

ПОЦЕЛУЙ

Новый день.
Вот я проснулся.
Проспал я долго.
У Лизы нет возлюбленного.
Я пью воду из стакана и думаю об этом.

Она обрадовалась моему звонку.
Мы пошли в кафе.
Сперва пили колу, потом взяли пива.
Мы переговорили о многих вещах.

Я разглядел, что Лиза немного похожа на TV Аланис, которая сидела на переднем сиденье в красном свитере. Но я сказал, что Лиза еще красивее. Мне показалось, что она умеет слушать. Она не возражает, когда я говорю, что она похожа на Аланис, но охотно соглашается, чтобы я считал ее еще красивее.

Комплимент оказался на редкость удачным.

У Лизы приятный голос. Я готов слушать и слушать, только бы она говорила. А еще у нее узенькая щербинка между передними зубами, а волосы не длинные и не короткие.

Она рассказала мне, что любит делать.

Она любит купаться и гулять в лесу. Она любит фрукты и еще любит фотографировать людей, которые не замечают, что их фотографируют.

Она думала, что Бёрре мой сын. Понятно, что она должна была так подумать.

Я объяснил, что у меня еще нет сына. И нет дочки. Нет даже возлюбленной.

Я сказал, что мне не нравится притворяться и говорить о вещах не то, что есть. Я сказал, что мне не хотелось бы, чтобы мы с ней кивали друг другу и говорили о литературе – дескать, вот то-то и то-то очень интересно, или про кино – вот, мол, очень значительный фильм.

Я сказал:

– Об этом мы еще успеем поговорить.

Я рассказал ей все как есть.

Я решил, что если она примет меня за идиота, то пускай это случится сейчас – сразу и окончательно.

Но она не приняла меня за идиота. Я в этом совершенно уверен.
Она спросила, всегда ли я бываю таким прямолинейным, и я сказал, что впервые в жизни.
Еще она спросила, не дошел ли я до отчаяния.
Я сказал, что нет. Я сказал, что решил раз и навсегда навести порядок в своем душевном хозяйстве.
Затем я рассказал про мяч, про доску и Поля.
Тогда для нее стало проясняться то, о чем я толкую.
У нее в детстве тоже была доска-колотилка, но она уже не помнит, была ли это доска фирмы «Брио».
Я уговорил ее составить список. На салфетке.

Вот что вызывало у Лизы восторг, когда она была маленькой:

- устраивать кукольные уголки в коробке под кроватью,
- Карлсон на крыше (его домик, который я строила под столом),
- строить шалаши,
- играть в выживших после катастрофы,
- конторы, чтобы был порядок в бумагах,
- магазин,
- наблюдать,
- носиться на велосипеде,
- собирать бутылочные пробки,
- черника,
- наряжаться (принцессой),
- золотые туфельки,
- брильянты из пластика,
- мелкие вещицы,
- ароматные салфетки,
- мамина косметика,
- строить города из наборов «Лего» и из песка.

Когда кафе закрылось, мы отправились пешком через парк. Я зашел к ней домой, и мы пили чай. Она показала мне свой фотоаппарат. И несколько снимков. Большие цветные фотографии. Перед уходом она меня обняла. Сейчас, задним числом, мне кажется, что это был почти что поцелуй.

Вероятно, она меня просто обняла.
Но, может быть, это был скорее поцелуй.

ТРЕВОГА

Сегодня мне пришло три факса.

Два первых не принесли с собой никаких проблем, зато третий меня тревожит. Если не остеречься, я, того и гляди, могу провалиться в яму, из которой едва начал выкарабкиваться.

Первый факс был от Кима.

Ким видел барсука. И он хочет мне это сообщить. Он нарисовал барсука и написал, что барсук оказался чем-то средним между крупной кошкой и маленькой собачкой. На остров к Киму наведалься его научный руководитель. Вечером они поздно засиделись на дворе, пили вино, и вот она – научная руководительница – первая заметила барсука. Но Ким тоже его разглядел. Похоже, Ким гордится тем, что повидал еще одно животное. Я рад за Кима.

Второй факс тоже от Кима.

Ким составил список того, что его радует. Не помню, посылал ли я ему свой список. Возможно, он составил этот перечень по собственному почину. И это лучше всего.

Вот что радует Кима:

- вода,
- небоскребы,
- нечаянно встретить на улице девушку, в которую я в это время влюблен, и оказывается, что у нее нет никаких срочных дел и у меня тоже,
- плавать,
- кататься на велосипеде,
- фри-джаз,
- весна,
- когда вдруг позвонит девушка, в которую я как раз влюблен,
- утро,
- некоторые книжки,
- шоколад,
- темный шоколад, можно с орешками, с миндалем,
- коньяк,
- документальные фильмы пятидесятых-шестидесятых годов, снятые ручной камерой на крупнозернистой черно-белой пленке,

- летать/путешествовать,
- когда все оказывается так, как я и думал, если представлял себе что-то хорошее,
- если происходит что-то хорошее, о чем я не мечтал и даже не мог себе вообразить в самых дерзких мечтах,
- увидеть барсука,
- получать факсы,
- получать много факсов,
- друзья,
- работа,
- облака (иногда),
- кошки,
- получать то, чего давно хотел,
- принимать душ,
- прыгать,
- бегать,
- петь,
- есть,
- спать.

Роскошный и длинный список. Я даже немного позавидовал Киму.
У Кима жизненная хватка лучше, чем у меня.
Но я карабкаюсь. И в один прекрасный день приду к цели.

А третий факс оказался для меня очень тревожным.
Он от моего брата.

Брат благодарит меня за покупку «вольво». И хочет отплатить мне тоже чем-то приятным. Ты – мне, я – тебе. Но его предложение меня сильно встревожило.

Он предлагает мне съездить за его счет в Нью-Йорк. На неделю.

Сам он уже в Нью-Йорке и говорит, что друзья уступили ему свою квартиру. Мы можем в ней пожить. На Манхэттене.

Мне очень хочется замять этот факс, чтобы не принимать никакого решения.

Я беру мяч и отправляюсь во двор.

И принимаюсь кидать мяч об стенку.

ПЕРСПЕКТИВЫ

Я собирался использовать оставшиеся до возвращения моего брата две-три недели иначе. Я хотел провести их спокойно, позаколачивать колышки и окончательно разобраться в своем состоянии. Укрепить первые признаки уверенности, которые мне вопреки всему удалось в себе взрастить.

А тут вдруг пришел этот факс нарушил мне все планы.

Я уже было начал понемногу успокаиваться. У меня появилось какое-то спокойствие.

Теперь об этом можно только мечтать.

Нью-Йорк.

Звучит тревожно.

Такая неожиданность сбивает с толку.

А именно сейчас я так боюсь снова сбиться.

Нью-Йорк кажется мне слишком огромным городом.

Есть много причин, почему мне лучше не ехать.

Одна из них – это Лиза.

Мы должны встретиться с ней сегодня ближе к вечеру. А может быть, и в последующие дни. Я не знаю, каков этот город Нью-Йорк, но мне трудно вообразить себе, чтобы Нью-Йорк был лучше, чем Лиза.

Кроме того, мне кажется, что я за что-то ухватился в жизни.

Если я сейчас поеду, то рискую упустить найденное.

Зачем запутывать себя еще чем-то новым, когда хватает старого.

Потом – я ведь жду ответа от Поля. Он наверняка должен скоро ответить. Его ответ разъяснит мне многое.

Мне гораздо важнее узнать эти вещи, чем съездить в Нью-Йорк.

Через несколько минут позвонит мой брат.

Я жду звонка, и мне не по себе.

Надо отказаться.

И вот он позвонил.

Он настаивает, чтобы я приехал в Нью-Йорк. Я не ожидал, что он будет настаивать. Я не привык, чтобы брат меня так настойчиво уговаривал.

Брат говорит, что мы очень хорошо проведем время. По его словам,

многое говорит за то, что мне будет полезно немного расшевелиться. Побывать за границей.

Я отвечаю, что сейчас это очень некстати.

Я отказываюсь, но брат говорит, что не принимает отказа.

Он говорит мне, чтобы я на этот раз в виде исключения отбросил все мысли и просто купил бы билет и сел в самолет.

Брат говорит, что в придачу к оплаченному путешествию он даст мне денег на карманные расходы. И это, надо признать, очень щедрое предложение.

Но там будет столько народу вокруг, столько шума! Я разнервничался.

Я говорю, что, может быть, будет лучше, если он подарит мне что-то другое. Например, часы. Фирмы «Ролекс». Мне бы очень хотелось иметь часы.

– Ни за что на свете! – отвечает брат.

– «Ролекс» стоит пятьдесят тысяч, – говорит брат.

И даже если бы «ролекс» стоил всего одну тысячу, брат все равно никогда бы на это не согласился. Потому что он хочет дать мне возможность переменить обстановку.

– В путешествиях находишь неожиданные вещи, – говорит брат.

– Какие, например? – спрашиваю я.

– Например, перспективу, – отвечает брат.

И он говорит мне, что не надо бояться. Ведь там будет он. Мой родной брат. Он присмотрит за мной.

– Перспектива? – повторяю я за ним.

РУКА

На Лизе красный свитер.

Мы с ней сидим на траве, пьем минеральную воду и закусываем французским батоном с куриным салатом. Погода почти солнечная.

Я говорю, как удивительны новые встречи. Словно ты попал на новую планету.

Я говорю, что в мечтах поразительно быстро переживаю новый роман. Это происходит как-то само собой. Не успею оглянуться – и вот уже переживаю все точно наяву. Я воображаю ее во всевозможных ситуациях, воображаю себе дом, где мы могли бы жить, и места, куда отправились бы в отпуск. И это даже ни разу с ней не поговорив. Достаточно мимоходом встретиться глазами с идущей по улице девушкой.

Лиза спрашивает меня, были ли у меня такие мысли в связи с нашими отношениями.

Сначала я не решался и сказал, что нет, но было так заметно, что это не правда, что я кончил тем, что сказал «да».

Лиза улыбается и говорит мне, что ей казалось, будто у меня нет таких планов.

Я сказал, что планы и мечты – это разные вещи.

На мой вопрос, не обижается ли она на меня за это, Лиза качает головой и обнимает меня.

Я рассказываю ей о том, что брат приглашает меня в Нью-Йорк.

Лиза в восторге. Она считает, что мне надо ехать.

Я говорю, что и сам уже подумываю о том, что надо бы поменьше сидеть взаперти и почаще выходить и встречаться с людьми, но это предложение застало меня врасплох.

Она говорит, что, если я поеду, возможны два варианта и от меня зависит, какой из них выбрать.

Первый – это отбросить все свои комплексы и принимать все как есть. То есть вести себя как ребенок. Второй – это соблюдать известную дистанцию, внимательно присматриваться к мелочам и постараться найти во всем знакомые черты. Сортировать впечатления и сравнивать.

В первом случае масса впечатлений может ошеломить. Во втором, воспринимая вещи созерцательно, можно вынести ряд тонких наблюдений и получить большое удовольствие.

Так считает Лиза.

Но она считает, что даже ошеломляющее впечатление имеет свои хорошие стороны.

Я спрашиваю ее:

– В каком смысле?

Она говорит, что со временем это даст возможность увидеть вещи в должной перспективе.

– В перспективе? – повторяю я.

И тут Лиза касается моей руки и снова говорит, что, как ей кажется, мне надо поехать. Мне приятно, когда она касается моей руки. И похоже, я готов согласиться на поездку только ради того, чтобы доказать ей, как я ценю ее прикосновение.

Лиза говорит, что мне ведь никто не мешает снова заколачивать колышки и кидать мяч, когда я вернусь. И говорит, чтобы я не лишал себя такой возможности выбраться в другую страну. Может быть, после этой поездки все покажется мне в другом свете.

И когда я слышу ее голос, мне кажется правильным все, что она говорит.

ФОРМА

Мой брат звонит и опять настаивает.

Он говорит: «Солнце». Говорит: «Сентрал Парк». Говорит о вкусных кушаньях и напитках. Говорит: «Эмпайр Стейт Билдинг».

– Достопримечательности, – фыркаю я презрительно. – Какого черта мне достопримечательности?

Мой брат говорит, что главное даже не сам город, а то, что мы побудем вместе.

– Братьям надо иногда побыть вместе, приятно провести время, – говорит он по телефону.

Такой подход мне понравился. Но Нью-Йорк, наверное, слишком велик для меня.

– Не слишком ли велик Нью-Йорк?

Брат отвечает, что он действительно довольно-таки большой.

Я спрашиваю, не ошеломлен ли он массой впечатлений.

Брат говорит, что нет.

Я спрашиваю, чувствовал ли он себя когда-нибудь ошеломленным и не боится ли он такой возможности.

Он снова говорит, что нет.

Я спрашиваю, не лучше ли нам проехаться по Америке на машине.

– Нет.

Я спрашиваю, нельзя ли мне взять с собой Лизу.

Он спрашивает, кто такая Лиза. Я объясняю.

Он говорит «нет».

Я спрашиваю, не подарит ли он мне «ролекс».

– Нет.

Затем я спрашиваю брата, во что он верит.

– Повтори, что ты сказал, – говорит брат.

– Во что ты веришь? – спрашиваю я.

– Это в каком смысле? – спрашивает он.

– Как «в каком смысле»? Я спрашиваю тебя, во что ты веришь, – говорю я.

– По жизни? – спрашивает он.

– Ну да, – отвечаю я.

– Ты не придуриваешься? – спрашивает он.

– Нет, – говорю я. Он задумывается.

– Я верю в рыночные силы, – произносит он наконец.
– В свободный рынок? – спрашиваю я.
– Да.
– Разве в это стоит верить? – возражаю я. – Наверное, это чушь собачья. Кому нужны твои рыночные силы!
Брат отвечает, что никакая это не чушь собачья.
– Что нет – то нет.
– Ну а еще во что ты веришь?
Он верит в дружбу. Ладно.
Он верит в любовь.
– Это правда? – спрашиваю я.
– Что «правда»? – спрашивает мой брат.
– Что ты веришь в любовь, – говорю я.
– Ну конечно правда! Я говорю ему, что этого я от него не ожидал.
– Так это что-нибудь меняет для тебя? – спрашивает он.
Я говорю, что да.
Я спрашиваю брата, чего в Нью-Йорке больше – содержания или формы.
– Формы, – отвечает брат. А содержание я должен внести в нее сам.
Я спрашиваю его, почему он считает, что поездка в Нью-Йорк пойдет мне на пользу.
Он отвечает:
– Новые места, новые мысли, перспектива.
– Ты уверен насчет перспективы? – спрашиваю я.
– На все сто. Секунда молчания.
Брат спрашивает, удалось ли ему меня уговорить.
– Да, – отвечаю я ему. – Ты меня уговорил.
– Хорошего тебе перелета, – говорит брат.
– Спасибо тебе, – говорю я в ответ.

РЕНТГЕН

Я полечу в Америку.

Я согласился на это.

Я долго гляжу на доску-колотилку.

Взять ее с собой, наверное, означает проявить трусость.

Вряд ли Нью-Йорк самое подходящее место для того, чтобы стучать по колышкам.

Наверное, у Нью-Йоркцев принято как-то иначе давать выход своим эмоциям.

Стоит ли там стучать по доске и изображать из себя круглого дурака!

Но с другой стороны, я ведь не собираюсь изображать из себя умника, которому все будто бы нипочем. Это лучший способ сесть в лужу.

Я пробую доску на вес.

Она почти ничего не весит.

Я же не обязан ее использовать. Зато если она будет лежать у меня в рюкзаке, это придаст мне больше уверенности. Достаточно знать, что она там. А если мне вдруг приспичит поколотить, она будет у меня под рукой.

Можно, конечно, отправиться и без доски, а там, если будет позарез нужно, купить новую. Но это все же рискованно.

Я ведь не знаю, какие позиции у фирмы «Брио» в Америке. Может быть, там вообще нет досок-колотилок. И тогда я рискую, что нечем будет притушить нахлынувшие эмоции.

Кого, спрашивается, я обманываю, оставляя доску дома? Никого, кроме себя самого!

Доска поедет со мной.

Если город, действительно, так огромен, как я себе представляю, то мне наверняка потребуется дать выход лишним эмоциям.

А кроме того, как здорово она будет выглядеть под рентгеновскими лучами в аэропорту! Возьму доску на радость таможенникам.

Я собираю вещи.

Трусы. Носки. Майки. Зубная щетка. Шорты. Фотоаппарат.

Доска-колотилка.

СМЫСЛ

Осталось еще немного времени до отправления автобуса в аэропорт.

Мы с Лизой лежим на траве в Дворцовом парке.

Мы едим блины, которые напекла Лиза.

Я спрашиваю у Лизы, как она думает – будет ли все в конце концов хорошо.

Она спрашивает, какой смысл я вкладываю, когда говорю «в конце концов».

– Если иметь в виду конец в прямом смысле, тогда, конечно, вряд ли все будет хорошо. А вообще это, конечно, вопрос веры, – говорит Лиза. – Верят ведь некоторые, что проживут несколько жизней или что попадут после смерти в какое-то замечательное место. Если же это в том смысле, что со временем, потом, мало-помалу все утрясется, тогда можно сказать, что, вполне вероятно, так и будет.

Разумеется, все зависит еще и от того, что я подразумеваю под словом «хорошо».

Лиза спрашивает меня, что я имею в виду.

Я говорю, что сам не знаю. Я говорю, что, по-видимому, я хочу знать, устроится ли все мало-помалу.

Мне не так уж много и надо. Но я хочу, чтобы мне было хорошо. Я хочу простой и доброй жизни, в которой будет много хороших часов и много радости.

Лиза считает, что это для меня вполне достижимо.

Я говорю, что как-то не могу ничему толком радоваться, пока чувствую, что бытие лишено смысла.

– Слушай, может быть, лучше поменьше думать о смысле? – предлагает Лиза.

– Нет, я так не могу.

– Ну а как тогда быть с дружбой? – спрашивает Лиза. – Для нас с тобой дружба, например, не имеет смысла.

– Верно, – соглашаюсь я.

– Ну вот видишь! – говорит Лиза.

Подъезжает мой автобус. Я фотографирую Лизу ее поляроидом.

Я спрашиваю, будет ли она меня ждать.

Она смеется и целует меня и говорит, чтобы я писал ей открытки.

Я спрашиваю, не надоест ли ей, если я буду присылать по открытке каждый день. Она говорит, что нет. Но просит, чтобы я писал открытки, когда буду в каком-нибудь замечательном месте. Лучше всего – на крышах небоскребов.

Я машу Лизе из окошка в конце автобуса.

И ровно в ту секунду, когда она исчезает из виду, ее лицо начинает проступать на снимке.

Так что я продолжаю ее видеть.

МАНИФЕСТ

Из аэропорта я звоню родителям и сообщаю им, что лечу в путешествие. Услышав, что я собрался в Америку, мама говорит только: «Как интересно!»

– Счастливого пути! – желает она мне на прощание.

Для папы этого мало. Он говорит, что если я согласен подождать часок, то он напишет манифест, чтобы я распространил его затем на улицах Нью-Йорка.

В этом манифесте он хочет высказаться против всего того, что символизирует собой Америка: против ее глупости, против увлечения несбыточными мечтами, против ее внешней политики и культурного империализма. Он напишет всего одну страничку формата А4. Папа подозревает, что большинство американцев не имеет никакого понятия о том, как воспринимают Америку многие европейские интеллигенты.

Папа хочет написать манифест, который заставит их призадуматься. Пускай это будет им наука.

Я говорю, что мой самолет улетает через пятнадцать минут.

Так что придется отложить манифест до следующего раза.

И вот я сижу в самолете.

Я лечу в дальние края.

Мне показывают фильм настолько скверный, что мне неловко за всех участников, и я думаю о том служащем компании, которому поручено отбирать фильмы для показа.

Интересно, случайно ли он сделал неудачный выбор, или он просто глуп, и есть ли у него возлюбленная.

Слева от меня возле окна сидит немка, она все время подсовывает мне коробочки с соком, который ей самой не хочется пить.

Я выпил уже столько коробочек, что в следующий раз, если она предложит мне еще, я обязательно откажусь.

Я снова читаю книгу Поля.

После того как я написал ему письмо, она стала мне больше нравиться.

У меня такое чувство, как будто между нами установились близкие отношения. Как будто мы хорошо знаем друг друга.

Мы с Полем.

Можем быть, в эту самую минуту он занят тем, что пишет мне ответ.

Может быть, он говорит мне, чтобы я не беспокоился и все будет хорошо.

Он пишет, что Земля окружена безвоздушным пространством.

Она вращается вокруг своей оси. Она движется по орбите. С огромной скоростью. Наблюдая за Солнцем, мы можем рассчитать скорость вращения Земли. Кто-то когда-то постановил, что в полдень наступает двенадцать часов дня. Это относится к любой точке земли. Поэтому во многих местах часы показывают иное время, чем в Норвегии.

Земля разделена на двадцать четыре часовых пояса. И мы условились считать время в пределах каждой зоны одинаковым. Иначе, отъехав на десять миль к востоку, нам уже пришлось бы переводить часы на четыре минуты вперед.

Это значит, что часы в загородном домике моих родителей всегда шли бы на четыре минуты вперед по сравнению с часами на городской квартире.

Чтение этой главы открыло мне глаза на то, что время в Нью-Йорке

отличается от норвежского времени.

В Нью-Йорке должно быть на шесть часов меньше.

В каком-то смысле при переезде в Нью-Йорк я выигрываю шесть часов. Эта мысль вызывает чувство удовлетворения. Постараюсь употребить эти часы на что-нибудь приятное.

С другой стороны, находясь на высоте десяти тысяч метров, я теряю приблизительно три миллиардных секунды в час. Перелет занимает восемь часов. Значит, я потеряю двадцать четыре миллиардных доли секунды. Сущий пустяк.

Я говорю себе, что такой малостью можно пренебречь.

Моя немецкая соседка предлагает мне коробочку сока.

Я вежливо отказываюсь и для убедительности слегка похлопываю себя по животу, показывая, что не испытываю ни голода, ни жажды.

Она ставит коробочку с соком на пол и надевает маску, которая закрывает глаза от света. Она собирается поспать.

Я встаю и направляюсь в уборную. В очереди передо мной стоит итальянец. Я еще раньше обратил на него внимание. Он летит с двумя товарищами. Все трое в костюмах и все время снуют взад и вперед.

Глядя на них, я чувствую, что тут что-то неладно. От этих людей не приходится ждать ничего хорошего.

Я не боюсь летать на самолетах, по крайней мере техническая сторона не вызывает у меня беспокойства. Но вот людей я побаиваюсь. Никогда не знаешь, что они могут выкинуть.

А в этих итальянцах определенно есть что-то подозрительное. У меня возникло опасение, что они задумали угон самолета. От улыбочек, которыми они обмениваются, мне как-то не по себе. Кажется, будто эти трое скрывают какую-то нехорошую тайну. Я знаю, что существует такая взрывчатка, которую нельзя обнаружить металлоискателем. Откуда мне знать – вдруг у них полные карманы этой взрывчатки! И наверняка они собираются предъявить какое-нибудь невыполнимое требование.

Я уже бесповоротно убежден, что если они в доказательство серьезности своих намерений захотят прикончить кого-то из пассажиров, то выберут в жертву именно меня.

Как же иначе!

Возьмут и вышвырнут меня из самолета прямо над Атлантическим океаном.

Мне хочется попросить стюардессу, чтобы она спела мне песенку, но

не решаюсь и ограничиваюсь тем, что прошу ее принести мне порцию джина с тоником.

Дальше Поль пишет, что Земля представляет собой атипичный объект во Вселенной. Большинство других объектов находятся в полном вакууме или окружены газовой оболочкой. И температурные условия на них совершенно немыслимые. Немного найдется таких объектов, где мы могли бы выжить.

Еще он пишет, что и времена в большинстве случаев оказались бы неподходящими для нас. Тут следует очень сложная цепочка рассуждений, и я пытаюсь вникнуть в нее.

Приблизительно десять процентов из всех когда-либо населявших землю людей живут в наше время. Это известно.

Если предположить, что существование человечества продлится еще тысячи или миллионы лет, это будет означать, что мы представляем собой исключительное явление, поскольку живем в самом начале, а те, что будут жить после нас, будут более типичными его представителями, поскольку в их эпоху существование человека будет более обычным явлением, чем это было в наше время.

Однако у нас нет никаких оснований считать себя исключительным явлением. Но если мы представляем собой типичный случай, то после нас мало кому достанется жить и, следовательно, близок конец существования человека.

Поль предлагает мне проделать увлекательный мысленный эксперимент, над которым мне, однако, приходится изрядно попотеть. Он предлагает мне вообразить себе две урны с листочками, на которых написаны имена. В одной урне лежит десять листков, в другой – тысяча. На одном, и только одном листке написано мое имя. В которой из двух урн я полагаю наиболее вероятным найти листок с моим именем? Узнать это наверняка невозможно. Можно только гадать, но если основываться на вероятности, то у нас в пятьдесят раз больше шансов найти ее в урне, где лежит тысяча имен, чем в той, где их только десять, – так пишет Поль.

Но вот мы начинаем вынимать листки, и на третьем листке из первой урны, в которой было всего десять именных листков, обнаруживается мое имя.

То, что мое имя попало в самом начале, гораздо вероятнее в том случае, если оно лежало в урне с десятью листками, чем если бы оно находилось в урне с тысячей листков.

Если перенести все это на людей, которым когда-либо предстоит жить

на земле, то, по расчетам Поля, вероятность того, что общая численность должна быть ограниченной и что конец недалек, составляет шестьдесят-семьдесят процентов.

Хотя Поль и делает оговорку, что эти предположения носят умозрительный характер, однако меня охватывает неодолимое желание постучать по доске.

Моя доска-колотилка находится надо мной на багажной полке. Она совсем рядом, но вокруг все пассажиры, кажется, спят. Я не решаюсь ее достать.

Итальянцы тоже спят. Или притворяются.

Между тем дело становится еще хуже. Поль привлекает аргументы биологического порядка. Это становится уже едва переносимым.

Он говорит, что люди существуют, потому что на протяжении исторического развития возникало неизвестное число маловероятных случайностей. Чем больше число маловероятных случайностей, тем ближе конец. Если это число равно одному или двум, то время существования человечества по своей продолжительности точно совпадает со временем существования Солнца. Но если, как полагает большинство биологов, это число на самом деле выше, то продолжительность нашего существования должна быть значительно короче.

Мы можем составить формулу, основанную на теории вероятности, и вычислить предполагаемую продолжительность существования человечества.

Если в эволюции, которая привела к появлению нынешнего *homo sapiens*, участвует n маловероятных случайностей, а общая продолжительность существования нашего солнца составляет восемь миллиардов лет, то эту цифру нужно поделить на $n + 1$. Если n равняется миллиону, то гибели человечества следует ожидать через восемь тысяч лет.

Надеюсь, что брат встретит меня в аэропорту, когда мы приземлимся. Мне что-то не хочется оставаться одному.

ГОРОД

Мне всюду мерещится «Эмпайр Стейт Билдинг».
Весь день он мне мерещится, что бы я ни увидел.
Но брат говорит, что мы его еще не видели.
И опять я принял за «Эмпайр Стейт Билдинг» какое-то другое здание.

Вот он – Нью-Йорк. Я предаюсь во власть впечатлений.

Побывать здесь удивительно! Сколько себя помню, я всегда слышал об этом городе и даже видел его в кино. Сейчас я впервые убедился, что он существует на самом деле. Сюда приезжали отовсюду. Приезжали люди из скандинавских стран. От бедности. Со своими мечтами. Тут можно поймать удачу. Любой может тут поймать удачу. До сих пор. Может быть, и я поймаю здесь удачу. Заработаю много денег.

Похоже, что американцы руководствуются в жизни простой теорией, которая сводится к тому, что два лучше, чем один, а три лучше, чем два, и т.д. Так, например, они считают, что иметь двести долларов лучше, чем сто.

Умилительная теория!

Вот мне опять показалось, что я вижу «Эмпайр Стейт Билдинг».

Брат отрицательно качает головой.

Ходя по улицам Нью-Йорка, я получаю невероятное множество впечатлений.

Сколько впечатлений я способен переварить за один день?

Импульсы от всех органов чувств уже выстраиваются в очередь. И некоторые так и не доходят до места назначения. Мозг не поспевает перерабатывать сигналы от глаз. Или от ушей. Или от носа. Однако отдельные впечатления я определенно выделяю среди прочих как более важные. Сам не знаю, каким образом я их сортирую, однако сортировка происходит.

Я решил записывать только существенное. Сухой осадок. То, что я вспомню вечером перед сном.

Мне кажется, что меня больше занимают очень крупные и очень мелкие вещи, чем то, что находится посередине.

Это выясняется уже после первых часов пребывания в Нью-Йорке.

Большей частью здесь сталкиваешься с громадными вещами.

Взять хотя бы дома. Небоскребы. Они тут стоят повсюду.

Крупные дома, что и говорить! У меня закрадывается подозрение, что тут замешаны соображения престижа. Наверное, сначала кто-то построил очень большой дом, затем его товарищ построил дом еще выше. И тут все остальные решили, что надо, черт возьми, строить дома, причем высокие. Неважно, что там будет внутри этих домов, главное – чтобы они были высокими. Чертовски высокими.

По-видимому, из теории, которая гласит, что два лучше, чем один, как следствие вытекает, что большое лучше, чем маленькое, а высокое лучше, чем низкое.

Идея, в общем, привлекательная и ведущая к успеху.

Снаружи никогда не догадаешься, что скрывается в том или ином доме. Там может оказаться все, что угодно. Да так, наверное, и есть. Сегодня мне несколько раз показалось, что эти дома вообще ни для чего не используются. Что они стоят просто так.

Мой брат читает мне то, что написано в путеводителе. Там сказано, что в этом районе расположен миллион контор. Он говорит мне, что в тех домах, которые мне показались никем не используемыми, находятся конторы.

Я отвечаю, что этого нельзя знать наверняка.

Легковые автомобили здесь большие.

Грузовики – гигантские. У них такой вид, словно они специально сделаны для того, чтобы давить людей.

Среди людей тоже много больших. Много толстяков. Их кроссовки стоптаны набок, оттого что под тяжестью избыточного веса у них стерлись и истончились подметки.

Вот замеченные мною большие, длинные и высокие вещи:

- дома,
- легковые машины,
- грузовики,
- толстяки,
- порции пиццы,
- улицы,
- рыбины, выставленные перед рыбным магазином,
- плоды авокадо,
- световая реклама,
- парк,
- часть собак,

- кружки, из которых мой брат пьет в кафе кофе,
- часть магазинов,
- почтовые ящики.

Вот что мне показалось маленьким:

- места для парковки,
- часть собак,
- часть бананов,
- шоколадки,
- пластиковая ложечка, которую мне дали в придачу к стаканчику с мороженым.

Я устал, но спать не хочется.

Я трачу шесть часов, которые сэкономил, на прогулки по городу вместе с братом. Это потрясающе! Я чувствую дикую усталость, но зато все время что-то происходит. Ощущение как при высокой температуре.

Искаженное восприятие звуков.

Мы с братом поспорили, получился нелегкий разговор.

Сначала все шло хорошо. Он встретил меня на летном поле, и мы обнялись.

Мы отвезли мой багаж на квартиру и поболтали.

Брат стал допытываться, как я себя чувствую.

Я рассказал ему про свои мысли и тревоги и про свои маленькие развлечения.

Он одобрил только одно – Лизу.

Все остальное, на его взгляд, это сплошная ерунда. Он заявил, что и слушать не желает про часовые пояса, тысячные доли секунды и световые года. А также про Вселенную.

«Думай, дескать, о чем тебе угодно, но держи это при себе!»

На мой взгляд, это очень сурово.

Он говорит, что так и подозревал, что я ношусь с подобными мыслями. Он потому и позвал меня в Нью-Йорк, чтобы отвлечь меня от этих мыслей.

– Будем развлекаться, – говорит брат.

Я несколько не сомневаюсь, что он делает все с самыми лучшими намерениями, но все-таки мне кажется, что он заходит уж слишком далеко.

Так, например, про доску-колотилку он и слышать не хочет.

Никаких разговоров.

Он говорит, что сломает ее, если застанет меня за этим занятием.

Придется стучать тайком. Это унижительно. Ведь, как-никак, я все же взрослый человек. Не годится взрослому человеку стучать тайком. Я пытаюсь по-взрослому справляться со своими проблемами, а брат хочет мне помешать!

Я думаю, что у него у самого есть проблемы со временем, он просто их еще не осознал. Однажды он тоже упрется в стену. И я позволю ему стучать по доске сколько его душе угодно. Тогда ему станет стыдно, что он не давал мне делать то, что мне было нужно.

Я опять вообразил, что вижу «Эмпайр Стейт Билдинг».

СОБАКА

Мы живем в таком доме, где есть привратник и лифтер.

И квартира очень симпатичная.

Но тут есть собака.

Собака живет в квартире.

За ней должен прийти какой-то Дэвид. Дэвид должен был прийти еще вчера.

Я ничего не смыслю в собаках. А мой брат боится собак.

Нам страшно мешает собака в квартире. Собака – черная.

Я дал ей корму и воды, но не знаю, сколько раз в день ее полагается кормить. А скоро пора ее выгуливать. Ее не выводили со вчерашнего дня, когда хозяева квартиры уехали в Нью-Орлеан – не то слушать там джаз, не то еще зачем-то.

По поведению собаки видно, что ее пора выводить. Она не отходит от двери.

Брат говорит, что выводить ее придется мне. Он боится. А я даже не знаю, как зовут собаку.

Я пристегиваю к ошейнику черной собаки поводок и отправляюсь с ней на прогулку. Спускаясь на лифте, я спрашиваю у лифтера, разбирается ли он в собаках, но тот качает головой и говорит, что тут, мол, и разбираться нечего! Собака, наверное, сама знает, куда ей надо.

И вот я иду по нью-йоркской улице с собакой.

Собака тянет меня в южную сторону, к парку, который находится в нескольких кварталах от нашего дома. По дороге она все обнюхивает и время от времени останавливается, чтобы пописать. Она облила все, что только возможно. Вообще-то я никогда не мог понять, что люди видят в собаках. Обычно говорят, что собаки такие умные. Что у них развита интуиция и они могут предупредить о том, что еще только должно произойти. Они предупреждают об обвалах и несчастных случаях. Может быть, так оно и есть.

Однако эта собака не производит впечатления особо одаренной. Пока что она меня еще ни разу ни о чем не предупредила.

В парке собака совсем очумела. Завидев других собак, она принялась подсакивать и рваться с поводка, то есть повела себя, по-моему, совершенно иррационально.

Я отхожу немного в сторонку от других собачников. Я не знаю, чего от меня ждет собака. Мне кажется, что все на меня смотрят. Ко мне направляется какая-то дама. Она тоже прогуливает собаку. Она сообщает мне, что моя собака и ее собака – закадычные друзья. Я отвечаю, что приехал из другой страны и впервые в жизни прогуливаю собаку. Я рассказываю ей, что даже не знаю, как эту собаку зовут.

Дама говорит, что мою собаку зовут Оби и что в обращении с ней нужно проявлять твердость.

– Easy, Obi^[11], – говорю я собаке.

Я спрашиваю у дамы, сколько раз в день собаку нужно кормить и поить и что мне делать, если она захочет справить большие дела. Дама протягивает мне мешочек. Она спрашивает меня, разве я не получил инструкций, и я объясняю, что за собакой должен прийти какой-то Дэвид. Мы ждем его с минуты на минуту.

Затем я по-английски обращаюсь к Оби.

– Come on^[12], – говорю я ему и прощаюсь с дамой.

Наконец Оби раскорячился, чтобы справить главные дела. На травке. По-моему, это отвратительно. Пока я прибираю за собакой и складываю ее какашки в мешочек, на меня смотрят дети и оглядываются бегающие трусцой взрослые.

И вот я стою с мешочком собачьего дерьма. Дурацкое положение.

Какая-то другая жизнь.

Люди, наверное, принимают меня за Нью-Йоркца, выгуливающего свою собаку. Они думают, что я здесь живу, что у меня тут есть квартира и собака. Что я каждый божий день – до и после работы – подбираю собачьи какашки.

От такой мысли голова идет кругом.

Ведь раз я не владелец собаки и не живу в Нью-Йорке – это значит, что и другие люди могут быть совсем не теми, кого они из себя изображают.

Это значит, что ничего невозможно знать наверняка.

Столько людей!

Они повсюду. На улицах, в парках, в магазинах, в небоскребах. Чем они занимаются?

По внешнему виду никак нельзя узнать, чем они занимаются.

Думаю, что они стараются, чтобы колесики вертелись и жизнь шла своим чередом. То есть делают точно то же самое, что и мы у себя в

Норвегии и что делают люди по всему свету. Они стараются, чтобы все шло как следует и без сбоев. Я вижу этих людей, когда они из одного места направляются в другое, чтобы налаживать там какое-то дело. Повсюду что-то надо делать, чтобы все ладилось, причем самое разное. Надо, чтобы все ладилось в личной жизни, в семье, на работе, в дружеской компании, на местном уровне и, разумеется, также в глобальном плане.

На свете очень много чего надо налаживать, чтобы дела шли как следует.

И вот я, остановившись с собакой на каком-то перекрестке в восточной части Манхэттена, задумался вдруг о том, получится ли у меня тоже когда-нибудь наладить свои дела, чтобы все шло без сбоев.

Сумею ли я с этим управиться?

Не думаю, чтобы я был не такой, как все. У меня те же мечты. Я хочу, чтобы у меня была семья. Был бы дом. И почему бы мне этого не желать? Все этого желают.

А когда все это у меня появится, я хочу, чтобы там все шло как следует.

Я чувствую, что начинаю смотреть на всех этих людей с любовью. Я понимаю их. Понятно, зачем им нужно ходить по улицам: они идут туда, где им нужно быть. Надо, чтобы везде все ладилось.

«Это наше общее дело, – подумалось мне. – Этого и будем держаться».

Все будет хорошо.

ХОПИ

Я пристал к брату: нельзя ли нам подняться на крышу «Эмпайр Стейт Билдинг». Он говорит, что мы сделаем это как-нибудь, когда будет солнечная погода и ясное небо.

Мы все ходим и ходим.

Мы смотрим на дома, людей и машины. На магазины. Мы заходим поесть и попить. Я купил целую гроздь малюсеньких бананчиков.

Мы прошагали уже несколько миль и купили для меня новые башмаки, потому что в старой обуви я натер себе ноги. Было страшно больно.

Теперь у меня ботинки фирмы «Найк». Туристские. Мой брат расплатился за них при помощи одной из своих кредитных карточек.

Я всегда беру «Найк». И «Ливайс». Мне кажется, что они самые лучшие. Я действительно так думаю. И не собираюсь никогда переходить на другие марки.

Видно, кто-то отлично сделал свою работу.

Мой брат интересуется искусством. А я и не знал.

Я очень многого не знал о брате. Все-таки здорово, что мы сейчас вместе. Несмотря на его порой излишнюю суровость.

Мы отправились в СоХо^[13]. Посмотреть галереи.

Я разглядываю чертежи одного проекта, который мне очень нравится.

Кто-то задумал установить колоссальное сооружение из бетона на разломе Сан-Андреас в Калифорнии.

Это сооружение представляет собой скульптуру. Предполагается, что она должна быть восьмидесяти метров в длину и шестидесяти в ширину. И высотой в семь метров. Автор хочет построить ее из такого бетона, который считается самым стойким строительным материалом на свете. Вес монолита будет равен шестидесяти пяти тысячам тонн.

Но грунт, на котором ее хотят установить, находится в движении. Он движется очень быстро. Бетонный монолит должен треснуть, и две его половины начнут расходиться со скоростью шесть – девять сантиметров в год.

Через сорок три миллиона лет западная половина монолита окажется там, где сейчас находится Аляска.

Вот это искусство, которое ставит перед собой значительную цель!

Таковыми и должны быть все проекты.

В другой галерее я наткнулся на папку, посвященную Эйнштейну. Это была студенческая работа молодой художницы. Она перечитала множество материалов об Эйнштейне, разыскала различные сведения и собрала из них папку, которая называется «The Einstein – papers». Я захотел ее купить. Она стоит двадцать долларов. Мой брат, конечно же, считает, что это ерунда. Он начинает меня отговаривать от покупки. Но Эйнштейн – мой друг. И покупаю папку.

Брат качает головой.

Вдруг брат показывает мне – вон там «Эмпайр Стейт Билдинг».

И я вижу его. Он возвышается над окружающим ландшафтом. Верхние этажи освещены голубоватым светом. Я уговариваю брата отправиться туда.

Прямо сейчас.

Но у брата другие планы.

Сейчас, мол, уже поздно. Он говорит, что пора возвращаться домой, посмотрим телевизор.

Мы сидим и пьем пиво, а на экране телевизора какая-то дама говорит, чтобы я ей немедленно позвонил, если со мной произойдет несчастный случай, и, каким бы он не был – большим или маленьким, она поможет мне составить иск и получить деньги с виновников несчастного случая или с владельца участка, на территории которого произошел несчастный случай. Если послушать ее, это кажется проще простого.

Перед сном я читаю в постели «The Einstein-papers».

В папке лежит всего штук двадцать листков А4. Несколько картинок и кое-где небольшой текст. Составительница папки, художница по имени Клэр, пишет, что Эйнштейн был очень хорошим человеком и горячо желал, чтобы наука служила на благо людям.

У Эйнштейна, говорится там, были две главные цели в жизни. Первая состояла в том, чтобы вести простую жизнь. Вторая – в том, чтобы сформулировать теорию, которая объясняла бы основные законы природы и в конечном счете послужила бы к установлению всеобщего мира и справедливости для всех людей.

Один листок представляет собой копию страницы рукописи, на которой Эйнштейн написал свою теорию.

кругообразное. Прошлое, настоящее и будущее существуют для них бок о бок.

Вернувшись домой, я постараюсь узнать, нет ли в Осло землячества хопи и нельзя ли мне к нему примкнуть, хотя я не хопи по рождению.

Перед тем как уснуть, я записываю то, что мне особенно запомнилось за первые три дня в Нью-Йорке:

- мужчина в форменной куртке, выбежавший из здания, чтобы взять багаж у подъехавшей на такси элегантно одетой женщины;
- четыре мальчугана азиатской наружности, игравшие в волейбол на лужайке парка;
- человек, игравший на гитаре классическую музыку на одной из станций подземки;
- закрытый для проезда участок улицы, огороженный из-за прорыва водопроводной сети;
- витрина, наполненная надувными подушками;
- крупный мужчина, говоривший по-русски, который поджаривал целую грудку гамбургеров;
- большая бутылка пива;
- взрослый мужчина на роликах, едва не наехавший на женщину, а затем чуть было не попавший под машину;
- ортодоксальный еврей в красных кроссовках и с плеером;
- девушка, которая предлагала прохожим попробовать новый сорт жевательной резинки, говоря, что только сегодня резинка раздается бесплатно;
- человек, который сидел с объявлением, на котором было написано, что у него нет денег и что у него ВИЧ-положительный анализ;
- девушка, которая зашла в магазин и спросила продавщицу, как ее дела;
- дама с солнечными очками в кафе, рассказывавшая своей приятельнице, как она проговорила с мужчиной до четырех часов ночи, и сказавшая, что на этот раз она, кажется, нашла настоящую любовь;
- владелец ресторана, который, пока мы обедали, упражнялся на улице с клюшкой для гольфа;
- длиннющий автомобиль с затемненными матовыми стеклами, сквозь которые нельзя было заглянуть внутрь;
- китайский порножурнальчик, на обложке которого была изображена девушка, прикрывавшая рукой соски.

1-800-PARKS

Проснувшись, я обнаружил, что Оби скинул маленькие бананчики с кухонного стола и разбросал их по всей кухне.

Я качаю головой, приговаривая: «Оби, Оби!»

Дэвид все еще не показывался. А должен был прийти еще два дня назад.

Кому-то придется выводить Оби на прогулку.

Вести его приходится мне, Я надеваю новые ботинки фирмы «Найк».

Мы с Оби выходим на улицу. Там идет дождь.

У входа в парк вывешено объявление с телефонным номером, по которому можно звонить в случае, если у тебя возникают проблемы, связанные с парком.

В каком-то смысле можно сказать, что Оби относится к числу этих проблем. Я записываю номер: «1-800-Parks»

Если Дэвид не заберет сегодня Оби, я позвоню по этому номеру.

Какой-то человек с собакой окликает меня издали и спрашивает про Оби – кобель это или сука. У него явно сука, у которой сейчас течка. Тем не менее он отпустил ее бегать без поводка.

Я кричу ему, что не знаю.

Он смотрит на меня и качает головой. Он явно думает: «Вот чудик!»

Навстречу идет еще один человек с собакой. Он говорит, что знает Оби. Он сообщает, что у Оби ускоренный обмен веществ и что мою собаку нужно кормить чаще, чем его пса. Это никчемная информация. Ведь он не сказал мне, как часто кормит собственную собаку. Зато он сообщил мне, что Оби – кобель.

Я захватил с собой только один мешочек, поэтому, когда Оби уселся справлять свои дела во второй раз, это ставит меня в затруднительное положение. Он гадит прямо на тротуар. После того как он управился, мы с ним переходим на другую сторону улицы, как будто мы тут ни при чем.

– Shame on you, Obi, – говорю я ему. – Bad dog^[14].

Довольно странно прохаживаться по нью-йоркской улице с собакой.

Однако благодаря этому я то и дело вижу что-нибудь в новой перспективе.

Я сейчас так далеко от дома, в огромном городе.
Столько людей! И только один – я.
Единственное, что я могу знать в любой момент, – это о чем я сам думаю.

Я не имею никакого представления, о чем думают другие.
Кажется ли им космическое пространство громадным и страшным?
Мне так кажется.
Вспоминается ли им время от времени, как они были маленькими?
Мне – да.
Во что они верят?
Я верю, что никто не должен быть один. Что нужно быть с кем-нибудь вместе. С друзьями. С любимыми. Я верю, что главное – это любить. Я верю, что это самое главное.

Пока мой брат готовит завтрак, я пишу Лизе открытку.
Вот что я пишу:
«Привет, Лиза!
До чего же огромен Нью-Йорк! У меня от него чувство, немного похожее на то, которое я испытываю при мысли о космосе. Такое чувство, как будто я освобождаюсь от ответственности. Как будто я ничего не могу и мне остается только одно – постараться хорошо провести время. Я вожу гулять пса, которого зовут Оби. У нас квартира в доме с привратником. Он носит форменную одежду и говорит: „How are you today, mister?“^[15] И я отвечаю: „Fine!“^[16] Брат не позволяет мне говорить о времени и о Вселенной. Мне не терпится снова увидеть тебя. Я ни разу не стучал по доске, с тех пор как мы не виделись. Я думаю, что главное – это любить».

Я пошел опустить открытку, а когда вернулся, Оби уже не было в квартире.

Без меня заходил Дэвид и забрал его.
Значит, мне не придется звонить по номеру 1-800-Parks.
Я спрашиваю, что сказал Дэвид, и брат говорит, что почти ничего. Дэвид только выразил сожаление, что так долго не приходил, и спросил про бананчики, настоящие ли они.

В Америке не сразу разберешься, какие фрукты валяются на полу – настоящие или пластиковые.

За завтраком брат спрашивает меня, что я думаю.

Насчет чего? – уточняю я.

– В общем и целом, – отвечает брат.

Я описываю ему, как только что все предстало передо мной в новой перспективе, и рассказываю, что Нью-Йорк для меня чем-то похож на космическое пространство, а самое главное – это любить.

Брат кивает.

Он спрашивает, не подумываю ли я том, что было бы лучше, если бы я размышлял немного поменьше.

Я говорю ему, что подумывал и не раз, но это легче сказать, чем сделать.

Брат говорит мне, что надо бы побольше заниматься тем, что дает непосредственные впечатления.

– Чем, например? – спрашиваю я.

– Играми, – говорит он мне и объявляет, чтобы сегодня я предоставил ему решать, что мы будем делать.

– И что ты решил? – спрашиваю я. Он решил, что мы не будем думать, а будем много смеяться.

– Пожалуйста, я не против, – говорю я.

БИБЛИОТЕКА

Мы сидим в нью-йоркской Публичной библиотеке.

Мы пришли сюда по решению моего брата.

Библиотека ничего себе. Большая. Людей видимо-невидимо. И дежурные, которые следят, чтобы посетители не выносили книг.

Я смотрю журналы.

В одном из номеров «Таймс» я увидел фотографию облака космического газа в каком-то месте Вселенной. Снимок сделан спутником, а в пояснительном тексте сказано, что облако находится на расстоянии нескольких триллионов километров от нас.

Ладно, пусть так.

Мой брат сидит за компьютером в другом конце зала. Я вижу, как он посмеивается. Вот он машет, подзывая меня к себе.

Напротив устроился какой-то бездомный, он читает. Рядом на полу лежат его мешки. Не меньше пятнадцати. Одет он в настоящие отрепья. А между тем он читает книгу, которая называется «Economic science».

Права была дама, которую я встретил в Осло в гостиничном лифте, когда она сказала, что в мире все на самом деле гораздо сложнее, чем мне кажется.

Но мой брат – человек без лишних сложностей.

Он подбирает с помощью компьютера список авторов, в фамилиях которых можно найти норвежские табуированные слова.

Вот он набрал на экране крайне неприличное слово.

Он все хохочет. У меня это вызывает чувство неловкости.

Но когда компьютер выдает ответ, я тоже начинаю хохотать. Это ужасное ребячество, но замечательно весело.

Я не мог удержаться от смеха. Я смеюсь, а сам озираюсь по сторонам. Надеюсь, что никто не заметит, чем мы тут заняты.

Мы долго просидели за компьютером. Должно быть, больше часа. Впечатление было потрясающее. Давно я так долго не хохотал. Часто самое забавное заключалось в несоответствии между фамилией автора и серьезностью темы, о которой он пишет. Но иногда достаточно было просто увидеть, как на экране возникают слова. У меня такое чувство, точно мы кого-то разыграли.

Мы с братом состязаемся в придумывании словечек.

Среди них есть очень нехорошие.

Вот кое-какие примеры из того, что мы тогда отыскиали:

The Research Libraries of The New York Public Library/All Locations

<http://149.123.101.18/search/a?fitte>

You searched for the AUTHOR: fitte
10 AUTHORS found with 28 ENTRIES

1. [Fitte Albert](#)
2. [Fitte Ernesto J](#) (14 entries)
3. [Fitter Alastair](#) (2 entries)
4. [Fitter Chris](#)
5. [Fitter E Ingles Joseph](#)
6. [Fitter Jörn Carsten](#) (2 entries)
7. [Fitter Richard Sidney Richmond](#) (3 entries)
8. [Fitterer Mario](#)
9. [Fitterling Thomas](#)
10. [Fitterman Robert](#) (2 entries)

[\(EXTENDED DISPLAY\)](#)- [\(START OVER\)](#)- [\(ANOTHER SEARCH\)](#)- [\(LIMIT/SORT\)](#)

The Research Libraries of The New York Public Library/All Locations

<http://149.123.101.18/search/wfitte/0,9,9/item&wfitte&6,6,9>

[\(NEXT RECORD\)](#)- [\(PREVIOUS RECORD\)](#)- [\(RETURN TO BROWSE\)](#)- [\(ANOTHER SEARCH\)](#)-
[\(START OVER\)](#)

You searched for the KEYWORDS: fitte
Record 6 of 9

Call # [HKR 73-2509](#)
Author [Fitte, Ernesto J.](#)
Title [Martín García; historia de una isla argentina \[por\] Ernesto J. Fitte.](#)
Imprint [Buenos Aires, Emecé Editores \[1971\]](#)

Descript [207 p. map. 21 cm.](#)
Note ["Adhesión a las Ias. Jornadas de Historia del Litoral Fluvial Argentino."](#)
[Includes bibliographical references.](#)
Subject [Martín García \(Island\) --History.](#)

[\(NEXT RECORD\)](#)- [\(PREVIOUS RECORD\)](#)- [\(RETURN TO BROWSE\)](#)- [\(ANOTHER SEARCH\)](#)-
[\(START OVER\)](#)

[\(NEXT RECORD\)](#)- [\(PREVIOUS RECORD\)](#)- [\(RETURN TO BROWSE\)](#)- [\(ANOTHER SEARCH\)](#)-
[\(START OVER\)](#)

You searched for the AUTHOR: **fitte**

Call # JFE 80-1470

Author Fitte, Albert.

Title Spectroscopie d'une propagande révolutionnaire : "El Moudjahid" des temps de guerre; juin 1956-mars 1962 / Albert Fitte.

Imprint Montpellier : Université Paul Valéry, [Centre d'histoire militaire de Montpellier], 1973.

Descriptiv 160, iv, 150 p. ; 25 cm.

Series Études militaires, 1

Note "Répertoire pour la consultation des trois volumes de la réédition d'el Moudjahid": p. 1-150 (4th group).

Includes bibliographical references.

Subject el-Moudjahid.

Algeria --History --1945-1962.

[\(NEXT RECORD\)](#)- [\(PREVIOUS RECORD\)](#)- [\(RETURN TO BROWSE\)](#)- [\(ANOTHER SEARCH\)](#)-
[\(START OVER\)](#)

You searched for the AUTHOR: **kuk**
163 AUTHORS found with 298 ENTRIES

1. Kuk D Ben Nahum Ha Kohen
2. Kuk G I
3. Kuk Leszek
4. Kuk Shalom Natan Raanan 1900 1972
5. Kuk Yehudit
6. Kukacarma Va
7. Kukacka Helmut
8. Kukacka L E
9. Kukacka Lawrence E
10. Kukacka Miroslav

[\(NEXT PAGE\)](#)- [\(EXTENDED DISPLAY\)](#)- [\(START OVER\)](#)- [\(ANOTHER SEARCH\)](#)- [\(LIMIT/SORT\)](#)

[\(NEXT RECORD\)](#)- [\(PREVIOUS RECORD\)](#)- [\(RETURN TO BROWSE\)](#)- [\(ANOTHER SEARCH\)](#)-
[\(START OVER\)](#)

You searched for the AUTHOR: **kuk**

Call # ***PBP 82-2639**

Author **Kuk, Yehudit.**

Title **MH'SBT YHWDYT : KTBY/M / YHWDYT QWQ ; [HTQYN WHBYA LDPWS
'SMWAL MRW/M].**

Imprint **YRW'SLY/M : [s.n.], 738 [1978]**

Descript **197 p. ; 25 cm.**

Subject **Bible. O.T. Genesis --Meditations.**

Judaism.

Add'l name **Marom, Shemuel.**

Donor **Mahashevet Yehudit.**

[\(NEXT RECORD\)](#)- [\(PREVIOUS RECORD\)](#)- [\(RETURN TO BROWSE\)](#)- [\(ANOTHER SEARCH\)](#)-
[\(START OVER\)](#)

You searched for the AUTHOR: **pikk**
3 AUTHORS found with 3 ENTRIES

1. **Pikkert P**
2. **Pikkusaari Jussi 1939**
3. **Pikkuvirta V G**

[\(EXTENDED DISPLAY\)](#)- [\(START OVER\)](#)- [\(ANOTHER SEARCH\)](#)- [\(LIMIT/SORT\)](#)

You searched for the KEYWORDS: **suging**

Found 2 items:

SUGII is in 2 titles.

There are 2 entries with SUGII.

☐ [Kindai Nihon shakai to Kirisutokyo / Sugii Mutsuro Sensei Ta\(1989\)](#)

☐ [Kindai Nihon shakai to Kirisutokyo / Sugii Mutsuro Sensei Ta\(1989\)](#)

[\(EXTENDED DISPLAY\)- \(RETURN TO BROWSE\)- \(START OVER\)- \(ANOTHER SEARCH\)- \(LIMIT/SORT\)](#)

[\(NEXT RECORD\)- \(RETURN TO BROWSE\)- \(ANOTHER SEARCH\)- \(START OVER\)](#)

You searched for the AUTHOR: **suge**

Record 1 of 3

Call # [MON 80-1764](#)

[JFD 80-10174 --Additional copy.](#)

Author [Suger, Abbot of Saint Denis, 1081-1151.](#)

Title [Abbot Suger on the Abbey Church of St.-Denis and its art treasures / edited, translated, and annotated by Erwin Panofsky. 2d ed. / by Gerda Panofsky-Soergel.](#)

Imprint [Princeton, N.J. : Princeton University Press, c1979](#)

Descript xix, 285 [28] p. : ill. ; 25 cm.

Note Latin and English.

Bibliography: p. 262-275.

Includes index.

Subject [Architecture --Early works to 1800.](#)

[Art --Early works to 1800.](#)

[Saint-Denis, France \(Benedictine abbey\).](#)

Add'l name [Panofsky, Erwin, 1892-1968.](#)

[Panofsky-Soergel, Gerda, 1929-](#)

[\(NEXT RECORD\)- \(RETURN TO BROWSE\)- \(ANOTHER SEARCH\)- \(START OVER\)](#)

You searched for the AUTHOR: **basj**
No matches found; nearby items are:

- ☐ [Basiron Philippe 15th Cent](#)
- ☐ [Basisgruppe Vwl Koln](#)
- ☐ [Basisgruppe Wik](#)
- ☐ [Basista Jakub](#)
- ☐ [Basit Abdul 1942-](#)
- ☐ [Basiuk V M](#)
- ☐ [Basiuk Victor 1932-](#)
- ☐ [Your author *Basj* would be here](#)
- ☐ [Bask Katia](#)
- ☐ [Baskakov A N Aleksandr Nikolaevich](#) (5 entries)
- ☐ [Baskakov Albert Pavlovich](#)
- ☐ [Baskakov Aleksandr Nikolaevich](#)
- ☐ [Baskakov Eduard Gennadevich](#)

[\(NEXT PAGE\)](#)- [\(PREVIOUS PAGE\)](#)- [\(EXTENDED DISPLAY\)](#)- [\(START OVER\)](#)-
[\(ANOTHER SEARCH\)](#)

The Research Libraries of The New York Public Library/All Locations

<http://149.123.101.18/search/wpule/0,2,2/item&wpule&1,1,2>

[\(NEXT RECORD\)](#)- [\(RETURN TO BROWSE\)](#)- [\(ANOTHER SEARCH\)](#)- [\(START OVER\)](#)

You searched for the KEYWORDS: **pule**
Record 1 of 2

Call # ***KF(T) 1862 91-249**

Author **Church of England.**

Title **Book of common prayer. Hawaiian**

Ka Buke o ka pule ana a me ka hooko ana i na kauoha hemolele : e like me ka mea i kauohaia no ka haipule ana ma ka pae aina Hawaii : ua huiia hoi me na Halelu a Davida, i hookaawaleia i mea e himeni ai a heluhelu ai paha ilolo o na halepule.

Imprint [Honolulu? : s.n.] (Honolulu : Polynesian Book and Job Print.), 1862.

Descript 397 p. ; 19 cm.

Local note Inscribed: "The Hawaiian Prayer Book as translated by the late King of Hawaii Kamehameha IV. for Lady Franklin with the love of Emma R."

Note "He olelo hoakaka" (p. 391-397) dated Honolulu, June, 1863.

[\(NEXT RECORD\)](#)- [\(RETURN TO BROWSE\)](#)- [\(ANOTHER SEARCH\)](#)- [\(START OVER\)](#)

You searched for the AUTHOR: **rumpehull**

No matches found; nearby items are:

- ☐ [Rump Erling](#)
- ☐ [Rump Gerhard Charles](#) (3 entries)
- ☐ [Rump Hans Hermann](#) (2 entries)
- ☐ [Rump Hans Uwe 1945](#)
- ☐ [Rump Kabita](#)
- ☐ [Rump Kay 1937](#)
- ☐ [Rump Reinhold 1938](#)
- ☐ **Your author *Rumpehull* would be here**
- ☐ [Rumpel Franz](#)
- ☐ [Rumpel Heinrich 1912](#)
- ☐ [Rumpel Johannes](#)
- ☐ [Rumpel Roland](#)
- ☐ [Rumpeters A](#) (2 entries)

[\(NEXT PAGE\)](#)- [\(PREVIOUS PAGE\)](#)- [\(EXTENDED DISPLAY\)](#)- [\(START OVER\)](#)-
[\(ANOTHER SEARCH\)](#)

You searched for the AUTHOR: **runke**

11 AUTHORS found with 19 ENTRIES

1. [Runke James F](#) (6 entries)
2. [Runkel David R](#)
3. [Runkel Gunter 1946](#)
4. [Runkel Gunther](#)
5. [Runkel Hue Williams Ltd](#) (3 entries)
6. [Runkel Kenneth E 1881](#)
7. [Runkel Margaret 1906](#)
8. [Runkel Otto](#)
9. [Runkel Philip Julian 1917](#)
10. [Runkel Phillip M](#)
11. [Runkel Reinhold](#) (2 entries)

[\(EXTENDED DISPLAY\)](#)- [\(START OVER\)](#)- [\(ANOTHER SEARCH\)](#)- [\(LIMIT/SORT\)](#)

[\(NEXT RECORD\)](#)- [\(PREVIOUS RECORD\)](#)- [\(RETURN TO BROWSE\)](#)- [\(ANOTHER SEARCH\)](#)-
[\(START OVER\)](#)

You searched for the AUTHOR: runke
Record 3 of 6

Call # JLE 79-60

Title Proceedings of the regional rail planning seminars, fall 1976 / edited by James F. Runke and Norbert Y. Zucker.

Imprint [Washington] : U. S. Dept. of Transportation, Federal Railroad Administration, 1977.

Descript v, 161 p. : ill. ; 29 cm.

Note Cover title: Regional rail planning seminars.

Papers presented at five seminars held in Atlanta, Omaha, Salt Lake City, Fort Worth, and Albany in the fall of 1976 and sponsored by the Federal Railroad Administration, U. S. Dept. of Transportation and the Council of State Governments.

Includes bibliographical references.

Subject Railroads and state --United States --Congresses.
Transportation planning --United States --Congresses.

Add'l name Zucker, Norbert Y.

Runke, James F.

United States. Federal Railroad Administration.

Council of State Governments.

Alt title Regional rail planning seminars.

[\(NEXT RECORD\)](#)- [\(PREVIOUS RECORD\)](#)- [\(RETURN TO BROWSE\)](#)- [\(ANOTHER SEARCH\)](#)-
[\(START OVER\)](#)

[\(NEXT RECORD\)](#)- [\(PREVIOUS RECORD\)](#)- [\(RETURN TO BROWSE\)](#)- [\(ANOTHER SEARCH\)](#)-
[\(START OVER\)](#)

You searched for the AUTHOR: pupp

Call # JSC 73-199

Author Pupp, Wolfgang.

Title Vakuumtechnik; Grundlagen und Anwendungen. Vacuum techniques; principles and applications. 2. Aufl., neu bearb. und erg.

Imprint München, K. Thiemig [c1972]

Descript xi, 402 p. illus. 18 cm.

Series Thiemig-Taschenbücher, Bd. 43

Note Bibliography: p. 385-393.

Subject Vacuum technology.

Alt title Vacuum techniques.

[\(NEXT RECORD\)](#)- [\(PREVIOUS RECORD\)](#)- [\(RETURN TO BROWSE\)](#)- [\(ANOTHER SEARCH\)](#)-
[\(START OVER\)](#)

You searched for the AUTHOR: slikke
3 AUTHORS found with 5 ENTRIES

1. Slikke Maria Van Der
2. Slikkerveer L J Leendert Jan (3 entries)
3. Slikkerveer Leendert Jan

[\(EXTENDED DISPLAY\)](#)- [\(START OVER\)](#)- [\(ANOTHER SEARCH\)](#)- [\(LIMIT/SORT\)](#)

The Research Libraries of The New York Public Library/All Locations <http://149.123.101.18/search/afis/0,1966,4278/item&afis+teodor&1,0,0>

[\(NEXT RECORD\)](#)- [\(PREVIOUS RECORD\)](#)- [\(RETURN TO BROWSE\)](#)- [\(ANOTHER SEARCH\)](#)-
[\(START OVER\)](#)

You searched for the AUTHOR: fis

<i>Call #</i>	*QVM 92-692
<i>Author</i>	Fis, Teodor.
<i>Title</i>	Dukelské noci.
<i>Edition</i>	[1. vyd.]
<i>Imprint</i>	Bratislava, Vydavateľstvo politickej literatúry, 1965.

<i>Descript</i>	151 p. front. 21 cm.
<i>Subject</i>	World War, 1939-1945 --Fiction.

[\(NEXT RECORD\)](#)- [\(PREVIOUS RECORD\)](#)- [\(RETURN TO BROWSE\)](#)- [\(ANOTHER SEARCH\)](#)-
[\(START OVER\)](#)

The Research Libraries of The New York Public Library/All Locations <http://149.123.101.18/search/arompe/0,4,5/exact&arompe+robert&1,2>

You searched for the AUTHOR: rompe
Found 2 items:
Rompe Robert

1. Ergebnisse der Plasmaphysik und der Gaselektronik. (1967)
2. Festschrift des wissenschaftlichen Kolloquiums zum 65. Geburtstag von Robert Rom (1973)

[\(EXTENDED DISPLAY\)](#)- [\(RETURN TO BROWSE\)](#)- [\(START OVER\)](#)- [\(ANOTHER SEARCH\)](#)-
[\(LIMIT/SORT\)](#)

Через некоторое время брат поднимается из-за стола, чтобы пойти и купить шоколадку. Я говорю ему, что сейчас закончу.

– Вот только проверю еще парочку слов, – говорю я брату.

Возможно, меня кольнула совесть за то, что мы только что развлекались, насмехаясь над другими людьми.

Но теперь я выбираю слова попрстойнее.

Это уже не так смешно, но у меня появляется чувство, что я немного

поправил дело, восстановив нарушенное равновесие.

Вот что я нашел:

The Research Libraries of The N...rk Public Library/All Locations

<http://149.123.101.18/search/a?klokke>

You searched for the AUTHOR: klokke
3 AUTHORS found with 5 ENTRIES

1. [Klokke A H](#)
2. [Klokke Coster A](#)
3. [Klokke Marijke J](#) (3 entries)

[\(EXTENDED DISPLAY\)](#)- [\(START OVER\)](#)- [\(ANOTHER SEARCH\)](#)- [\(LIMIT/SORT\)](#)

The Research Libraries of The N...rk Public Library/All Location<http://149.123.101.18/search/aklokke/0,3,5/item&aklokke+a+h&1,0,0>

[\(NEXT RECORD\)](#)- [\(PREVIOUS RECORD\)](#)- [\(RETURN TO BROWSE\)](#)- [\(ANOTHER SEARCH\)](#)-
[\(START OVER\)](#)

You searched for the AUTHOR: klokke

Call # [JFL 73-170 \[Nr.\] 79](#)

Title [De slimme en de domme : Ngadju-Dajakse volksverhalen / A. Klokke-Coster, A. H. Klokke, M. Saha.](#)

Imprint's-Gravenhage : Nijhoff, 1976.

Descript [viii, 121 p. : ill. ; 24 cm.](#)

Series [Instituut voor Taal-, Land- en Volkenkunde. Verhandelingen. \\[Nr.\] 79\79\](#)

Note [Dutch and Ngadju dialect.](#)

[Bibliography: p. \[1\].](#)

Subject [Tales, Ngadju --Indonesia --Kalimantan.](#)

Add'l name [Klokke-Coster, A.](#)

[Klokke, A. H.](#)

[Saha, Munte.](#)

[\(NEXT RECORD\)](#)- [\(PREVIOUS RECORD\)](#)- [\(RETURN TO BROWSE\)](#)- [\(ANOTHER SEARCH\)](#)-
[\(START OVER\)](#)

You searched for the AUTHOR: **bankebrett**

No matches found; nearby items are:

- ☐ [Banka Lawrence](#)
- ☐ [Banka Slovenije](#) (2 entries)
- ☐ [Bankai Workshop 1992 Brussels Belgium](#)
- ☐ [Bankaliuk L V](#)
- ☐ [Bankara Felix](#)
- ☐ [Bankav A Ia](#)
- ☐ [Bankcard Holders Of America](#)
- ☐ [Your author Bankebrett would be here](#)
- ☐ [Bankai 1622-1693](#) (2 entries)
- ☐ [Bankel Hansgeorg](#) (2 entries)
- ☐ [Bankel Walter](#)
- ☐ [Banken Robert](#)
- ☐ [Bankendorf Carla](#)

[\(NEXT PAGE\)](#)- [\(PREVIOUS PAGE\)](#)- [\(EXTENDED DISPLAY\)](#)- [\(START OVER\)](#)-
[\(ANOTHER SEARCH\)](#)

You searched for the AUTHOR: **ball**

1029 AUTHORS found with 2235 ENTRIES

1. [Ball A Gordon](#)
2. [Ball Abraham 1908-](#) (3 entries)
3. [Ball Adrian](#) (4 entries)
4. [Ball Alan](#)
5. [Ball Alan M](#)
6. [Ball Alan R](#) (6 entries)
7. [Ball Alan William](#) (4 entries)
8. [Ball Alice Morton](#)
9. [Ball Allan Perley 1871-](#)
10. [Ball Ann](#)
11. [Ball Anthony Michael](#)
12. [Ball Arthur E](#)

[\(NEXT PAGE\)](#)- [\(EXTENDED DISPLAY\)](#)- [\(START OVER\)](#)- [\(ANOTHER SEARCH\)](#)- [\(LIMIT/SORT\)](#)

You searched for the AUTHOR: **min jente**

No matches found; nearby items are:

- ☐ [Min Fan Lu](#)
- ☐ [Min Hahar Sh Shelomoh](#) (2 entries)
- ☐ [Min Hsiao Hui Shang Kuan](#)
- ☐ [Min Hyon Gu](#) (2 entries)
- ☐ [Min Il Gi](#)
- ☐ [Min J K](#)
- ☐ [Min J L 1949](#)
- ☐ [Your author *Min Jente* would be here ----- Change search to **Jente, Min**](#)
- ☐ [Min Kantrowitz Associates](#)
- ☐ [Min Kwan Sik 1918](#)
- ☐ [Min Kyong Bae](#) (3 entries)
- ☐ [Min Kyong Bae 1934](#) (2 entries)
- ☐ [Min Kyong Hyon 1933](#)

[\(NEXT PAGE\)](#)- [\(PREVIOUS PAGE\)](#)- [\(EXTENDED DISPLAY\)](#)- [\(START OVER\)](#)-
[\(ANOTHER SEARCH\)](#)

You searched for the AUTHOR: **jente, min**

No matches found; nearby items are:

- ☐ [Jenssen Pharmaceutica](#)
- ☐ [Jensson Liv 1906](#)
- ☐ [Jenstad Margaret A](#)
- ☐ [Jenster Per V](#)
- ☐ [Jensterle Alenka](#)
- ☐ [Jent Louis 1936](#)
- ☐ [Jent Louis 1936-](#)
- ☐ [Your author *Jente Min* would be here ----- Change search to **Min, Jente**](#)
- ☐ [Jentel Marie Odile](#)
- ☐ [Jentgen Leon](#)
- ☐ [Jentgen Pierre 1884](#) (2 entries)
- ☐ [Jentgens Stephanie](#)
- ☐ [Jentleson Bruce W 1951](#) (3 entries)

[\(NEXT PAGE\)](#)- [\(PREVIOUS PAGE\)](#)- [\(EXTENDED DISPLAY\)](#)- [\(START OVER\)](#)-
[\(ANOTHER SEARCH\)](#)

Мы снова бродим по огромному городу.

Утро мы провели очень удачно.

Пока мы были в библиотеке, у меня, кажется, не появилось ни единой мысли.

Я просто смеялся.

Я говорю брату, какой он молодчина, что принял такое хорошее решение.

И вот мы подошли к «Эмпайр Стейт Билдинг». Но дождь так и не перестал, и вместо того, чтобы подняться на лифте, проходим мимо.

Я смотрю на это здание задрав голову. У него гигантская высота. Верхушки отсюда не видно. Но я знаю, что там наверху время идет немного быстрее. Я говорю это брату, но он отвечает, что все это чепуха.

ПАРК

Этот город сам наводит на мысли о большом и великом.

Я вспоминаю книгу Поля. Она меня растревожила.

Но ведь единственный вопрос, который действительно имеет значение – это к чему идет дело: к лучшему или к худшему.

Это имеет значение для меня и это имеет значение для всех других людей, для зверей и для мира в целом.

А все остальное, насчет того что там будет через миллиард миллиардов лет, строго говоря, не имеет ко мне никакого отношения. Меня вдруг осенило это открытие. Это очень эгоистично, но меня гораздо больше волнует то, что может случиться на моем веку, чем то, что будет потом.

При этой мысли я ощущаю огромное облегчение.

Она приходит мне в голову в то время, когда мы с братом бросаем «летающую тарелку» в Центральном парке. Брат купил очень хорошую «тарелку», тяжелую и устойчивую в полете. Порой мне кажется, что я могу забросить ее как угодно далеко.

Вот я бросаю.

Вот мой брат ловит.

Вот бросает мой брат.

Я ловлю.

Несколько минут назад один из нас закинул «тарелку» куда-то в кусты.

Брат страшно увлечен. Он бежит во весь опор.

Он подпрыгивает и изворачивается, чтобы поймать «летающую тарелку».

Его азарт передается и мне.

Я думаю, что никогда не перестану играть с такими вещами, которые можно бросать.

Мне кажется, я верю в очищение души через игры и веселье.

ГЛУПЕЕ ГЛУПОГО

Уже вечер, и я чувствую, что наигрался сегодня и набегался до физического изнеможения. Я измотан, и мне хорошо. Совсем как бывало в детстве после наших лыжных походов.

У меня даже вздулся пузырь на указательном пальце правой руки, так я натер ее, кидая «тарелку».

Немного погодя я прокалю пузырь, промою ранку и заклею пластырем. В шкафчике в ванной полно пластырей.

Брат спрашивает, доволен ли я тем, как мы провели этот день, и я отвечаю «да».

Я говорю ему, что завтра опять хочу играть.

Он улыбается мне и хвалит: «Ты у меня молодец».

Он говорит, что надо отвыкать от мрачных мыслей.

– И брось ты наконец носиться с этим космосом, – говорит он мне.

Он ставит передо мной купленную в японском ресторане еду и включает телевизор.

Сегодня там рассказывают про паренька, который в школе был очень тощим. Девчонки не обращали на него внимания, а когда он вздумал пригласить на вечеринку девушку, которая считалась первой красавицей в классе, та отказалась с ним пойти.

Но вот прошло несколько лет, и паренек совсем изменился. У него выросли усы и появились мускулы. Парень бегают по сцене и показывает свои бицепсы. Публика вопит от восторга. У парня теперь есть девушка, и она красивее, чем была первая красавица класса.

И девушка, которая была в классе первой красавицей, тоже выходит на сцену.

Теперь она раскаивается.

Передача посвящена тому, что главное не то, как мы выглядим, а что у нас в душе.

Сдается мне, что американцы все-таки немного глупее меня.

Мой брат тоже так считает. А уж папа тем более.

Вот что я видел сегодня:

– чернокожего парня, который обругал свой велосипед «bitch»;

– магазин, где продается пожарное снаряжение;

- картину Дали с висящими всюду часами, которые стекают, как расплавленные;
- двоих мужчин в еврейских шапочках, выскочивших из машины «скорой помощи»;
- пятерых подростков в парке, у каждого из которых был свой кассетник. Они разговаривали друг с другом, но, наверное, никто никого не слышал, так как все заглушала музыка;
- недостроенный небоскреб;
- мальчика, кутившего в парке наркотики;
- ларек с таким количеством журналов, что я даже не смог их пересчитать;
- пожилого небритого мужчину и совсем молоденькую женщину, которые, прислонившись друг к другу, спали на скамейке;
- магазин, торгующий велосипедами, где был и мой любимый велосипед;
- тщедушного старика с задравшимся на плечо галстуком, который закричал на автомобиль, ехавший на красный свет;
- продавщицу в лавке, торгующей джинсами, которая маялась от безделья;
- полицейского с пистолетом на велосипеде;
- чернокожего мужчину, который выбивал ритм на пустом ведре, ящике из-под хлеба и противне. Он барабанил просто мастерски, и я дал ему денег;
- прохожего, который на ходу пил кофе;
- человека, который давал незнакомой девушке адрес в Париже;
- фитнес-центр, в котором люди занимались бегом трусцой на тренажерах и при этом глядели телевизор, в зале одновременно работало четыре экрана;
- раскиданные по асфальту розы от брошенного букета;
- мусорный ящик, набитый отрезанными пороссячьими и коровьими ногами;
- девчушку, которая бросала об стенку мячик, а рядом стоял ее папа и хвалил ее, какая она ловкая;
- продавщицу, которая обиделась, когда я сказал, что просил шоколадное мороженое, а она дает мне ванильное.

БЛИЗОСТЬ

Я чувствую себя воспрянувшим.

Впервые за долгое время у меня снова появилось такое чувство, что все может случиться. Сегодня я проснулся с мыслью о том, что все может случиться, что произойдет что-то необыкновенное – и притом обязательно хорошее.

Такое чувство у меня бывало только в детстве.

Может быть, так на меня подействовал этот город. А может быть, это благодаря моему брату.

Одно время мне казалось, что он не такой симпатичный, как я. Но теперь я уже так не думаю. Он отличный парень. Он желает мне только хорошего.

В последние дни мы много были вместе и хорошо проводили время.

Мы бросали «летающую тарелку» и бегали по траве. Мы разговаривали о том, как все было в детстве, и пришли к тому, что раньше все было иначе.

Все вещи были тогда проще, крупнее, но главное – не такие, как сейчас. Кое-что было лучше, чем теперь, а кое-что хуже. Как считает мой брат, не стоит утверждать, что раньше все было лучше, – это тупиковый путь.

Ему больше нравится слово «иначе».

А сегодня вечером он у меня научился стучать по доске.

Мы выключили телевизор и просто сидели и разговаривали. О девушках. Мой брат всегда говорил о них как-то расплывчато. С одной стороны, девушки ему нужны, а с другой – без них как бы и лучше.

Я сказал, что так у него ничего не получится. Невозможно ведь, чтобы у тебя была девушка и в то же время чтобы ее не было. Если это возможно, то только при условии, чтобы она согласилась так же относиться к тебе: чтобы ты был у нее и в то же время чтобы тебя как бы и не было.

Он рассказывал о своей последней девушке. Казалось уже, что все у них решено и оба согласны. Но тут мой брат передумал и все разрушил. И самое скверное, что он сам никак не может понять, почему он так поступил. Просто у него появилось такое чувство, когда ему стало казаться, что с другой девушкой все могло бы сложиться гораздо лучше. Все у них было о'кэй, но ему казалось, что могло бы быть еще лучше. С другой

девушкой.

И тогда он повернулся и ушел.

А теперь он жалеет об этом. Дня не проходит без того, чтобы не пожалел.

Рассказав это, он примолк и долго сидел молча и только качал головой.

Мне стало его жалко.

Я достал доску-колотилку и осторожно поставил перед ним. Затем я протянул ему молоток, и, когда он его взял, посмотрев на меня с вопросительным выражением, я молча кивнул.

Тогда он начал стучать по доске. Он негромко заколачивал колышки, следуя какому-то сложному ритму, и не один раз перевернул доску. Ни он, ни я не сказали при этом ни слова.

Пока брат стучал по доске, я чувствовал с ним необычайную близость.

КИСКА

Сегодня мы разошлись каждый сам по себе.

Брат в одну сторону, я – в другую. Мы договорились встретиться попозже, а сейчас нам обоим захотелось побыть отдельно.

Я сижу на скамейке и гляжу на людей. Мне нравится видеть, как много есть людей, кроме меня. Что их так много других. Я испытываю к ним нежность. Большинство ведь стараются как могут.

Я тоже стараюсь как могу.

Возможно, я видел многих, кому приходится не сладко.

Бедных людей, людей печальных.

Нам бы следовало быть добрее друг к другу, причем не только в Америке. Во всем мире людям надо быть добрее друг к другу.

Вот я встаю и заговариваю с прохожими.

Многие делают вид, что не замечают меня, но многие отвечают.

Я спрашиваю у них, что для них имеет значение.

Кто-то говорит: «Love»^[17].

Кто-то: «Friends»^[18].

Кто-то: «My family»^[19].

Один говорит: «Music»^[20].

Другой: «Cars»^[21].

Еще один: «Money»^[22], но я вижу, что он иронизирует.

Один сказал: «Girls»^[23].

Двое сказали: «Boys»^[24].

Некоторые называют сразу две вещи: «Friends and family»^[25].

Некоторые говорят, что не знают.

Я спрашиваю людей, думают ли они, что все в конце концов будет хорошо.

Некоторые просто качают головой, услышав такой вопрос, но некоторые все же отвечают мне, из них половина отвечает «yes», а половина – «no».

Хотелось бы знать, насколько это репрезентативно для большинства населения.

Я покупаю себе молочный коктейль и выпиваю его на ходу.

Мои новые ботинки – это супер! «Найк» – это супер!

В этом городе полно названий разных продуктов. Отчасти это так оттого, что всюду развешаны рекламные щиты, отчасти потому, что конторы многих фирм находятся здесь.

Вот я прохожу мимо здания фирмы «Ролекс».

Я спрашиваю охранника у входа, можно ли зайти и посмотреть на часы, но он говорит мне, что единственное, что тут есть, – это мастерская. Должно быть, это гигантская мастерская. Однако он вежлив со мной. Вероятно, по моему виду можно подумать, что у меня есть средства, чтобы купить «ролекс».

Однажды обратив внимание на рекламы, я стал замечать их повсюду.

Это ужасно странно, но некоторые фирмы и продукты вызывают у меня чувство эмоциональной привязанности, а некоторые из них я даже люблю:

- «Найк»,
- «Ливайс»,
- «Вольво»,
- «Снэпл»,
- «Рэй Бан»,
- «Брио»,
- «Никон»,
- «Сони»,
- «Финдус»,
- «Кэннондейл»,
- «Ролекс»,
- «Рема 1000»,
- «Кархарт»,
- «Колгейт»,
- Би-би-си,
- «Бергхауз»,
- «Юниверсал Пикчерз»,
- «NRK»,
- «Уртекрам»,
- «Фэррис»,
- «Статойл»,
- «Эппл Макинтош»,
- «САС»,
- «Серландсчипс»,

- водка «Абсолют»,
- «Атомик»,
- «Фьелльревен»,
- «Соло»,
- «Банг Олуфсен»,
- «Юропкар»,
- «Штюсси»,
- «Мэсси Фергюсон».

Дело тут не только в рекламе. Некоторые из этих компаний производят продукцию, реклама которой мне никогда не встречалась. С ними у меня, сам не знаю почему, связано представление о чем-то хорошем. Некоторые мои симпатии определенно носят наследственный характер, как это, например, обстоит в случае с «Рема 1000». Мой папа любит «Рему 1000». Он всегда все покупает в этих магазинах. Даже свой спальный мешок. А вот «Статойл» и «Мэсси Фергюсон»? Это уж и не знаю, откуда идет.

Может быть, у них такой талантливый маркетинг, что мне кажется, будто все пришло само собой, или дело в каких-то свойствах моей личности, которые заставляют меня отдавать особое предпочтение определенным именам и торговым маркам.

Может быть, дело тут в том, что легче раз и навсегда определиться с выбором, чем всякий раз, когда надо что-то купить, оказываться перед умопомрачительным изобилием возможностей.

Вряд ли мне когда-нибудь понадобится покупать трактор, но уж коли придется, то я возьму «Мэсси Фергюсон». Я просто констатирую факт.

Я пишу открытку Лизе и спрашиваю ее, какой бы она купила трактор.

Пока я сидел на скамейке, допивая молочный коктейль, мне вдруг пришла новая идея – коммерческая.

Меня вдохновило на нее здешнее капиталистическое окружение.

Моя идея касается особого вида телефонных услуг.

Надо будет обстоятельно выяснить, каковы возможности основать такую службу.

Это будет очень удобно.

В большинстве случаев эти услуги бывают противными и малосимпатичными. Они апеллируют к темным сторонам нашей личности, к людям, подобным Кенту – моему нехорошему другу. Они апеллируют к нашим инстинктам, к нашему страху одиночества.

А я хочу основать другого рода телефонную услугу. Хорошую.

Для людей, которым требуется ненадолго отвлечься. На несколько минут почувствовать, что мир хорош.

Я попрошу Бёрре напеть на магнитофон песенку про киску. Это славная песенка.

Где ты, киска, пропадала? Свою маму навещала. Что ты делала там, киска? С молока слизала сливки. Ну а мама что сказала? Мама шлепок давала.

Ну а твой ответ каков? Мяу, не надо шлепаков!

Я возьму номер на 829, выплачу Бёрре одноразовый гонорар, крон этак тысячу, напечатаю объявление в газете и буду брать двенадцать или пятнадцать крон с тех, кто позвонит.

На этом можно заработать деньги.

Я совершенно уверен, что такая услуга будет востребована. Она имеет рыночную перспективу.

У каждого из нас случаются тяжкие часы. Бывают дни, когда в душу закрадывается ощущение бессмысленности существования и мы впадаем в цинизм или иронию. Дни, когда мы перестаем верить в любовь и в то, что все в конце концов будет хорошо.

Услышать в такие мгновения милую песенку, пропетую тоненьким детским голоском, – настоящее утешение.

Если бы такая телекоммуникационная услуга уже существовала, я бы сам стал ее прилежным потребителем. И может быть, даже скорее преодолел бы свои трудности.

Приятная и согревающая душу телекоммуникационная услуга.

Я нашел новую нишу.

И если дело пойдет, я расширю свое предприятие, добавив еще несколько песенок.

Про старую лошадку.

Про козлика.

«Я знаю сад прекрасный».

Это длинный список.

Я расскажу это брату. Может быть, он вложит в эту затею крупные деньги, а если у него деньги кончатся, я щедро отплачу ему за финансовую помощь. Моя идея не в том, чтобы обогатиться. Я просто хочу, чтобы у меня было все о'кэй, а еще не прочь обзавестись хорошими часами.

Если я стану получать заметную прибыль, то смогу поделиться деньгами с какой-нибудь некоммерческой организацией.

Я страшно доволен своей идеей.

Странно, что за ней понадобилось ехать в Америку.

ШЛЕМ

Я взял велосипедный шлем.

Это отличный шлем. Голубого цвета.

Первые полчаса я был в восторге оттого, что вот наконец-то у меня есть шлем. И предвкушал, как похвастаюсь им перед Бёрре.

Но вот сейчас это уже не кажется мне так здорово. Все вышло довольно глупо.

Шлем-то не мой. Я взял чужую вещь.

Брат мне сразу же заявил без обиняков, что не желает иметь к этому шлему никакого отношения, но что он не хочет на меня давить.

Я вспоминаю дедушку и его историю про яблоню и мальчиков.

Я чувствую себя неустойчивой личностью. Бесхарактерным человеком.

Взять шлем показалось мне тогда самым естественным поступком. Вот это-то, кажется, больше всего меня и пугает.

Мы с братом выходили из большого музея, где смотрели чучела зверей и предметы, собранные со всего света.

Я был в приподнятом настроении и говорил что-то о динозаврах, и китах, и африканских млекопитающих. Я говорил также о высоком и плечистом чернокожем мужчине, который попросил меня сфотографировать его перед огромным бурым медведем с Аляски. О медведях он знал, кажется, все и говорил о них с большим уважением. Он сказал, что, если мне когда-нибудь придется совершить вынужденную посадку на Аляске, я должен тщательно обходить стороной бурых медведей. Потому что эти бурые медведи способны развивать скорость до тридцати пяти миль в час и одним ударом могут убить человека.

И вот пока я на ходу рассказывал все это брату, мы поравнялись с припаркованной машиной, на бампере которой лежал велосипедный шлем. Я остановился как вкопанный. Затем огляделся по сторонам и в мгновение ока придумал себе в оправдание целую историю, согласно которой шлем теперь должен был принадлежать мне.

Мне казалось совершенно очевидным, что шлем был потерян каким-то велосипедистом на улице и кто-то его поднял и положил на автомобиль, чтобы его не раздавил на мостовой проезжающий автобус или еще какая-нибудь машина. Мне даже казалось, что я спас шлем, потому что, если бы я

его оставил лежать, он обязательно свалился бы с бампера, когда автомобиль тронется, и был бы раздавлен под колесами.

Поэтому я взял шлем и положил его к себе в сумку, продолжая разговаривать с братом о совершенно других вещах. Но через некоторое время я почувствовал, как шлем в моей сумке постепенно тяжелеет, а когда мы пришли домой, он уже стал совсем неподъемным.

И только тут я заметил написанное внутри шлема имя и телефонный номер. Нельзя сказать, чтобы мне от этого стало легче. Владелец шлема обрел имя. Его зовут Хосе, и я представил себе, что он – эмигрант, недавно бежавший с Кубы и только что получивший в США временный вид на жительство. Но у него же наверняка нет работы! Он едва сводит концы с концами. И шлем, конечно же, дареный.

Вот такое неприятное положение, с которым очень не хочется разбираться.

Сначала меня так и подмывало углубиться в толстую книгу по теории хаоса, но шлем лежит на моем ночном столике и требует к себе внимания. А я-то уже и напяливал его на голову!

Вся ситуация отдает каким-то убожеством.

Шлем нужно вернуть хозяину, но сегодня Хосе уже спит, и звонить поздно.

Я кладу шлем на пол, чтобы он не начал мозолить мне глаза, едва я утром проснусь.

Вот что я видел сегодня:

- человека в белой рубашке, который закуривал сигарету на ступеньках перед домом, впервые за весь день позволив себе передышку (во всяком случае, так это выглядело, на мой взгляд);

- телефонную будку, в которой две телефонные трубки болтались на длинных шнурах;

- человека с плеером, который быстрым шагом проходил по залу Естественно-исторического музея, посвященному эволюции человека;

- парнишку в кафе, который глядел в пространство, когда ему что-то говорила его подруга, но требовал, чтобы, когда говорит он, она смотрела на него;

- человека, который расчесывал свою бороду;

- человека, игравшего на губной гармошке посреди улицы и не обратившего никакого внимания на то, что его чуть было не задавил грузовик;

- семейство из трех толстых немцев, которые спрашивали, есть ли

здесь лифт на второй этаж, где находится ресторан «Макдональдс»;

- мужчину, который шел рука об руку с другой женщиной;

- женщину-полицейского, которая долго стояла, разглядывая яблоко;

- женщину, которая сказала мне: «Please leave me alone»^[26], когда я предложил ей помочь отнести ее вещи вверх по лестнице.

ЗАПИСКА

Я не могу заснуть. Я думаю о том, что взять себе шлем и быть настоящим человеком – несовместимые вещи.

А когда я наконец заснул, мне приснилось, что меня никто не любит. Это была скверная ночка.

Проснувшись, я сразу позвонил Хосе.

Я сообщил ему, кто я такой, и говорю, что нашел его шлем, который он может забрать у портье в доме, где я живу.

Хосе страшно обрадовался.

По его словам, я поступил очень благородно, что позвонил ему. Он и не надеялся, что шлем к нему вернется.

– Народ в Нью-Йорке хуже волков, – говорит Хосе.

Я говорю, что иначе и быть не могло, так что не стоит благодарности.

Мой брат гордится мною и хочет раскошелиться на завтрак в китайском ресторанчике, который расположен у нас по соседству.

У меня рот до ушей.

Мне кажется, что, вернув хозяину шлем, я чувствую себя лучше, чем если бы я его вообще не брал.

Такая вот странность.

Я ем лапшу и рассказываю о своих планах насчет того, чтобы открыть телекоммуникационную службу с песенкой про кисаньку. Брат выражает некоторые сомнения, но не высказывает решительных возражений и даже не исключает возможности, что поможет мне со стартовым капиталом.

Когда мы поели, к нам подошла молоденькая китаянка с подносом. Она ставит перед нами поднос. На подносе лежит счет и два маленьких пирожка.

Внутри пирожков мы обнаруживаем крошечные записки с предсказаниями.

У моего брата написано: «You are the center of every group's attention»^[27].

На своей бумажке я прочитал: «You will be advanced socially without any special effort»^[28].

Потрясающее пророчество! Уютное, как подушка. Оно вообще не побуждает к действиям.

Однако все же хорошее.

Мне совсем не нужно ничего делать. И за это я еще получаю награду!
Пожалуй, лучшего и желать нечего.

МНОГО

О Нью-Йорке можно сказать много хорошего, но я с полной убежденностью могу сказать, что, по-моему, это один из немногих городов на свете, где получаешь больше интересных удовольствий, чем способен придумать сам.

Сегодня случилось много разных вещей.

Четыре из них имеют отношение к времени.

Для начала я нашел такую открытку:

Затем в «Нью-Йорк таймс» наткнулся на объявление.

Это была реклама фирмы «Тиффани и К°». В ней шла речь о часах, которые называются «Тиффани Тезоро». Они стоят семь с половиной тысяч долларов.

Если за песенкой о кисаньке будут звонить достаточно часто, я, может быть, смогу купить себе эти часы.

Текст объявления произвел на меня великолепное впечатление. Особенно слова про «золотой звук». Моему брату они тоже понравились.

What we remember
is what touches our heart,
A certain gesture.
The play of light.
The sound of gold.

The very moment itself.

Память хранит
То, что сердца коснулось,
Жест мимолетный.
И света игру,
И звук золотой.
И вот он – тот миг.

Немного спустя по дороге в музей мы с братом увидели девушку, которая за плату сочиняла стихи.

Она сказала, что, если я дам ей что-нибудь в пределах от пяти до двадцати долларов, она напишет мне стихотворение.

Я дал ей семь долларов и сказал, чтобы она написала о времени.

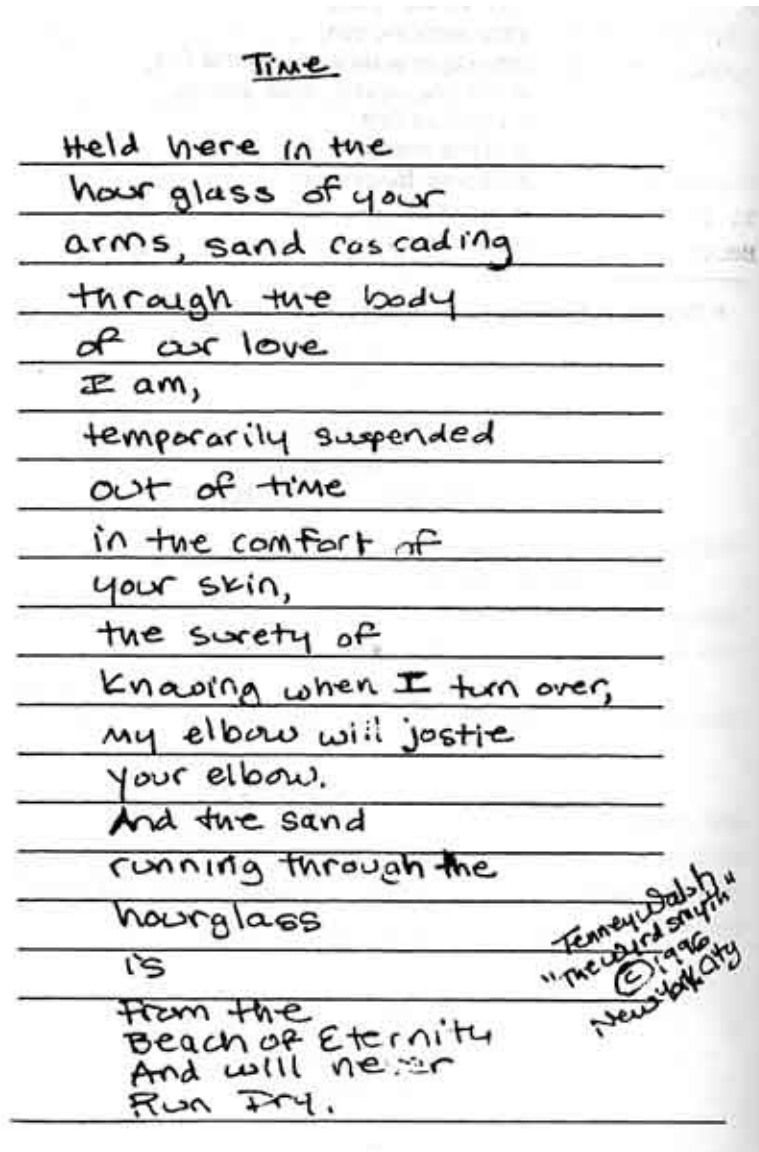
Она написала стихи за десять минут.

Получилось отличное стихотворение.

Я вижу, что над ним можно было бы еще поработать, но нельзя вечно все критиковать и всюду лезть со своим мнением. Да и девушка была очень симпатичной. Вот это стихотворение:

Время
В объятьях твоих,
Как в песочных часах,
Любовь наша –
Каскад песчинок,
И время не властно,
Пока
Меня хранит
Уют твоей кожи,
Уверенность, что,
Перевернувшись на другой бок,
Я локтем задену твой локоть,
А струящийся
В часах песок –
С Берега Вечности

И никогда
Не иссякнет. ^[29]

Четвертую вещь, имеющую отношение к времени, я встретил в Музее телевидения и радио. Мой брат устроился смотреть какую-то старую телевизионную программу. Он увлекся ею надолго, так что мне стало скучно.

Я сел за какой-то компьютер и набрал наугад первое попавшееся

слово. Не помню точно, что это было: не то «Time», не то «Timex». Но на экране появилось несколько описаний рекламных фильмов, рекламирующих часы.

Нечаянно я попал в самую точку.

Ведь я все время мечтаю о часах.

Я долго читал обзор рекламных роликов о часах. Это было здорово. Теперь я буду хорошо подготовлен, когда настанет время выбрать себе часы.

Вот несколько примеров из этого обзора.

Номер первый:

Из этого рекламного ролика можно узнать, что часы «Citizen» представляют собой наручные часы, отличающиеся стильным исполнением, что они привлекательны для мужчин и женщин, которые ценят элегантность. Мы видим на экране мужчин и женщин, готовящихся к свиданию, в качестве музыкального сопровождения исполняется песня «About a quarter to nine».

Рекламный слоган: No other watch expresses time as beautifully^[30].

Второй:

В этом рекламном ролике фирмы «Сейко» несколько мужчин и женщин рассказывают о том, что их часы фирмы «Сейко» надежно служат им, показывая точное время, на протяжении нескольких лет. Все единодушно говорят, что не зря потратили деньги на покупку этих часов, затраченные на их покупку деньги полностью окупились.

Рекламный слоган: Man invented time. Seiko perfected it^[31].

Третий:

В этом рекламном ролике, представляющем часы марки «Swatch», молодая женщина, сидя в спальне, слушает кассету с записью урока итальянского языка и одновременно красит ногти.

Четвертый:

В этой рекламе марки «Таймекс» показаны гигантские наручные часы рядом с кадрами, на которых мы видим людей, занятых работой или игрой. В дикторском тексте сообщается, что фирма «Таймекс» создала коллекцию часов, которыми потребитель сможет гордиться. Если вам требуются часы для спорта, для развлечений или деловых занятий, у «Таймекс» для всего

найдется подходящая модель.

Слоган: Bring the value of Timex Quartz into your world^[32].

Пятый:

В этом рекламном ролике фирмы «Таймекс» Джон Камерон Суэйз отправляется в Акапулько, чтобы испытать часы «Таймекс» на водонепроницаемость. Джон Суэйз наблюдает за тем, как чемпион мира по прыжкам в воду Поль Гарсия с часами «Таймекс» на руке прыгает в море с вершины знаменитой скалы Ла-Перла. Когда он выныривает на поверхность, часы по-прежнему идут. «Следует ли удивляться, что во всем мире люди покупают „Таймекс“ чаще, чем какие-либо другие часы?» – спрашивает Суэйз.

Шестой:

В этом черно-белом рекламном ролике спортивных часов фирмы «TAG Heuer» показаны пловцы и легкоатлеты, тренирующиеся на время.

Слоган: Success is a mind game^[33].

Седьмой:

В этом рекламном ролике, посвященном часам фирмы «Сейко», показаны мужчины и женщины, выполняющие ответственные обязанности на работе и дома.

Слоган: When people are counting on you, you can count on Seiko^[34].

Я был немного разочарован, что там не оказалось рекламы «Ролекса» и ни разу не упоминались атомные часы.

Однако часы «Таймекс», «Сейко» и «ТАГ-Хейер» мне тоже нравятся.

Главное – это не выбрать первые попавшиеся.

Интересно бы знать, какие часы у Поля.

Наверное, очень хорошие.

Наверное, у него атомные часы.

Если у частных лиц вообще бывают атомные часы, то в первую очередь они должны быть у Поля.

Такому счастливчику только позавидовать!

Нечасто мне доводится пережить четыре приключения, имеющие отношение ко времени.

По крайней мере так, чтобы все за один раз.

Следующего такого случая, наверное, придется ждать долго.

А вдобавок я повидал еще много чего и другого.

Похоже, я уже почти насытился. Вот что я видел:

- старичка, который сказал мне «спасибо» и назвал «brother» за то, что я дал ему денег на проезд в подземке;
- официанта-вьетнамца, который пытался объяснить моему брату, что один вид крабов, которые значились в меню, был жестким, а другой мягким;
- отгороженную улицу возле Уолл-стрит, на которой играли в бейсбол биржевые маклеры;
- латиноамериканца, ехавшего на велосипеде на слишком большой скорости;
- телевизионный репортаж о гитарах марки «Фендер», в котором один из музыкантов тяжелого рока сказал, что гитара марки «Фендер» похожа на женщину, так что с нею нужно обращаться бережно и почтительно;
- группу сорокалетних мужчин, игравших в баскетбол, по сравнению с которыми мой папа просто молодец;
- Клинта Иствуда, который подъехал на лимузине к Музею современного искусства;
- мужчину в прекрасном костюме, который радовался, глядя на горсть монет у себя в руке;
- элегантно одетую женщину, которая обругала велосипедиста «asshole»^[35];
- пожилого человека, который сидел как дежурный на стуле около лифта и что-то крикнул проходившему мимо приятелю в зеленой униформе;
- даму, которая спросила меня: «Are you going to make someone happy?»^[36] – когда я покупал цветы для наших квартирных хозяев;
- девушку по телевизору, которая плакала, потому что мама ее не любила, назвала толстой уродиной и сказала, что не желает ее больше видеть;
- человека, который широко зевнул;
- выставку, на которой выставлялось много картин одного и того же художника с изображением голубой собаки;
- чернокожего человека в красном, который кричал в микрофон посреди Таймс-сквер: «Where is the love in our society today? There is no love»^[37].

ЗДАНИЕ

Мы с братом играем теперь в игру, которую придумал Ким.

Она состоит в том, что ты сначала показываешь кому-то несколько предметов, лежащих на столе или на полу, затем закрываешь их тряпкой, а он должен по памяти назвать, что там лежит.

Мы договорились, что выигравший решает, что мы будем делать сегодня.

Я запомнил все вещи, а брат многое забыл.

Вот что он забыл:

- свою же связку ключей с зайчиком,
- пробку от пивной бутылки,
- жетон от подземки,
- воздушный шарик.

Забывать самое привычное – это всегда неприятно. После того как он сказал, что сдается, и я открыл лежавшие там вещи, он сразу воскликнул: «Зайчонок с ключами!» – с таким выражением, что сразу можно было понять, как он в душе огорчен своей неудачей.

Я утешил его тем, что зато другие вещи у него получаются очень хорошо.

У каждого есть что-то, что он умеет делать лучше всего.

Сначала брат на меня дулся, но скоро это прошло, и между нами опять все в порядке.

Мы идем смотреть «Эмпайр Стейт Билдинг».

По пути я пытаюсь рассказать брату про связь между временем и силой тяготения, но каждый раз, едва я только открываю рот, он предостерегающе вскидывает правую ладонь и качает головой.

Пока брат покупает входные билеты, я записываю номер одного из таксофонов, расположенных на первом этаже: 502 5803.

У меня задуман особый план.

И я не собираюсь открывать этот план брату.

Чтобы попасть в лифт, приходится сначала отстоять очередь. Пожилая дама передо мной держит в руке брошюрку об этом здании. Я заглядываю ей через плечо. В брошюре сказано, что высота здания равна 443 метрам, что в нем имеется 77 лифтов, которые движутся со скоростью 200—400

метров в минуту.

Я уже знаю, что «Эмпайр Стейт Билдинг» не самое высокое здание в мире.

Даже в Нью-Йорке оно не самое высокое.

Несколько дней назад в «Нью-Йорк таймс» была напечатана статья о небоскребах. Там говорилось, что в настоящее время самое высокое здание в мире находится в Малайзии, это «Петронас Тауэрс». Впервые за последние сто лет американские рекорды оказались побитыми. Долгое время рекорд высоты принадлежал зданию «Сире Тауэр» в Чикаго, но недавно какая-то организация под названием «The Council on Tall Buildings and Urban Habitat»^[38] вынесла решение, чтобы при установлении высоты не учитывались телевизионные антенны, и тогда на первое место по высоте вышло здание в Малайзии. Скоро завершится строительство здания «World Financial Center»^[39] в Шанхае и займет первое место. В газете сказано, что руководитель организации «The Council on Tall Buildings and Urban Habitat» д-р Линн Бидль не соглашается признать это печальным событием в истории американского строительства. В статье приводятся его слова: «No, no, no, there are still many great things about American buildings. Oh, many, many great things».^[40]

Меня все это не трогает. «Эмпайр Стейт Билдинг» – самое высокое здание в мире. Его я видел в кино. Оно стоит в центре Нью-Йорка. О нем пишет Поль. И до остальных зданий мне нет дела, какими бы они ни были высокими.

Наконец мы входим в лифт. Через несколько секунд я ощущаю, что у меня заложило уши. На табло отсчета этажей отмечается только каждый десятый. Для подъема от пятидесятого до шестидесятого этажа потребовалось всего несколько секунд. Вот бы видел меня Поль в эту минуту! Меня так и подмывает захлопать в ладоши.

Вид просто удивительный. Все как на ладони. Море. Город. Горы на горизонте.

Мой брат любит делать все систематически. Он не спеша читает путеводитель, где сказано, что где находится с разных сторон.

Он хочет мне все показать и объяснить, но я уже улизнул.

Найдя телефон и убедившись сначала, что брат меня не видит, я набираю номер телефона-автомата на первом этаже. Когда там кто-нибудь возьмет трубку, я собираюсь спросить у него или у нее, знают ли они о том,

что у меня наверху время идет немного быстрее, чем у них внизу.

Телефон звонит долго.

Никто не отвечает.

Чертовски обидно.

Я решил еще немножко подождать.

И вот какой-то мужчина снял трубку.

— Hello? – говорит он.

— Hello. I'm calling from the top of the building, – говорю я.

– Yes? – отвечает он вопросительно.

– Are you aware that the time runs slightly faster at the top than it does at the bottom of this building? – задаю я вопрос.

– No, – отвечает мой собеседник.

– Well, it does, – сообщаю я.

– All right, – отвечает незнакомец.

– Are you impressed? – спрашиваю я.

– Not really, – говорит он.

– But that means that time doesn't exist, – говорю я.

– Oh yeah? – говорит он.

– So what do you think? – спрашиваю я его.

– I couldn't care less, – говорит мой собеседник и вешает трубку.^[41]

Вот дурак!

Чтобы утешить себя после такой неудачи, я опускаю монетку в одну из подозрных труб и направляю ее вниз на улицу. Улица так и кишит людьми и машинами.

Я вижу человека, выходящего из банка. Он пытается поймать такси, поглядывая на свои часы.

Он похож на любого из нас. Самый обыкновенный человек. Наверняка у него есть жена и дети и домик где-нибудь в пригороде. Он старается делать все как можно лучше.

Я слежу за ним в подозрную трубу, думая про себя: «Вот я тебя вижу, а ты меня нет. Мы с тобой никогда не встретимся, но я хочу, чтобы ты знал одну вещь. Мое время идет иначе, чем твое. Наше время не совпадает. У тебя свое время, и у меня свое. Мой миг отличается от твоего. И знаешь, что это значит? Это значит, что времени не существует. Повторить тебе еще раз? Времени нет. Есть жизнь и смерть. Есть люди и животные. Есть наши мысли. И мир существует. И Вселенная. А времени нет. Можешь не волноваться по этому поводу. Ну как? Тебе от этого лучше? Мне стало лучше. Все будет хорошо. Удачи тебе, приятель!»

Я провожаю его взглядом, пока он не скрывается из глаз.

Затем я направляю подзорную трубу вверх, выше небоскребов, все выше и выше. В небо. И ощущаю, как по всему телу разливается приятное чувство.

Ну вот, вроде бы и хватит.

Больше уже ничего нельзя из этого выжать, пора и остановиться.

Я и без того обрел такую хорошую перспективу, о какой и не мечтал.

Я достаточно всего повидал.

И мне есть к чему вернуться.

Лиза.

Телефонная песенка о кисаньке.

Ожидаемый ответ Поля.

Целых три дела.

ДЕРЕВЬЯ

Сегодня мой последний день в Нью-Йорке.

Я покупаю игрушечную машинку для Бёрре. Машинка зеленая, ее можно завести, и тогда она будет ездить по полу.

Для Кима у меня есть книжка о погоде в Нью-Йорке, а для Лизы я покупаю карманный калейдоскоп.

В нем двадцать четыре узора. И если смотреть в него, то все, даже самые банальные вещи, превращается в нарядные узоры.

Это невольно заставляет меня изменить мой взгляд на вещи, казавшиеся мне раньше такими обыденными, что я их как бы не замечал.

Взять, например, моего брата. Через калейдоскоп на него очень весело смотреть.

Видишь его по-новому.

Калейдоскоп должен понравиться Лизе.

Для подарков это и есть самое главное.

Маленький подарок иногда бывает лучше большого. А средние, как правило, вообще оказываются ни то и ни се.

По пути домой мне встречается группа рабочих, которые спиливают старые деревья и кустарники и сажают на их место новые. На тротуаре уже лежат наготове большие деревья и только ожидают того, чтобы их посадили в землю.

Я обрадовался, узнав, что кому-то в этом большом городе есть дело до деревьев.

Пройдя еще немного, я нашел факс с инструкциями для рабочих. Там было написано, какие деревья и кусты нужно спилить и какие посадить взамен. Факс валялся на дороге. Похоже, что он был больше не нужен. Рабочие, как видно, и без того уже знают, что им надо делать. Я подобрал факс. Отдам-ка я его дедушке. Он будет рад узнать, что кому-то в Нью-Йорке есть дело до посадки деревьев и кустов.

MAY-01-96 WED 00:33

April 25th, 1996

Hudson St. Reconstruction Project #HWH-447H

Tree Species and Tree Count

		Spring	Fall
1. Callery Pears (Aristocrat)	40	35	5
2. Linden (Green Spire)	4	4	
3. Willow Oak	5	5	
4. Sophora (Regent)	23	20	3
5. Ginko	5	4	1
6. Locust (Shademaster/ Honey)	28	24	4
7. Columnar Oak (Upright English)	2	2	
8. London Plane	6	4	2
9. Zelkova (Upright)	10	10	
10. Flowering Crab Apple	2	2	

~~Wm. Lough's Count~~

*Total Trees per contract = 158 ²²⁴
*Total Shrubs per contract = 350 <sup>120 ?
now</sup>

**Canal St. calls for 302 Shrubs, excess will be placed @ Abingdon Sq.

This needs to be
calculated again

MAY-01-94 WED 00:134

ES/SS
304 Hudson/VANDAM

6" CP Dead

Tree/Stump Removal Prior to Planting:

60 Hudson & Thomas St. E/S

4" Dead Ginko

N/E/C Canal & Hudson

13" London Plane (not during
rush hour)

426 Hudson & St. Lukes

4" Dead Callery Pear

200 Hudson ES

2-4" CP

2 Grove St. E/S

12" Remove Stump

304-306 Hudson ES

2-4" CP

Bleeker St. E/S betw.

W. 11th to 8th Ave.

Remove the following:

13" London Plane

13" London Plane

4" Honey Locust

4" Honey Locust

641 Hudson @ Horatio St. W/S

8" Stump

649 Hudson W/S

4" Ash

503 - 507 Hudson W/S

4" Honey Locust

4" Honey Locust

507 Hudson 1 CV

ITEM # 4.16 AA -- 13

4.16 AB -- 3

4.16 AC -- 1

N/S BEACH ST AT TRIBCA PARK

61 JANE ST

6" ST 80% (CA) PLANT
5" PO

April 25th, 1996

Hudson St. Reconstruction Project #RHH-447M

Re: Tree Locations, Dimensions and Species

OFF-SITE, CB#1

TriBeCa Park? N/S Beach St. (remove 6" SJ) 1 Sophora
W. Broadway Beach St. to Moore St.

---

1 Walker St. (Opp. 250 W. B'way)		1 Callery Pear
#250 W. B'way W/S	Cut	1 Locust
#249 W. B'way E/S	Cut	2 Callery Pear
#241 W. B'way E/S	Cut	1 Zelkova
#235 W. B'way	Cut	1 Locust
N/S of White St. (relocate planter)	Cut	1 Locust

#234 W. B'way W/S	Cut	1 Sophora
#228 W. B'way W/S	Cut	1 Callery Pear
Parking Lot W/S		1 Callery Pear

Finn Square (@ W.B'way, Varick & Franklin) 2 Flowering Cra
Apple

W. B'way: Franklin to Leonard St.

W. B'way E/S (Con-Ed)	Cut	2 Zelkova
#33 W.B'way W/S on B'way	Cut	1 Callery Pear
#33 W.B'way W/S (diner)	Cut	1 Callery Pear

Leonard St. W. B'way to Church St.

Leonard St. S/S (parking Lot)	Cut	3 Callery Pear
	Cut	3 Honey Locust

*Other: existing TP @ 348B Greenwich W/S 1 Honey locust
excavate TP @ 61 W. Greenwich 2 Sophora

EX15740

Hudson St. Tree Location/Species
CON'T Pg.6

Charles to Perry St.

#535 Hudson	(CUT 5'x 10')	1 Willow Oak
Opp. 535 Hudson E/S	(CUT PIT 5'x 10')	1 Linden
#541 Hudson W/S		1 Linden

NOTE (548) Bluestone around tree, ABORIST - MUST BE PRESENT

*Careful when sidewalk work done E/S

Perry to W. 11th St.

#567 Hudson W/S	(remove dead tree)	1 Callery Pear
-----------------	--------------------	----------------

W. 11th. St. 3 of Hudson

N/S W. 11th (Remove sign post) Existing Pit 1 Zelkova

W. 11th. St to Bank St. (see Sht. 81 of 96)

#571 Hudson W/S		1 Callery Pear
#575 Hudson W/S		1 Callery Pear
#579 Hudson W/S		1 Callery Pear
#581 Hudson W/S		1 Callery Pear

CUT ALL ABOVE

Bank to Bethune

#585 Hudson W/S 1 Ginko between other 2 Ginko's

*****
FALL MAKE NEW PIT*
*****

Opp. #62 Bank N/S Bank (CUT SIDES of PIT) 1 Honey Locust

MAY-01-96 WED 08:13

Hudson St. Tree Location/Species
CON'T Pg. 5

#432 Hudson E/S 1 Ginko
*1 possible @ N/S 69 Morton St. (Cut 5'x 5') 1 Sophora Locust
#436 Hudson St. S/S Morton E of Hudson 1 Locust
Morton to Barrow St.
#451 Hudson W/S 1 Willow Oak
#455 Hudson W/S 1 Callery Pear
#460 Hudson E/S FALL 1 Callery Pear
#452 Hudson E/S (Cut 5'x 10') FALL 1 Honey Locust*
#462 Hudson E/S until Bus Stop relocated) 1 Callery Pear*
Barrow to Grove St.
#479 Hudson W/S (St. Lukes) 1 Sophora Locust
#2 Grove St. E/S of Hudson 1 Honey Locust
Remove 1-12' Oak Stump
Grove to Christopher St.
#490 Hudson E/S (PS 3) 1 Locust
St. Luke's W/S (just So. of Christopher) 1 Willow Oak
opp. #496 Hudson W/S (Cut Sidewalk) 5'x10' 1 Honey Locust
Christopher to W. 10th St.
#254 W. 10th & Hudson W/S 1 Callery Pear
#254 W. 10th. on 10th S/S (CUT Sidewalk 5' x 10') 1 Callery Pear
W. 10th St. to Charles St.
#519 Hudson W/S 1 Callery Pear
#524 Hudson on W/S W. 10th St. (CUT 5'x 5') 1 Ginko
#532 Hudson E/S 1 Willow Oak

Деревья принадлежат к числу самых лучших вещей, какие я только знаю.

Вода, деревья и девушки.

Раньше я целыми днями карабкался по деревьям. И часто подолгу сидел потом наверху, иногда по несколько часов. В гуще летней листвы меня было совсем не видно. Я видел всех, а меня никто.

Я словно был далеко-далеко. А когда слезал, это было похоже на возвращение из дальних краев.

И еще я устраивал качели. Я здорово умел делать качели. Я залезал высоко-высоко и там привязывал к ветке канат. И качался на нем.

А еще я плевался. Это было так здорово — плевать, когда раскачиваешься. После молока получался особенно густой плевок. Кому

сказать – не поверят, как далеко летел плевок после молока.

В следующий раз, когда у меня будут деньги, я пойду в спортивный магазин и куплю пятьдесят метров спортивного каната для лазания, потом выберу дерево повыше, желательно у воды, и привяжу канат, чтобы на нем качаться, а может быть, буду прыгать с размаху в воду. А Лиза чтобы смотрела.

Я заранее радуюсь, как это будет здорово.

Но вот уже брат торопит меня: пора собираться, надо укладывать вещи.

Мы возвращаемся домой. Летим на самолете в Норвегию.

Мне предстоит вернуться и проверить на опыте, как все будет видаться в новой перспективе.

Заметив в моих руках доску-колотилку, брат признался, что пользовался ею несколько раз, когда меня не было дома.

Сделав это признание, он требует, чтобы и я признал, что поездка в Нью-Йорк пошла мне на пользу. Я признаю его правоту.

Она даже очень и очень пошла мне на пользу.

Я много чего увидел. И я в это время думал как бы не думая.

А в самые лучшие моменты испытал даже полную безмятежность, и мне было хорошо и бездумно.

А сеансы метания «летающей тарелки» вообще были вроде погружения в дзен-буддистскую медитацию.

Я благодарю брата. За это и за поездку в целом. Ему ведь она влетела в копеечку.

Брат говорит, что это пустяки: «Даже не думай об этом».

– Ты хорошо выглядишь, – говорит брат. – Это единственно важное. А деньги – это неважно. Деньги приходят и уходят. А вот братья – это важно.

«Братья – важнее денег», – говорит мой брат.

В ПОЛЁТЕ

Мы сидим в самолёте.
Внизу под нами всюду море. Вода.
Я сижу сытый и сонный. И с улыбкой на лице.
Что-то такое изменилось.

Я по-прежнему не знаю, в чем состоит связь вещей и будет ли все в конце концов хорошо.

Но я поверил, что есть важные вещи.
Я верю в очищение души через игру и веселье.
Я верю и в любовь.
И у меня есть несколько хороших друзей и только один нехороший.
И мой брат тоже симпатичный и, уж точно, ничем не хуже меня.
Сейчас он спит.

На этот раз я сижу возле иллюминатора.

Сейчас за иллюминатором тьма, но скоро она просветлеет. Мы летим навстречу утру. Я отпиваю из стакана глоток воды и говорю себе, что жизнь, надо надеяться, продлится еще долго. Надеюсь также, что Поль ответил на мое письмо. Может быть, в своем ответе он все объяснил. Тогда мне можно будет расслабиться и оставить в покое мысли о Вселенной и времени.

Когда вернусь домой, то куплю себе велосипедный шлем.

И еще я позвоню Лизе и скажу ей, что, по-моему, жизнь немного напоминает путешествие и что, может быть (но именно только может быть), я – настоящий цельный человек.

OTBET

Prof. Paul Davies, 22-05-96 04:18, Re: writers question / time and the meaning

From: «Prof. Paul Davies» (pdavies@physics.adelaide.edu.au)

Subject: Re: writers question/time and the meaning of life (no less)

To: erlend@algonet.se (Erlend Loe)

Date: Wed, 22 May 1996 13:48:13 +0930 (CST)

Mime-Version: 1.0

Thank you for your enquiry. Since Professor Davies started receiving several such questions per day, he has had to adopt a policy of not offering advice. I hope you will understand.

Yours sincerely

Heather Duff

Assistant to Paul Davies^[42]

---

notes

ПРИМЕЧАНИЯ

1

Погано, но с кем не бывает (англ.)

Всякий, кто ездит на велосипеде, мой друг (англ.)

3

Норвежское название острова Шпицберген.

4

Большое сжатие (англ.)

Безумная любовь (англ.).

Ничего не бойся! (англ.)

- У Вас есть друг?
- Да (англ.)

Нет, нету (англ.).

Что такое счастье с точки зрения игры в «Лего»? Как бы вы описали чувства, испытываемые вами, когда вы собираете модели из элементов «Лего»? Существует ли, на ваш взгляд, какая – то разница между этим ощущением «счастья» и удовольствием? Способствуют ли ваши занятия с игрушками «Лего» достижению не только кратковременного, но и долговременного ощущения счастья? (англ.)

Проф. Поль Дэвис!

Я – человек молодой и чувствую себя неважно. У меня есть один друг хороший и один – плохой и есть брат, не такой симпатичный, как я. У меня нет возлюбленной.

Я учился в университете, но бросил его. Сейчас я в основном сижу целыми днями в квартире моего брата и думаю, а по вечерам кидаю мяч и ловлю его, когда он отлетает от стенки. У меня есть игрушка, состоящая из молотка и воткнутых в доску колышков, я заколачиваю колышки молотком, переворачиваю доску и снова их заколачиваю.

А так я понемногу читаю книгу, которую вы написали. Ту, в которой говорится о времени. Я не люблю вспоминать о том, что время проходит, а Вы, как я понимаю, пишете, что время не существует, меня это обрадовало, но я не вполне уверен, все ли я правильно понял – то, что у Вас написано.

Вы также говорите, что когда-нибудь произойдет коллапс и наступит конец Вселенной.

У Вас сказано столько пугающих вещей.

Я мечтаю о том, чтобы обрести ощущение, что все имеет свой смысл и что все в конце концов будет как надо.

Сейчас у меня совершенно отсутствует это ощущение.

Мне хочется задать Вам двенадцать вопросов, и я буду Вам бесконечно благодарен, если Вы на них ответите.

1. Существует ли время?
2. Пугают ли Вас размеры вселенной?
3. Бывает ли у Вас иногда такое ощущение, что все, что Вы делаете, напрасно, потому что через пять миллиардов лет Солнце все равно погаснет?
4. Нравится ли Вам кидать об стенку и снова ловить мячик?
Часто ли Вы этим занимаетесь?
- Стали бы Вы заниматься этим чаще, если бы у Вас было больше времени?
5. Кажется ли Вам, что если бы Эйнштейн был еще жив, он был бы Вашим другом?
6. Каким образом прошлое, настоящее и будущее могут существовать одновременно?

7. Приходит ли к Вам иногда желание не знать всего того, что Вы знаете, чтобы просто резвиться на морском берегу беззаботным невеждой?

8. Случайно ли, по-вашему, произошел Большой Взрыв?

9. Я не просился родиться. Как и никто из людей. При мысли об огромности и сложности Вселенной я чувствую себя таким маленьким и свободным от всякой ответственности. Это вызывает у меня такое ощущение, словно единственное, что имеет для меня смысл, – это постараться получить удовольствие от жизни. Понятно ли Вам такое чувство? Чувствуете ли Вы то же самое?

10. Как Вы думаете способен ли человеческий мозг вместить бесконечное число мыслей?

11. Не раздражают ли Вас рекламные мультипликации, в которых оживают съестные продукты, где, например, печенье пускается в пляс и само прыгает в баночку с сыром?

12. Случается ли Вам иногда невольно расхохотаться над огромными числами, с которыми Вам приходится иметь дело?

Заранее благодарю Вас.

Спокойно, Оби! (англ.)

Ну пошли! (англ.)

СоХо – район Манхэттена, известный художественными галереями и студиями. Не путать с Сохо – районом центрального Лондона, где сосредоточены французские и итальянские рестораны. Нью-йоркское название СоХо (SoHo) – это сокращение от South of Houston Street («южнее Хьюстон-стрит»). (Прим. ред.)

Как тебе не стыдно, Оби! Нехорошая собака! (англ.)

15

Как себя чувствуете сегодня, мистер? (англ.)

Отлично! (англ.)

Любовь (англ.).

Друзья (англ.).

Моя семья (англ.).

Музыка (англ.).

Машины (англ.).

Деньги (англ.)

Девушки (англ.).

Мальчики (англ.).

Друзья и семья (англ.).

Оставьте меня, пожалуйста, в покое! (англ.)

В любой компании Вы становитесь центром всеобщего внимания (англ.).

Вы подниметесь по социальной лестнице без всяких усилий с Вашей стороны (англ.).

Перевод А.Гузмана.

Вы не найдете других часов, которые так прекрасно выражали бы время (англ.)

Человек изобрел время. «Сейко» его усовершенствовал (англ.)

Сделай качество «Таймекс Кварц» частью своего мира (англ.)

Успех – это игра ума (англ.)

Если люди полагаются на Вас, Вы можете положиться на «Сейко»
(англ.)

Задница (англ.)

Вы хотите кого-то порадовать? (англ.)

Где в нашем современном обществе любовь? Нет любви (англ.)

Совет по высотным зданиям и градостроительству (англ.).

Всемирный финансовый центр (англ.).

Нет, нет, нет. В американских зданиях и сейчас тоже есть много замечательного. О, много, много всего замечательного (англ.)

- Алло?
- Алло, я звоню с верхней площадки здания.
- Да?
- Знаете ли вы, что на верхней площадке время идет чуть быстрее, чем у подножия этого здания?
- Нет.
- А между тем это так.
- Ну что ж!
- Вы поражены?
- Вообще-то нет.
- Но это означает, что времени на самом деле не существует.
- Ну-ну!
- Так что же вы об этом думаете?
- Мне это совершенно безразлично (англ.).

Выражая благодарность за присланные Вами вопросы, сообщаю, что, поскольку профессор Дэвис ежедневно получает несколько подобных обращений, он принял решения не давать разъяснений. Надеюсь на Ваше понимание.

Искренне Ваша
Хизер Дафф,
Ассистент проф. Поля Дэвиса.